

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Л.Н. ГУМИЛЕВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ
СИБАЙСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
БАШКИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (РОССИЯ)
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

РУССКИЙ ЯЗЫК В XXI ВЕКЕ: ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ

МАТЕРИАЛЫ

I международной научной студенческой конференции

**Астана
2014**

УДК 811.161.1 (075.8)
ББК 81.2 Рус. яз 73
Р 88

Редакционная коллегия:

Е.А. Журавлёва (*отв.ред.*), Д.С. Ташимханова, А.Е. Агманова, Б.М. Асмагамбетова, М.И. Кадеева, М.В. Тё, А.К. Ешекенева (*техн.ред.*)

Р 88 Русский язык в XXI веке: исследования молодых: материалы I международной научной студенческой конференции /Отв. ред. Е.А. Журавлёва. – Астана, 2014. – 175 с.

ISBN 978-9965-31-592-3

Сборник содержит статьи участников международной научной студенческой конференции, организованной по инициативе кафедры теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Казахстан) совместно с филологическим факультетом Сибайского института Башкирского государственного университета (Россия). Выступления участников конференции посвящены актуальным проблемам современного русского языка: состояние и перспективы развития русского языка; язык средств массовой информации; языковая личность и культура общения; лингвокультурное пространство региона.

Издание предназначено для студентов, магистрантов и преподавателей филологических факультетов высших учебных заведений, а также всех интересующихся проблемами современного русского языка.

УДК 811.161.1 (075.8)
ББК 81.2 Рус яз 73

ISBN 978-9965-31-592-3

© ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2014

Уважаемые участники конференции!

Уважаемые гости!

Мне хотелось бы от имени коллектива кафедры теоретической и прикладной лингвистики поздравить вас с этим знаменательным событием – открытием I международной научной студенческой конференции «Русский язык в XXI веке: исследования молодых». Тема конференции очень актуальна и важна. Молодое поколение, студенты и школьники, – это те люди, языком которых будут говорить в будущем. Именно от вас, студентов, зависит, по какому пути будет развиваться языкознание.

Проблемы языка представляются исключительно важными для любого государства, большое внимание уделяется им в Казахстане. Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев в своей политической программе и многих стратегических документах обозначил вопрос овладения языками как один из наиболее значимых. Свидетельством тому является принятая в нашем государстве Программа триязычия, направленная на формирование полиязычного и поликультурного гражданина.

Все это еще раз ярко демонстрирует, что язык необходимо беречь вне зависимости от его социального статуса, так как благодаря языку возможно нормальное человеческое общение на всей территории мирового пространства. Русский язык является одним из мировых языков и выполняет функцию языка межнационального общения в межкультурной коммуникации. В Казахстане русистика была и остается одним из основных направлений в лингвистике.

Мировое сообщество в начале XXI века выдвинуло программу устойчивого человеческого развития, признав, что социально-экономический прогресс любого государства определяется наличием высокого интеллектуального потенциала. Казахстан не остается в стороне от общемировых тенденций. С развитием образования и науки непосредственно связывается забота о будущем государства. Достижением долгосрочных целей в процветании Казахстана является подготовка образованного поколения с высоким уровнем научного и творческого потенциала. Большая роль при этом отводится университетам. Университет должен быть не только учебной, но и научной организацией. ЕНУ им. Л.Н. Гумилева принимает активное участие в развитии приоритетных научных направлений, одним из таких направлений является филология.

Наш университет имеет широкие международные связи с многими ведущими университетами стран мира, горизонты сотрудничества ежегодно расширяются. I международная научная студенческая конференция «Русский язык в XXI веке: исследования молодых» проводится в рамках сотрудничества филологических факультетов Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Казахстан) и Сибайского института (филиала) Башкирского государственного университета (Россия), договор между которыми был подписан в 2013 году.

Международный статус конференции подтверждается тем, что в ней принимают участие студенты из учебных заведений Казахстана, России, Украины и Китая.

Цель проводимой конференции – активизация интеллектуальной, познавательной инициативы студентов и школьников, вовлечение их в исследовательскую деятельность, апробация результатов научных работ. Тематика конференции охватывает следующий круг проблем:

- Современный русский язык: состояние и тенденции его развития.
- Лингвокультурное пространство региона.
- Языковая личность и культура общения.
- Язык средств массовой информации.

Эти аспекты связаны с приоритетным направлением научных исследований кафедры теоретической и прикладной лингвистики. Основная научно-исследовательская тема кафедры – «Русский язык и межкультурная коммуникация в социокультурном пространстве Казахстана». Научно-исследовательская работа профессорско-преподавательского состава кафедры направлена на проведение исследований, связанных со спецификой текста в евразийском пространстве, его ролью в обучении русскому языку в инонациональной аудитории. По результатам опубликованных работ констатируется, что особый интерес за рубежом проявляется к поднимаемым членами кафедры вопросам этнолингвистики, межкультурной коммуникации, функционирования русского языка в социально-коммуникативном пространстве Казахстана, языковой политики нашего государства.

При этом все наши теоретические исследования преследуют конечную практическую цель: они должны быть востребованы в процессе обучения в школе и вузе, в подготовке студентов, магистрантов и докторантов.

Молодежь сегодня должна демонстрировать способность комплексно и системно мыслить, выдвигать инициативы, открывать новые направления в науке. Все это будет достигнуто благодаря правильному воспитанию студенчества, развитию у него духовного потенциала, от которого зависит и язык, и цивилизация нашего будущего. И все это зависит от Вас, наше молодое поколение! Вы – носители принципиально новой культуры и новой ментальности, нового подхода и нового видения современных научных и культурных проблем.

Научное исследование, поиск – явление сугубо индивидуальное, которые базируются на личных интересах, на «вкусе» каждого ученого. В то же время научный поиск должен находиться в русле общего направления развития той или иной науки, научной школы и конкретной научной личности. Вы пока находитесь в стадии поиска, поэтому научная личность ваших научных руководителей, безусловно, является основным ориентиром в ваших научных изысканиях.

Важно подчеркнуть, что школьники и студенчество проявляют стремление к научным изысканиям, многие из выпускников продолжают обучение в бакалавриате, магистратуре и докторантуре.

Хочу поблагодарить участников студенческой конференции и их научных руководителей за проявленный интерес к ней, актуальные и содержательные выступления, пожелать всем творческих успехов, интересных научных открытий и высоких достижений в будущем!

Евгения Александровна Журавлева

*доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)*

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ ЕГО РАЗВИТИЯ

ОШИБКИ В КОНСТРУИРОВАНИИ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

Айдарова Н.

altynbekova-69@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н. Алтынбекова Г.К.

altynbekova-69@mail.ru

Южно-Казахстанский государственный

педагогический институт

Казахстан, г. Шымкент

Одним из важных показателей уровня культуры речи является умение говорящего правильно использовать в речи словосочетания – семантико-синтаксические номинативные единицы, образованные на основе подчинения определенной словоформы знаменательному слову по законам лексико-синтаксической сочетаемости и являющиеся своего рода «строительным материалом» для предложения. «Словосочетание является минимальным смысловым и грамматическим объединением слов в составе предложения и образует особый объект синтаксической науки, не устраняющий, а углубляющий учение о предложении как важнейшей коммуникативной единице нашей речи», – пишет В.П. Сухотин [1:142].

По мнению учителей русского языка, синтаксис словосочетания – одна из наиболее сложных тем школьной грамматики, важность усвоения которой обусловлена коммуникативными задачами русского языка как учебного предмета. Отбор и систематизация методических приемов, способствующих формированию практических навыков использования словосочетаний в составе предложений, предполагает учет наиболее типичных ошибок, допускаемых учащимися при конструировании словосочетаний. Их характеристика составит содержание данной статьи.

В методической литературе есть указание на то, что больше всего ошибок учащиеся допускают, нарушая связи слов, из них более тридцати процентов, по свидетельству Г.А. Фомичевой, представляют ошибки с нарушением норм управления [2: 24]. Прежде всего, считают учителя, ошибочное образование

словосочетаний со связью управление может быть объяснено влиянием ряда аналогий. Однако существует целый ряд грамматических, словообразовательных, семантических факторов, обуславливающих тот или иной тип словосочетаний и влияющих на их образование. Кроме того, в ходе исторического развития языка, структура словосочетаний может изменяться, поэтому в языке возникают дублеты, вариативные модели типа *подвести итоги работы / подвести итоги работе*. Одна из причин появления ошибок в управлении – влияние ложных аналогий на образование и употребление словосочетаний по способу управления. Известно, что ложная аналогия возникает под влиянием некоторых лексико-семантических, грамматических и фонетических особенностей управляющих слов.

Исследуя природу ошибок при конструировании словосочетаний, мы ставили перед собой задачу поиска путей их преодоления. Анализ ошибок показал, что наиболее распространенными из них являются ошибки *лексико-синтаксического* характера. К ним можно отнести ошибки, связанные с неправильным употреблением управляемого существительного («удивлялся храбростью»); использованием беспредложного управления вместо предложного и наоборот («никому не секрет»). Вторую группу составляют *морфолого-синтаксические* ошибки: неправильное согласование прилагательных и причастий с опорными существительными («новый кашне»); нарушение сочетаемостных свойств собирательных существительных или переходных глаголов.

Ошибки в употреблении падежей и предлогов свидетельствуют о том, что учащиеся не только не усвоили определенные грамматические правила, но и не владеют нормами. «Грамматическая норма, – пишет Н.Ю. Шведова, – это не обязательно старое, закреплённое традицией употребление. Грамматическая норма – это такое образование и употребление форм и категорий, которое, во-первых, последовательно воспроизводится в коллективной (речевой) языковой практике носителей литературной речи – в определенных условиях ограничения (функционально-стилевых) или вне всяких ограничений, во-вторых, обнаруживает тенденцию к живому взаимодействию с другими звеньями системы» [3: 13].

Для школьников, изучающих русский язык как неродной, является сложным усвоение и такого способа подчинительной связи

как согласование. В частности, ошибки неправильного согласования в роде наблюдаются в следующих случаях:

1) при существительных среднего рода (*море, небо, знамя, пламя, солнце, пальто* и т.д.), например: «*широкая море*», «*жаркая пламя*»;

2) при существительных женского или мужского рода с основой на мягкий согласный (*картофель, тополь, карамель, мозоль, степь, день, тень, пень, лень* и т.д.), например: «*стройная тополь*», «*жареная картофель*»;

3) при существительных мужского и женского рода с основой на шипящий (*тишь, камыш, мышь, тушь, луч, лец, овощ* и т.д.), например: «*маленький мышь*», «*свежая овощ*».

Чтобы предупредить такого рода ошибки и организовать работу по их исправлению, учителю необходимо:

а) учитывать грамматическую сущность, структуру и объем словосочетаний разного типа;

б) знать, что существуют такие словосочетания, структурные модели которых не имеют исчерпывающего описания и предполагают запоминание;

в) использовать сведения, представленные в функциональной стилистике.

Литература

1. Сухотин В.П. Проблемы словосочетания в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М., 1950. – С. 127-177.
2. Фомичева Г.А. Изучение словосочетаний в восьмилетней школе. – М., 1983. – 111 с.
3. Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе. – М., 1966. – 155 с.

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Акказенов Д., Адильбаев Д.
dina_amerhan@mail.ru

Инновационный Евразийский университет
Научный руководитель: Мукатаева Г.Е.
troza2008@mail.ru

Павлодарский юридический колледж
Казахстан, г. Павлодар

Как известно, термины обозначают специальные понятия в

определённой профессиональной области знаний или деятельности. В научной литературе отсутствует однозначное, общепринятое определение понятия «термин», что, по мнению В. М. Лейчика, объясняется «очевидно, не только тем фактом, что к моменту их формирования не сложилась научная дисциплина, предметом которой является термин (терминоведение), но и тем, что термин – это принадлежность, и объект целого ряда наук, и каждая наука стремится выделить в термине признаки, существенные с её точки зрения» [1: 135].

В доказательство этому можно привести различные определения понятия «термин», предложенные исследователями. Так, Т. Л. Канделаки под термином понимает «слово или лексикализованное словосочетание, требующее для установления своего значения в соответствующей системе понятий построения дефиниции» [2: 7]. Исследователь В. П. Даниленко считает, что «термин – это слово или словосочетание специальной сферы употребления, являющееся наименованием научного или производственно-технологического понятия и имеющее дефиницию» [3: 11]. По мнению исследователей, в качестве термина может выступать не только отдельное слово или словосочетание, но и лексико-семантический вариант слова (Б.Н. Головин, А.Я. Климовский, А.И. Моисеев, И.Н. Воробьева и др.).

Термин имеет свои основные (обязательные, постоянные) признаки, к числу которых исследователи, помимо соотнесённости со специальным понятием и взаимосвязью с другими терминами терминосистемы, относят высокую информативность, однозначность, точность, стилистическая нейтральность (В.П. Даниленко, И. С. Квитко, Волкова).

Юридический термин, являясь наименованием юридического понятия, отвечает требованиям, предъявляемым терминам вообще: имеет точный и определённый смысл, отличается смысловой однозначностью, стилистической нейтральностью, функциональной устойчивостью.

Мы попытались проанализировать особенности юридических терминов – существительных. В качестве фактического материала послужили тексты протоколов судебных заседаний городского и межрайонного специализированного судов Павлодарской области. Юридические термины были распределены по тематическим группам, были рассмотрены их семантические и словообразовательные особенности.

Тематическая классификация анализируемых терминов оказалась представлена следующими группами: наименования лица (по разным основаниям), наименования абстрактных понятий (как правило, процессов и состояний), наименования конкретных предметов.

Анализ способов образования рассматриваемых юридических терминов позволил выявить наиболее распространенные способы их словопроизводства. Практически все анализируемые юридические термины возникли в результате морфологического способа словообразования, и преобладающее большинство терминов были представлены аффиксальными образованиями. Нужно отметить, что активность способа словообразования среди рассматриваемых терминов зависела от их принадлежности к тематической группе. Так, например, в группе личных наименований продуктивны суффиксальные и сложно-суффиксальные образования. Активность суффиксов, участвующих в образовании юридических терминов, различна, однако, можно отметить активность нулевого суффикса, при помощи которого образована значительная часть отглагольных терминов.

В анализируемом материале довольно активно образование терминов префиксальным и префиксально-суффиксальным способом (соисполнитель, соучастник, дознаватель).

Неморфологические способы словообразования в нашем материале были представлены субстантивацией (потерпевший, подсудимый, обвиняемый). К неморфологическому способу словообразования мы отнесли и случаи т.н. терминологизации слов литературного языка (типа защитник, свидетель). Значительная часть терминов представлена заимствованными единицами (адвокат, прокурор, эксперт, деликвент).

Проведенный анализ свидетельствует, что в образовании терминов участвуют основные способы словопроизводства литературного языка.

Литература

1. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. — М., Издательство ЛКИ, 2007. — 256 с.
2. Канделаки Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. — М.: Наука, 1977. — 198 с.
3. Даниленко В.П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов. // Исследования по русской терминологии. — М.: Наука, 1971 — с. 7-67.

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ТОПОНИМОВ

Алпамысова П.

alpamisova-F@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н. Жумагулова Ж.Ж.

zhadi.72@mail.ru

Южно-Казахстанский государственный

университет им. М. Ауэзова

Казахстан, г. Шымкент

Топонимика (от греч. *topos* – «место» и *онома* – «имя, название») – наука, изучающая географические названия, их происхождение, смысловое значение, развитие, современное состояние, написание и произношение. Топонимика является интегральной научной дисциплиной, которая находится на стыке и использует данные трёх областей знаний: географии, истории и лингвистики. *Топонимы* – это слова, обозначающие географические названия. *Топонимия* – совокупность названий какой-либо территории. Основное значение и главное назначение географического названия – фиксация места на поверхности Земли.

Наши наблюдения показали, что в школьной практике еще недостаточно эффективно используются возможности интегративного подхода к усвоению топонимов, в результате чего у учащихся слабо сформировано представление о топонимах как о чрезвычайно интересной разновидности собственных имен. Чтобы такое впечатление сложилось, необходимо объединить усилия учителей истории, географии и учителей-словесников. Большое значение имеет определение той понятийной основы, которая должна определять характер систематизированного представления топонимических единиц. Нам представляется обязательным знакомство с существующими классификациями топонимов, которые не отличаются однородностью и не обеспечены единообразными основаниями. А между тем «...описание и анализ собственных имен невозможны без определенной классификации, которая либо незримо присутствует в ономастической работе как своеобразная платформа автора, либо специально им вводится ...», – считает А.В. Суперанская [2: 37].

Наиболее простая классификация топонимов представлена ниже в таблице.

Таблица 1. Разновидности топонимов

Разновидности топонимов	Предмет изучения
<i>Ойконимы</i>	изучают названия населенных пунктов
<i>Гидронимы</i>	изучают названия гидрографических (водных) объектов
<i>Оронимы</i>	изучают названия земной поверхности и ее рельефа
<i>Космонимы</i>	изучают названия космических тел

Можно с уверенностью утверждать, что данная классификация не является закрытой и вполне может быть продолжена.

Несомненный интерес представляет классификация Н.В. Подольской. До лингвистического анализа материала, считает она, в основу классификации должен быть положен признак самого объекта, к которому относится название. При этой первичной классификации выделяются две основные группы: названия, относящиеся к естественным природным образованиям, и названия, относящиеся к населенным пунктам. В свою очередь, внутри каждой из названных групп может быть осуществлена дальнейшая дифференциация.

По мнению Н.В. Подольской, в основу другой классификации должны быть положены собственно лингвистические средства, наиболее значимое из которых – грамматический анализ структуры топонима, так как именно структура (под структурой в данном случае понимается суффиксальное образование и характер сочетания слов) – это то, что исследователь имеет перед собой непосредственно. В результате анализа структуры можно выделить ряд структурно-морфологических групп.

Обосновывая правомерность такого подхода, Н.В. Подольская пишет: «Такая структурная классификация очень важна, так как она позволяет выявить характерные для каждой территории типы топонимов и дает возможность соответствующего дальнейшего подхода к материалу и его анализу» [1: 52].

Не менее полезным будет учет классификации, в основе которой лежит характеристика источника образования топонима [2].

В этой классификации выделяются следующие основные группы:

1. *Этническая*: сюда входят топонимы, восходящие к наименованиям племен и народов, живших на данной территории.

2. **Ландшафтная**: это топонимы, отражающие особенности окружающего рельефа, водных бассейнов, характера растительности и т. п.

3. **Мемориальная**: города, села, улицы названы в честь основателей, первых поселенцев, владельцев земельных участков, домов и др.

4. **Социально-историческая**: названия, связанные с характером производства, торговли, экономическим укладом.

5. **Вторичная (перенесенная)**: как результат компактного переселения.

Специфика географических названий заключается, прежде всего, в том, что имя, формируемое под влиянием социальных и исторических факторов развития общества, должно одновременно определять и называть объект. Топоним как бы осуществляет связь «человек – объект», что делает вполне обоснованным обращение к разным классификациям.

Литература

1. Подольская Н.В. Проблемы ономастического словообразования (К постановке вопроса) // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 40-54.
2. Принципы топонимики / Под ред. В.А. Никонова и О.Н. Трубачева. – М., 1964. – 200 с.
3. Суперанская А.В. Теория и методика ономастических исследований. – М.: Наука, 1986. – 256 с.

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА И ШУТКА В ЭПИГРАММАХ А.С. ПУШКИНА

*Бегалинова А.Е., Бакытжанова А.Ж.
Akzhana98@mail.ru*

Казахско-турецкий лицей-интернат для одаренных девочек

Научный руководитель: Раздобреева В.А.

Iig3@rambler.ru

Казахстан, г. Астана

Предметом настоящей работы является исследование языковой игры с позиции лингвостилистики на материале эпиграмм А.С. Пушкина. Языковая игра, шутка как намеренное отклонение от нормы, сознательное нарушение стандарта имеет в текстах эпиграмм

сложный характер, при ее создании автор использует разнообразные средства, позволяющие наиболее ярко реализовать языковое авторское словотворчество. Языковая игра у А.С. Пушкина выступает тем инструментом, который позволяет раскрыть потенциальные связи словесного знака и максимально использовать их для достижения эстетического и комического эффекта. Следовательно, энергетическим мотивом языковой игры поэта в жанре эпиграммы служит эмоция, что позволяет рассматривать ее в качестве одной из сфер стилистики эмоционального общения [1: 78]. Обращаясь к языковой игре, автор стремится реализовать свои творческие способности, получить удовольствие от умело выраженной мысли. Этим поистине искусством мгновенного, молниеносного обнажения низменной сути персонажа, точности словесного выражения, прекрасным владением рифмой в совершенстве обладал А.С. Пушкин.

Сжатость (краткость) стиля эпиграмм А.С. Пушкина, которые представляют собой небольшие сатирические стихотворения, высмеивающие какое-либо лицо или общественное явление, неожиданность и возможность тесно связать друг с другом разные содержания способствуют достижению яркого комического эффекта. Сила экспрессии достигается с помощью эмоционально-оценочного «приращения» смысла, наблюдающегося, прежде всего, на лексико-семантическом уровне. Главную роль в создании экспрессивно-оценочной тональности текста эпиграмм играют лексические эмоциональные средства, которые одновременно являются, как правило, и оценочными средствами. Для примера приведем эпиграмму, в которой сочетание *бездельник деловой* содержит одновременно и утверждение, и отрицание: *«Как брань тебе не надоела! Расчет короток мой с тобой: Ну, так, я празден, я без дела, А ты бездельник деловой»*. Здесь преобладают ключевые лексические семы с отрицательной семантикой – прилагательные, существительные, различные глагольные формы: *«Как! Жив еще Курилка журналист?» – «Живехонек! Все также сух и скучен, И груб, и глуп, и завистью размучен, Все тискает в свой непотребный лист – И старый вздор, и вздорную новинку» – «Фу! Надоел Курилка журналист! Как загасить вонючую лучинку! Как уморить Курилку моего? Дай мне совет» – «Да... плюнуть на него»*.

Словообразовательным средством создания иронической, сатирической окраски речи выступает в тексте эпиграммы «На графа

Воронцова» морфема *полу-*, которая, как отмечается в толковых словарях русского языка, имеет значение ‘половина чего-либо’ (например, *полукольцо*): «*Полу-милорд, полу-купец, Полу-мудрец, полу-невежда, Полу-подлец, но есть надежда, Что будет полным наконец*».

Языковая игра строится в эпиграммах А.С. Пушкина по принципу намеренного использования отклоняющихся от нормы и осознаваемых на фоне системы и нормы явлений. Типичными средствами для эпиграмм является контаминация, переосмысление, обыгрывание имен собственных и нарицательных [2: 133]. Даже оставаясь анонимными, эпиграммы выдавали его авторство: «...*Он по когтям узнал меня в минуту; Я по ушам узнал его как раз*», – писал А.С. Пушкин в эпиграмме на А. Е. Измайлова.

Художественный текст эпиграмм является многомерным, он характеризуется наслоением смыслов. С целью установления способности современного читателя распознать и понять языковую игру нами был проведен эксперимент констатирующего и психолого-лингвистического характера. Учащимся 10-11 классов школ г. Астаны предлагалось отобрать из предложенных текстов эпиграмм А.С. Пушкина фрагменты, содержащие, по мнению старшеклассников, комический эффект, и обосновать причины их выбора. В результате анализа данных эксперимента было выявлено, что «смешными» были признаны те эпиграммы, в которых комизм достигался следующими средствами:

- намеренным столкновением в тексте противоположных, лексически несовместимых значений слов;
- употреблением стилистически разнородных элементов, резко контрастирующих между собой;
- использованием эффекта обманутого ожидания, при котором одно явление демаскируется как противоположное и тем самым дискредитируется.

Вместе с тем не были признаны «смешными» тексты эпиграмм, которые заключали в основе комического факты биографии автора или адресатов его эпиграмм, а также разного рода нюансы их взаимоотношений, не известные современному школьнику.

Таким образом, исследование показало, что эпиграммы А.С. Пушкина, играющие значительную роль в русской литературе, отличаются особенной атмосферой создания языковой игры, шуток. Особый комизм достигается автором посредством разнообразных

лексических, морфологических средств, использования гиперболы, аллегории и другими стилистическими фигурами и тропами, которые придают остроту его произведениям.

Литература

1. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
2. Рыбакова А.А. Жанрово-стилистическое использование экспрессивно-оценочной лексики в русских эпиграммах XIX века // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. 2. – 2011. – № 2. – С. 131-137.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ВУЗАХ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Вэнь Пэн

penghohenzollern@gmail.com

Научный руководитель: Ст. преп. Чуваева К.М.

ksushona@bk.ru

Чжэцзянский университет

КНР, г. Ханчжоу

В настоящее время экономические и политические отношения между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой развиваются все более интенсивно. В связи с этим ежегодно увеличивается численность граждан КНР, желающих изучать русский язык, связывающих свою будущую профессиональную деятельность с Россией.

В 2010-2011 учебном году преподавание русского языка осуществлялось в 220 китайских вузах, при этом численность студентов, изучавших русский язык, достигла 50 000 человек [1: 306]. Значительная часть студентов изучала русский язык как специальность [1: 312].

В настоящее время в Китае более чем в 70 вузах функционируют факультеты русского языка [2]. Самыми большими центрами изучения русского языка являются Пекинский университет, Хэйлунцзянский университет, Даляньский университет, Пекинский университет иностранных языков и Шанхайский университет иностранных языков.

Большинство вузов, в которых преподают русский язык, находятся на северо-востоке Китая, однако на юго-востоке также располагаются университеты, в которых ведется обучение русскому языку (Фуданьский Университет, Восточно-китайский педагогический университет и др.)

Несмотря на растущий в последние годы интерес к русскому языку в Китае, до сих пор требуют решения существенные проблемы, связанные с преподаванием русского языка в китайских вузах.

1. *Несовершенство методики преподавания русского языка в КНР.* Большинство преподавателей русского языка в Китае обращают внимание на чтение, письмо и грамматику и почти не уделяют внимания аудированию и разговорной практике. В связи с этим китайские студенты могут хорошо знать грамматику, писать и читать по-русски, но не иметь коммуникативных навыков на русском языке. Кроме того, у студентов, изучающих русский язык, мало практических возможностей использовать изучаемый язык не на занятиях. За пределами учебной аудитории студенты почти не разговаривают по-русски.

Данную проблему можно было бы решить, увеличив число внеаудиторных мероприятий (экскурсий, олимпиад, фестивалей и т.п.) С другой стороны, необходимо также, чтобы студенты сами осознали важность общения на русском языке в повседневной жизни.

2. *Проблема учебно-методического обеспечения учебного процесса по русскому языку.* В большинстве университетов, где преподают русский язык, используют учебники, написанные русскими и китайскими специалистами еще во времена Советского Союза. В настоящее время содержание этих учебников устарело, и они не предоставляют студентам актуальную информацию о России. В связи с этим существует необходимость создания новых учебных материалов с учетом новейших компьютерных технологий обучения. Также в процессе преподавания русского языка необходимо использовать печатные информационные ресурсы, чтобы китайские студенты могли познакомиться с реалиями современной России.

3. *Кадровое обеспечение.* В настоящее время численность преподавателей русского языка среднего возраста в вузах КНР достаточно велика, однако несмотря на наличие диплома о высшем образовании их профессиональные знания уступают квалификации и опыту преподавателей старшего поколения. Немногие молодые преподаватели проходят стажировку в России, поэтому они недостаточно знакомы с русской культурой и современными российскими реалиями. В некоторых

вузах штат преподавателей русского языка не укомплектован полностью, для преподавания приглашаются преподаватели из других университетов. В этой связи необходимо повышать уровень профессиональной компетентности преподавателей-русистов, создавать условия для стажировок в Российской Федерации.

В работах, посвященных преподаванию русского языка в Китае, отмечаются также следующие проблемы: набор учащихся, однотипность учебных программ во всех китайских вузах, ограниченность круга научных исследований по русскому языку, нехватка высококвалифицированных переводчиков [3: 4-6, 4:201].

Таким образом, можно констатировать, что тенденции преподавания русского языка в Китае в целом положительные, однако ряд проблем, связанных с организацией обучения русскому языку в китайских вузах, требуют незамедлительного решения.

Литература

1. Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX-XXI веков. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. – 482 с.
2. Круглый стол «Преподавание русского языка в Китае» // Сайт gramota.ru. Электронный ресурс [Режим доступа]: http://www.gramota.ru/lenta/news/8_2139
3. Цзян Ин. Русский язык как иностранный в современном Китае. Электронный ресурс [Режим доступа]: http://www.amursu.ru/attachments/article/9500/%D0%B010_%D0%A6%D0%B7%D1%8F%D0%BD%20%D0%98%D0%BD6.pdf
4. Чжао Шифэн. Преподавание русского языка Китая в последние 15 лет // Молодой ученый. – 2012. – №9. – С. 200-201.

КАК ИЗБЕЖАТЬ ПСЕВДОПОНИМАНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ?

*Дорош А., Крутьева Е.
kruteva.lena@mail.ru*

*Научный руководитель: к.ф.н., доцент Куркинская Т.И.
alkirk@mail.ru*

*Алтайская государственная педагогическая академия
Россия, г. Барнаул*

В современных школах активно стали использовать приемы развивающего обучения, которые направлены на выработку у школьников универсальных, метапредметных навыков, которые пригодятся им в дальнейшей жизни. В данной работе нами

рассмотрены методы и приемы преподавания русского языка, которые способствуют формированию навыка работы с информацией, например, формируют компетенцию вычленять нужную информацию.

Необходимо обратить внимание учителя на формирование данной компетенции с помощью специальной системы упражнений, поскольку очень часто школьные задания, их формулировки и языковой материал содержат гиперонимы, которые современный школьник с трудом воспринимает.

Гиперонимы – это слова с широким значением, выражающие общее, родовое понятие, название класса предметов. Также гиперонимами в широком смысле мы считаем «размытые» формулировки, высказывания, ведущие часто к псевдопониманию. Вербальное псевдопонимание «возникает тогда, когда человеку кажется, что он понял какую-либо мысль, если ему удаётся эту мысль пересказать, изложить в словах и даже поспорить на тему этой мысли, употребляя различные термины, понятия, слова, определения и т.д. На самом деле, за этими терминами и понятиями может и не стоять ничего смыслообразующего... Говорящие не понимают, о чём они в данном случае говорят, но создают впечатление и у себя, и у тех, кто их слушает, что они что-то понимают» [1: 10-11].

Используя обобщенные наименования, учитель не учитывает, что названный «класс феноменов, границы которого говорящему не всегда абсолютно ясны» [3: 48], не формирует в сознании ученика конкретные знания.

Мы считаем, что данную проблему необходимо решать в двух аспектах. Во-первых, учитель-словесник должен грамотно подбирать языковой материал и точно формулировать задания к нему. Во-вторых, нужна система тренировочных упражнений, чтобы научить ученика работать с текстовой информацией.

В ходе исследования мы проанализировали 10 конспектов-уроков студентов-практикантов 4-го курса и пришли к следующим выводам: 1) в конспектах наблюдается теоретизирование, слабо подкрепленное практическими действиями; 2) отсутствует реальное обсуждение учебной работы; 3) не продуман механизм «обратной связи».

Приведем пример анализа задания, которое содержит гиперонимы.

Задание № 1 (из конспекта практиканта для урока в 5 классе):

Мы уже изучили с Вами члены предложения, изобразите их с помощью тех графических знаков, которыми они выделяются в предложении.

Данное задание не удачно с точки зрения смысловой информативности. Возникает ряд вопросов: О каких «графических знаках» идет речь, с какой целью предлагается это общее задание? Мы предполагаем, что целью педагога было добиться от детей механического запоминания обозначений членов предложения. Гиперонимом в широком смысле в данном случае является высказывание «Мы уже изучили с Вами члены предложения», оно не несет значимой информации. На наш взгляд, задание можно было бы конкретизировать следующим образом: во-первых, уточнить, какие именно члены предложения были изучены, во-вторых, предложить ученикам не только изобразить «графическими знаками», но и сразу наполнить грамматическим содержанием, т.е. предложить составить предложения и сделать синтаксический разбор.

Чтобы ученик получил познавательную пользу от каждого задания, выполненного на уроке, необходимо создавать такой учебный контекст, при котором ученик сам станет задавать себе вопросы «Зачем я выполняю данное учебное действие?», «Чему я научусь, выполняя данное задание?».

Подбор языкового материала для формирования текстовых компетенций также имеет огромное значение. В большинстве случаев для проверки знаний берутся фрагменты художественных текстов, или, что еще хуже, набор предложений из разных художественных текстов. В таких случаях сам языковой материал не интересен ученикам. К сожалению, учебников с авторскими законченными текстами не так много, но в качестве примера можно привести комплекты учебников В.М. Панова и Г.Г. Граник.

Один из параметров, которые используют для проверки задания PISA, – это умение школьников выявлять нужную информацию в нестандартных ситуациях. Нами был проведен эксперимент. Магистрантам первого курса было предложено одно задание PISA: представлен текст В. Берестова «Меч в золотых ножнах: повесть об археологах». В тексте было представлено два толкования непонятого послания: 1) *«Птицы летают в воздухе, мыши живут в земле, лягушки – скакуны, стрелы – боевое оружие. Следовательно, решил царь, скифы отдают ему и воздух, и землю, и коней, и свое оружие»*; 2) *«Если вы, персы, не можете летать, как птицы,*

зарываться в землю, как мыши, плавать, как лягушки, вам не избежать скифских стрел». Задание было следующее: Сравните, как описаны в тексте разные толкования послания скифов. Переделайте неверное толкование по образцу верного (придайте двум разным толкованиям одинаковую форму). С данным заданием из 21 человека справился только один. Сказалась привычка мыслить стереотипами.

Литература

1. Арсеньев А.С. Философские основания понимания личности. – М., 2001. – 592 с.
2. Киркинская Т.И., Вульфович А.В. Развитие общетекстовых умений школьников на уроках русского языка в 5-9 классах. Типология упражнений: практикум. – Барнаул: АлтГПА, 2011. – 83 с.
3. Милославский И.Г. Русский язык для говорения и письма: Как мысли выразить себя, другому как понять тебя? – М.: Дрофа, 2008. – 110 с.

КОНЦЕПТ ВРЕМЕНИ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА К. МЭНСФИЛД «ЧАШКА ЧАЯ» И ЕГО ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

Довгаль М.Н.

sergei.vk77@mail.ru

Научный руководитель: д.ф.н., доцент Марьина О.В.

marin_alex@mail.ru

Алтайская государственная педагогическая академия

Россия, г. Барнаул

Язык и культура находятся в тесной взаимосвязи. Особую роль в языковом сознании носителей языка играют ключевые слова – концепты, называющие важнейшие в жизни народа понятия и образы. В современной науке концепт понимают по-разному: как «сгусток культуры в сознании человека» [3: 40], как «единицу коллективного сознания» [1: 70-71]. В последнее время переводу концепта уделяется большое внимание, так как «национальная специфика проявляется в близких концептах разных культур в неполном совпадении содержания сопоставимых концептов» [2: 75].

Время является основополагающим атрибутом нашего бытия. Оно не подвержено каким-либо объективным внешним изменениям. Но при этом лексические и стилистические средства выражения

концепта времени претерпевают значительные изменения, связанные с субъективным восприятием человека, на которое накладывает отпечаток культура определенного народа.

Рассмотрим реализацию концепта времени на материале рассказа английской писательницы К. Мэнсфилд «Чашка чая» и его перевода. В основе ситуации, в которой реализуется концепт – встреча главной героини с незнакомой девушкой около антикварной лавки. «Молоденькая девушка», «нищенски одетое создание с огромными глазами, совсем еще юное» обратилась к Роузмери с просьбой дать ей денег на чашку чая. В первичном тексте находим: «*Madam, may I speak to you a moment?*» (сейчас / в этот момент). Во вторичном – «*Мадам, можно Вас на минуточку?*».

В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова читаем: «*Сейчас – 1. Очень скоро, немедленно, сразу. 2. Сразу, с первого взгляда (разг.)*». «*Минута – единица времени, равная 1/60 часа и состоящая из 60 секунд; промежуток времени такой протяженности*» [4:URL]. Понятие «минуточка» в русском языке не связана с конкретным промежутком времени, равным 1/60 часа, это возможность обратить на себя внимание. Мы используем оборот «Можно Вас на минуточку» для того, чтобы человек уделил нам время. Таким образом, время в английском языке более детализировано, в русском оно скорее неопределённо. Поэтому в первичном тексте девушка, обращаясь к главной героине с просьбой подать ей на чай, использует оборот «*Madam, may I speak to you a moment?*», что значит «*Мадам, могу ли я говорить с Вами сейчас?*». То есть девушка желает, чтобы Роузмери уделила ей внимание в данный конкретный момент. Во вторичном тексте девушка использует оборот «*Мадам, можно Вас на минуточку?*», который характерен ощущению времени русского человека.

Концепт «время» представляет собой многомерное ментальное образование, кодирующее знание о традициях, бытовой культуре, повседневном поведении, нормах использования времени. Русский язык отражает время, которое движется по кругу, циклично. Циклично – это «на майские», «к октябрьским», «на крещение». В английской культуре время линейно, одномерно, однонаправлено и необратимо. Об этом, в частности, говорят пословицы: «*Time and tide wait for no man*» («Время и прилив никого не ждут»), «*Lost time is never found again*» («Потерянного времени не воротишь»), «*There is no time like the present*» («Нет времени как настоящее»). «*Punctuality is*

the best virtue» («Пунктуальность – лучшая сила»). Пунктуальность – одно из генетически связанных с английской нацией понятий. Точность является неотъемлемым атрибутом англичан, рассматривается ими как гарантия надежности. Другое английское выражение «*Old Father Time*» значит «дедушка время». Седовласый старец, олицетворяющий время, представляется у англичан в образе пожилого человека с косой и песочными часами в руке. В русской культуре «время» представляется чем-то неуловимым, неосязаемым и быстротечным, оно не олицетворяется ни с чем конкретным.

Таким образом, анализ концепта «время» на материале английского текста и его перевода позволил выявить различие в его реализации. Английский язык предпочитает детализацию и конкретизацию во времени, в то время как в русском языке мы наблюдаем некоторую неопределённость в этом плане.

Литература

1. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании. // Филологические науки, №1, 2001. – С.70-71.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – С.75.
3. Степанов Ю.С. Концепты – константы в культуре. М., 1997. – С. 40.
4. Толковый словарь современного русского языка: В 4т // Под ред. Д.Н. Ушакова. Электронный ресурс [Режим доступа]: <http://ushakovdictionary.ru>

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ЗНАЧЕНИЯ НАМЕРЕНИЯ КОНСТРУКЦИЙ С ЧАСТИЦЕЙ *НЕ...ЛИ* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ефимкина А.В.

efimkina-alena@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Родионова И.Г.

inessa96@bk.ru

Пензенский государственный университет

Россия, г. Пенза

В русском языке функционирует множество самых разнообразных частиц, которые в составе предложения могут выражать различные субъективно-модальные значения:

предположение, желание, сомнение, уверенность, намерение, утверждение или отрицание. Модальные частицы помогают понять цели и намерения говорящего, его эмоциональную оценку содержание высказывания, а также ожидания, которые он связывает со своим партнёром по коммуникации.

П. А. Лекант выделяет три главенствующие частицы русского языка – **не**, **ли**, **бы**, которые способны образовывать между собой пары путем соединения двух самостоятельных частей [1: 6]. Парные частицы *не...ли* приобретают в высказывании значение предположения, намерения, *не...бы* – опасения, предупреждения.

В настоящей работе мы выделили семантические и эмоциональные оттенки значения намерения в конструкциях с частицей *не...ли*, широко используемой в разговорной речи, в том числе отражённой в художественных текстах: *Что-то я всё время верчусь, как белка, – сказал он: – Самому надоело. Не поехать ли нам на Лукьяновку, Георгий Максимович?* (К. Паустовский); *А вот что: не свести ли мне тебя к хозяину покудова?* (А. Островский).

Анализ собранного материала позволил выделить следующие семантические оттенки значения намерения с названной частицей:

– сомнение, неуверенность: [Кочкарев] *Что ж это Подколесин не идёт? Это, однако ж, странно. Неужели он до сих пор поправляет свою стремешку? Уж не побежать ли за ним?* (Н. Гоголь); *Разве не пойти ли домой да порыться в сундучке? Там у меня были стишки, против которых точно ни одна не устоит.* (Н. Гоголь); *Как вы думаете, Христофор Федорыч, – сказал он наконец, – ведь у нас теперь, кажется, всё в порядке, сад в полном цвету... Не пригласить ли ее сюда на день вместе с её матерью и моей старушкой-теткой, а?* (И. Тургенев). В приведённых примерах оттенок сомнения усиливается за счёт вопросительных частиц *разве*, а также непосредственных обращений к собеседнику: «как ты думаешь»;

– совет, адресованный потенциальному исполнителю действия, который рассматривается говорящим как полезный, оптимальный для собеседника. В таких предложениях используется сравнительная степень *лучше*: [Пульхерия Ивановна] *Чего вы стонете, Афанасий Иванович?* [Афанасий Иванович] *Бог его знает, Пульхерия Ивановна, так, как будто немного живот болит.* [Пульхерия Ивановна] *А не лучше ли вам чего-нибудь съесть, Афанасий Иванович?* (Н. Гоголь);

– оптимальное совместное действие говорящего и собеседника: *Владимир Николаич с нами может ехать?* – спросила Марья Дмитриевна. Конечно, – возразил Лаврецкий, – **но не лучше ли** нам быть в своём семейном кружке? (И. Тургенев); *Если вам угодно послушать вечернюю музыку,* – промолвил Литвинов, – я с великою охотой провожу вас. Капитолина Марковна посмотрела на свою племянницу. *Пойдёмте, тетя, я готова,* – сказала та, – **но не лучше ли** остаться дома? (И. Тургенев);

– просьба, пожелание: [Хлестаков] *Какой странный со мною случай: в дороге совершенно поиздержался.* **Не можете ли** вы мне дать триста рублей взаймы? (Н. Гоголь); *Я очень рад, что вас здесь встретил, Коля,* – обратился к нему князь, – **не можете ли** вы мне помочь? (Ф. Достоевский);

– побуждение к совместному действию: **Не пора ли нам** всех этих повес прошколить хорошенько и заставить их заниматься делом? (Н. Гоголь). Эх! – сказал он, – давайте-ка о чем-нибудь другом говорить, или **не хотите ли** в преферансик по маленькой? (И. Тургенев); [Вожеватов] **Не выпьем ли** холодненького, Мокий Парменыч? (А. Островский); *Мне так весело, как давно не бывало.* **Не выпить ли нам** шампанского! (Ф. Достоевский);

– косвенное побуждение собеседника к действию: *Мне, право, очень прискорбно, что с вами случился такой анекдот.* **Не угодно ли** вам понюхать табачку? (Н. Гоголь); **Не угодно ли** будет вам осмотреть теперь некоторые заведения в нашем городе, как-то – богоугодные и другие? (Н. Гоголь); *Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли* отдохнуть?.. вот и комната, и всё что нужно. (Городничий Хлестакову) (Н. Гоголь). Следует отметить, что при вопросе, осложненном значениями просьбы и побуждения к действию, частица *не... ли*, а также слова *лучше, угодно* зачастую выделяют инфинитив, глаголы *хотеть, желать, мочь*.

– уточнение намерения собеседника: *Чем прикажете потчевать вас, Иван Иванович?* – спросил он. – **Не прикажете ли** чашку чаю? (Н. Гоголь); [Аммос Федорович] *Не смею более беспокоить своим присутствием.* **Не будет ли** какого приказанья? (Н. Гоголь); [Городничий] *Да не нужно ли* вам в дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться в деньгах? (Н. Гоголь).

Таким образом, наблюдения за семантическими компонентами значения намерения конструкций с частицей *не...ли* позволили сделать вывод о том, что они вносят в предложение различные

эмоционально-экспрессивные и смысловые оттенки, придающие высказыванию яркость и выразительность.

Литература

1. Лекант П.А. Аналитизм в категории русских частиц // Электронный журнал «Вестник МГОУ». – М., 2013. – №1 – С. 1-8. – Режим доступа: <http://www.evestnik-mgou.ru>.

ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ СИНТАКСИСА СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ШКОЛЕ

Калдыкоз Н.

kaldykozov@inbox.ru

Научный руководитель: к.п.н. Темирбекова Г.А.

Temirbekova.Galiya@mail.ru

Южно-Казахстанский государственный

педагогический институт

Казахстан, г. Шымкент

За последние полвека проблемы синтаксиса сложного предложения привлекают особое внимание многих исследователей. Среди множества вопросов методики преподавания русского языка в школе, требующих до сих пор своей дальнейшей научной разработки, важное место занимает исследование сложного предложения и существующих связей между его предикативными единицами. Настоящая статья посвящена некоторым методическим аспектам изучения сложных предложений в школе.

Тема «Сложное предложение» изучается в школе в разделе «Синтаксис и пунктуация», при этом продолжается напряженная работа по развитию речи, формированию орфографических навыков, закрепляются и расширяются знания учащихся о способах словообразования и формообразования. В ходе изучения темы происходит усвоение или повторение целого ряда пунктуационных правил: постановка запятой, тире, двоеточия в разных видах сложных предложений, вместе с тем «на уроках, посвященных сложному предложению, занятия пунктуацией должны вестись лишь попутно, носить подчинительный характер, чтобы не отвлекать внимание школьников от основной цели урока» [2: 16] – понимать структурно-

семантические особенности сложных предложений и суть взаимоотношений между его предикативными единицами.

По мнению ряда исследователей (М.Т. Баранова, В.В. Бабайцевой, Ю. Пичугина, Т. Пахановой, М.Р. Львова, Т.А. Ладыженской и др.), основная идея обучения русскому языку в современных условиях состоит в усилении практической направленности учебной деятельности. Теоретические сведения усваиваются на уроках не сами по себе, а служат базой для формирования умений и навыков практического овладения русским языком в его устной и письменной формах. Таким образом в обучении русскому языку значительно усиливается функциональный аспект: постоянно в центре внимания стоит вопрос о том, какую функцию выполняют единицы языка в речи, каков механизм построения основных видов речи, как реализуется стилистический аспект усвоения языка. В конечном итоге, эти факторы позволяют значительно усилить мотивационную основу обучения русскому языку.

Актуальной на сегодняшний день остается проблема, связанная с тем, что недостаточно точно представлена система упражнений по синтаксису, направленных на усвоение темы, вызывает споры характер ряда заданий к этим упражнениям, степень сложности дидактического материала, используемого как на этапе организации наблюдений, так и в процессе тренировки.

Наряду с этим существует проблема, связанная с тем, что традиционная методика трансформации знаний в форме «учитель – ученик», «книга – ученик» не является эффективной в работе по данной теме: ученик оказывается «недогружен», что отрицательно сказывается на усвоении материала. «Недогрузить» мозг означает не только чуть замедлить его развитие, но и приучить к ограниченности мышления, к отказу от всего творческого, креативного: когда учиться легко – учиться неинтересно. В связи с этим новый подход к изучению сложносочиненных предложений предполагает интенсификацию процесса познания путем активного использования средств обучения и отбора таких методов и приемов работы, которые способствовали бы качественному усвоению материала на понятийном уровне и формированию необходимых навыков и умений коммуникативного характера.

Основу синтаксического уровня русского языка составляет предложение, поэтому изучение всех тем предполагает освоение

смысловых и структурно-грамматических связей между словами, составляющими главную коммуникативную единицу. Кроме того, усвоение теоретического материала связано с формированием понятийного уровня знаний учащихся, который необходим для понимания законов структурирования различных типов сложного предложения. Важность данных аспектов преподавания синтаксиса обусловила содержание и объем материала, а также его расположение: первые сведения о предложении учащиеся получают уже в начальной школе, а затем эта синтаксическая единица становится предметом пристального внимания на предварительном этапе – перед систематическим изучением морфологии: продвинутый этап (программа 9-го класса) полностью посвящен освоению материала по синтаксису сложного предложения.

Таким образом, практическая направленность преподавания синтаксиса связана со своеобразной функцией языка как средства мыслительной и познавательной деятельности школьников, как универсального способа приема и передачи информации, средства общения. Изучение синтаксиса в школе позволяет учащимся освоить богатство синтаксических средств русского языка, осмыслить при этом многообразные связи и отношения между явлениями окружающей действительности, отражаемыми средствами языка. Этот сложный интеллектуальный процесс строится на базе изучения синтаксических понятий, система которых является основой содержания школьного курса. Важным его компонентом являются правила, отражающие нормы построения сложных предложений. Поскольку последние являются формой нашего мышления, средством выражения логического содержания речи, изучаемые в школе правила носят не только грамматический, но и в ряде случаев логический характер.

Литература

1. Баранов М.Т., Ладыженская Т.А., Львов М.Р. и др. Методика преподавания русского языка. – М.: Просвещение, 1990. – 368 с.
2. Белошапкова В.А. Сложное предложение в современном русском языке. (Некоторые вопросы теории). – М.: Просвещение, 1967. – 160 с.

К ВОПРОСУ О «ГИДРОЛОГИЧЕСКОМ» ФРАЗЕОГРАФИРОВАНИИ

Кобнаева А.

Akunya24@mail.ru

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Жунусова Ж.Н.

zhanyl08@mail.ru

Евразийский национальный университет им.Л.Н.Гумилева

Казахстан, г. Астана

Различные представления и образы окружающей действительности вербально можно передать с помощью устойчивых словосочетаний – фразеологизмов. Основное назначение фразеологизмов – не просто назвать элемент реальной действительности, а, прежде всего, оказать воздействие на получателя, вызвать у него конкретную реакцию, что является задачей первостепенной важности: «удачно употребленный фразеологический оборот оживляет речь, делает ее более эмоциональной» [2].

Фразеологизмы понимаются нами как целостные по значению, лексически неделимые устойчивые выражения, выполняющие функцию отдельной лексемы. Вопросам фразеологии посвящены работы таких известных ученых-лингвистов, как В.В. Виноградов, Ф.Ф. Фортунатов, Л.В. Щерба, Н.М. Шанский, А.А. Реформатский.

Фразеологические единицы могут классифицироваться по их семантической принадлежности, в данной работе будут рассмотрены фразеологизмы определенной тематической группы с компонентом *вода*.

Вода играет главную роль «в создании и поддержании жизни на Земле, в химическом строении живых организмов, в формировании климата и погоды, а также является важнейшим жизненным веществом для всех живых существ на планете Земля» [1], с другой стороны, *вода* может быть и своеобразным объектом научно-исследовательской работы. Для лингвистики важно исследование грамматических свойств, лексикографирование в различных типах словарей, выявление сочетательных возможностей лексемы *вода* и т.д.: *буря в стакане воды, вывести на чистую воду, как рыба в воде, вилами по воде, на обиженных воду возят, выйти сухим из воды, будто воды в рот набрал, смотреть как в воду, идти в огонь и в воду, как две капли воды* и др.

Большинство фразеологических единиц обладает «оценочным значением, то есть выражает положительную или (чаще) отрицательную характеристику лица или предмета»[2]. Теми же свойствами обладают и вышеуказанные фразеологизмы с компонентом *вода*. Рассмотрим некоторые из них: *вывести на чистую воду*. По мнению некоторых исследователей, это выражение возводится к профессиональной речи рыболовов, где *выводить на чистую воду* изначально имело значение «выведение удильщиком рыбы на открытую воду, чтобы та не сошла с крючка». В данном случае отнесение данного выражения к фразеологизмам ошибочно.

В качестве фразеологической единицы *вывести на чистую воду* более верно будет употреблено в значении «разоблачение какого-либо обмана», чаще используемое в разговорном стиле речи, например: «*Мне хочется непременно вывести на чистую воду это мошенничество*» – писал Н.В. Гоголь.

А.И. Молотков выделяет и второе значение, но уже с применением эпитета «свежий», а не «чистый»: *вывести на свежую воду* – «уличать в чем-либо»[3]. Но В.П. Жуков в своем словаре делает грамматическую помету: данное выражение употребляется в предложении при подлежащем со значением лица. По утверждению авторов «Школьного фразеологического словаря» В.П. и А.В. Жуковых выражение «*как две капли воды*» имеет значение «быть похожим, чаще по внешним признакам», употребляется в разговорной речи, синтаксическая роль в предложении – обстоятельство.

Таким образом, данный «Школьный фразеологический словарь» не настолько объемный, но в полной мере раскрывает вопросы, связанные с определением и употреблением фразеологизма, дается не только толкование, но еще и грамматические, стилистические пометы и исторические справки. По своему содержанию «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А.И. Молоткова довольно объемный, но авторы этого словаря не дают никаких помет, что осложняет пользователям работу со словарем.

Употребление лексемы *вода* во фразеологических единицах расширяет значение самого фразеологизма и делает его функционирование более экспрессивным, благодаря различным коннотациям. Все вышеуказанные выражения имеют лексему *вода*, но с точки зрения семантики эти фразеологизмы непосредственно к *воде* не имеют никакого отношения. Но почему тогда подобные

выражения сочетают именно с водой? Более того, эти выражения являются устойчивыми, то есть в них нельзя будет данное слово заменить другим. Так, фразеологизм *на обиженных воду возят*, имеющее следующее значение «взваливать на кого-либо тяжелую, непосильную работу», лексема *вода* употреблено не в значении жидкости, а в значении непосильного груза. Таким образом, «источник жизни» в данном выражении появляется не в самом своем лучшем свете. Или следующее выражение *идти в огонь и в воду* определяется как «испытать на себе, перенести в жизни трудные ситуации, выстрадать»: «*Душой общества являлся Ястребов, как бывалый и опытный человек, прошедший сквозь огонь и воду*» (Мамин-Сибиряк). Здесь же *вода* – это некое испытание, пройденное человеком, и дающее этому «страдальцу» человеческие качества: богатый жизненный опыт и выносливость, что характеризует человека с положительной стороны.

Для более точного и полного понимания фразеологизма необходимо обращаться к фразеологическим словарям, они помогут определить значение, морфологические, синтаксические, стилистические свойства фразеологических оборотов.

Литература

1. Брокгауз Ф. А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1907.
2. Жуков В.П., Жуков А.В. Школьный фразеологический словарь русского языка. Изд. 2-е, перераб. М., 1989
3. Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А.И. Молоткова. М., 1967

СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Мищан С.

Natali-vuiko@yandex.ru

Научный руководитель: учитель Вуйко Н.В.

Natali-vuiko@yandex.ru

*Средняя школа Шубар, Ордабасинский район ЮКО
Казахстан, с. Шубар*

В рамках лингвокультурологического подхода к изучению русского языка большое внимание уделяется знакомству с различными формами национальной культуры, воплощающей в себе

глубинные основы мировоззрения русского народа (В.В. Воробьев, В.П. Фурманова). При этом особое место отводится изучению фольклорного наследия. Являясь областью духовной культуры, фольклор отражает народное мировосприятие, в нем представлены основные морально-этические ценности народа, то, что принято называть его «корнями» или «душой». Фольклор лежит в основе литературного творчества. Отличающаяся большой устойчивостью фольклорная традиция прослеживается в произведениях как классической, так и современной художественной литературы, придавая ей неповторимый национальный колорит.

Изучая особенности фольклорных жанров нашего региона, мы обратились к анализу специфики использованных в них языковых средств. Дело в том, что русское устное народнопоэтическое творчество традиционно исследуется со стороны его идейно-тематического содержания, особенностей созданных в них художественных образов, использования сюжетов и т.п. Что же касается лингвистической характеристики фольклорных произведений, то они в произведениях устного народного творчества исследованы еще недостаточно всесторонне. А между тем язык фольклора богат и специфичен, о чем свидетельствуют отобранные нами примеры, анализ которых нашел отражение в данной статье. Так, в жанре русской сказки мы отмечаем следующие языковые особенности. Поскольку в основе сюжета сказки традиционно лежит необычайное происшествие в рамках реальных человеческих отношений, проявляется определенное чудесное допущение, предполагающее характеристику этой необычности, то вполне понятно обращение к именам прилагательным – как качественного, так и относительного и притяжательного разрядов. Например, в сказке «Батрак» один из трех сыновей обладает *недюжинной силой*. Следует указать на тот факт, что в текстах сказок использование имен прилагательных может быть рассмотрено как способ гиперболизации. Еще одна особенность языкового оформления сказки – активное обращение к личным формам глагола.

На синтаксическом уровне необходимо отметить наличие разных способов для оформления чужой речи, в том числе и для диалога. Так, для сказки характерны специфичные структуры: 1) начальные формулы: присказка (*Жили-были...*); зачин (*В некотором царстве в некотором государстве...*); 2) конечные формулы: *Сидел кот колоброд у ворот, да убежал кот в овес, конец сказки на хвосте*

унес... *Стали они жить-поживать, да добра наживать...*; 3) срединные: формулы оповещения (*добрый молодец, красна девица*); формулы обращения (*Избушка! Стань ко мне передом, а к лесу – задом*); формулы пространства и времени (*Долго ль, коротко ль; далеко ли – близко; высоко ли – низко*) и др.

К числу изобразительно-выразительных средств, используемых в сказках, относятся: 1) постоянные эпитеты: *буланный меч, серый волк, верный друг*; 2) сросшиеся синонимы: *путь-дорога, грусть-тоска*; 3) тавтология: *диво-дивное, чудо-чудное*; 4) гипербола: *рос он не по дням, а по часам*; 5) литота: *избушка на курьих ножках, мужичок с ноготок, мальчик-с-пальчик*; 6) параллелизм: *старший сын был умен, средний был ни так, ни сяк, младший сын – совсем дурак*; 7) символика: *невеста-лебедь*.

На словообразовательном уровне отмечается употребление слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*избушка, головушка*), обращение к сочетаниям с повторяющимися приставками (*затужили-загоревали*) и т.п.

Вместе с тем, как отмечают исследователи, по сравнению с авторской сказкой, где поэтика определяется творческой манерой автора, поэтика народной сказки традиционна, набор изобразительно-выразительных средств в этом жанре достаточно ограничен. Данное замечание применимо и к таким малым жанрам русского фольклора, как пословицы, поговорки, загадки.

Литературная загадка заметно отличается от народной по форме: народная загадка сохраняется только в памяти народа, поэтому она должна быть краткой. Автор литературной загадки имеет возможность дать развернутое описание с указанием многочисленных признаков. Обладая краткостью, емкостью сравнительного образа, ритмом, народная загадка продолжает жить в веках, например: 1) *Телятки гладки привязаны к грядке* (Огурцы); 2) *Летом обумиши, зимой разумиши* (Соха). В настоящее время загадка является как раз таким жанром, который продолжает активно развиваться. Жизнь человека меняется, и в загадке появляются новые образы, но главная их особенность сохраняется: это противопоставление, сравнение, зачастую и скрытое, например: *Не лошадь, не вол, а с плугом попер* (Трактор). Большую роль в текстах загадок играет олицетворение: *У дорожки стоит Ермошка, голова на тонкой ножке* (Гриб). Но, пожалуй, самым обширным типом загадок

являются загадки-метафоры: *Красненький петушок по жердочке бежит* (Огонь).

Таким образом, специфика используемых языковых средств русского фольклора достаточно разнообразна и глубоко поэтична. Яркой особенностью фольклорных жанров является существование специальных «нерушимых» речевых формул. Так, характерная для большого количества пословиц двучастность находит отражение в использовании синтаксических конструкций, в частности, бессоюзных сложных предложений: *Назвался груздем – полезай в кузов; Любишь кататься – люби и саночки возить*.

Литература

1. Илларионова Ю.Г. Загадки. – М.: Просвещение, 1985. – 160 с.
2. Померанцева Э.В. О русском фольклоре. – М.: Наука, 1977. – 194 с.

К ВОПРОСУ О СТАНДАРТИЗАЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Муханова А.

aselichka94@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Кадеева М.И.

kadmi_ru@mail.ru

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

Казахстан, г. Астана

Стандартизация географических названий и наличие разработанной системы правил их передачи на другие языки облегчают и упорядочивают работу топонимистов, картографов. Однако есть топонимы, которые выпадают из общей системы правил и являются исключениями. Речь идет о названиях, которые передаются традиционно или переводятся: *Англия, Бразилия, Соединенные Штаты Америки*; в недавнем прошлом – *Острова Зеленого Мыса, Берег Слоновой Кости*. Традиционная передача собственных имен не учитывает действующих правил: она является исторически сложившейся. Так, мы говорим *Франция* вместо *Франс*, *Индия* вместо *Бхарат*, *Япония* вместо *Нихон* или *Ниппон*, *Финляндия* вместо *Суоми*, *Австрия* вместо *Эстеррайх*, *Греция* вместо *Эллас* или *Эллада*. Иногда по традиции закрепляется неправильная передача ударения: *Пéру* вместо *Перу́*, *Гондурáс* вместо правильного *Ондúрас* (здесь искажены также произношение и транскрипция названия).

Некоторые традиционно передаваемые названия объясняются их заимствованием через посредство других языков: *Финляндия* возникла благодаря шведскому и немецкому влиянию; *Албания* вместо *Шкиперы* издавна известна из языков соседних народов [2: 17]. Приведем другие примеры традиционно передаваемых названий государств:

<i>На языке оригинала</i>	<i>Следует читать</i>	<i>Русская форма</i>
Argentina	Архентина	Аргентина
Brasil	Бразил	Бразилия
Colombia	Колóмбия	Колумбия
Danmark	Дáнмарк	Дания
Equador	Экуадóр	Эквадор
España	Эспáнья	Испания
Honduras	Онду́рас	Гондурас
México	Мéхико	Мексика
Norge	Нóрге	Норвегия
Paraguay	Парагуáй	Парагвай
România	Ромыния	Румыния
Sverige	Свéрие	Швеция
Uruguay	Уругуáй	Уругвай

Кроме того, названия некоторых государств имеют две формы: 1) официальную (*Государство Бахрейн, Королевство Бутан, Республика Индонезия, Иорданское Хашимитское Королевство, Мальдивская Республика, Тоголезская Республика, Восточная Республика Уругвай*) и 2) “обиходную” (*Бахрейн, Бутан, Индонезия, Иордания, Мальдивы, Того, Уругвай* – соответственно). Нормализации здесь подлежат не только транскрипция иностранного названия, но и правила ударения, склонения обиходных и официальных форм имен. Например, в названиях стран, содержащих склоняемые слова *республика, королевство*, можно сказать: *в Республике Венгрия*, или *в Республике Венгрии*, если собственная часть названия имеет форму женского рода. В форме мужского или среднего рода рекомендуется ее не склонять: *в Сингапуре, в Непале, в Лихтенштейне*, но следует говорить *в Республике Сингапур, в Королевстве Непал*.

Изменения в названиях государств, в том числе употребление национальных транскрибированных форм вместо прежних переводных, происходят по разным причинам [1: 27-29]. Во-первых, может измениться официальное название страны. Во-вторых, страна может обратиться с просьбой об изменениях в передаче ее названия.

Так, в свое время были заменены переводные названия *Берег Слоновой Кости*, *Острова Зеленого Мыса* в *Кот-д'Ивуар* и *Кабо-Верде* (транскрипция с французского и португальского); официальное название Бирмы – *Социалистическая Республика Бирманский Союз* – переименовано в *Союз Мьянма*. Изменения в передаче названий происходят в результате колебаний в самой картографической практике. Так, в справочниках и атласах варьируются названия *Федерации Сент-Китс и Невис* (до 1987 г. – *Сент-Кристофер и Невис*), так как остров носит имя Св. Кристофера, а англ. *Kit* есть уменьшительная форма личного имени *Christopher*. В самой федерации допускаются четыре варианта названия, что приводит к путанице в передаче его на другие языки.

В новых названиях государств действует международный стандарт: *Буркина-Фасо*, *Бурунди*, но старое наименование *Бирма* уже имеет различные варианты: в финском и шведском *Burma* – форма, заимствованная через посредство англ. *Burma* (произносится бёмэ); русская форма *Бирма* ближе к французской *la Birmaie*. Названия государств могут быть совершенно разными в родном и иностранном языках, например, венгры имеют самоназвание *мадьяры*, соответственно страна венгров называется в языках соседних народов *Венгрией*, а самими венграми – *Magyarország*. Албанцы называют свою страну *Shqiperi*, а все соседние народы – *Албанией* (*Albanu, Albanie, Albania*). Формы названий страны *Польши* зависят от региона и традиции употребления, ближе всего к польскому *Polska* славянские названия: в чешском языке *Polsko*, в сербохорватском *Пољскā*, в болгарском *Полиа*, в русском *Польша*. Германские языки передают название Польши несколько иначе: *Polen* в шведском и немецком, *Poland* в английском, в финском языке – *Puola*. Основой наименования страны в романских языках стало древнее латинизированное название *Polonia*: итал., португ., исп. *Polonia*, франц. (*la*) *Pologne*.

В прикладной ономастике подробно разработаны правила передачи топонимов с одного языка на другой, изданы специальные справочники, содержащие правила транскрипционной передачи собственных имен на русский язык, однако многие из названий нуждаются в дальнейшей стандартизации.

Литература

1. Гиляревский Р.С., Старостина Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте. – 3-е изд. – М., 1985.
2. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий: В 5 т. – М.: Просвещение, 1982.

АББРЕВИАЦИЯ КАК СРЕДСТВО НАИМЕНОВАНИЯ СОЗДАВАЕМЫХ РЕАЛИЙ

Садиева Д.

dina_sadieva@mail.ru

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Журавлёва Е.А.

zhuravleva_ea@enu.kz

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

Казахстан, г. Астана

Современные политические и экономические процессы, которые переживает государство, нередко имеют отражение и на языковом уровне, в частности, в словообразовательных моделях. Проблемы словообразования для современной лингвистики остаются актуальными и на сегодняшний день. С каждым днем возрастает количество новых слов, в том числе образованных и с помощью аббревиации, в связи с этим повышается научный интерес к изучению аббревиатур.

Для нашего исследования наибольший интерес представляют аббревиатуры с точки зрения структурного и географического признаков. По структурному признаку различают [1]: аббревиатуры инициального типа, аббревиатуры, состоящие из начальных частей слов, аббревиатуры смешанного типа, аббревиатуры, состоящие из начальной части слова (слов) с целым словом, аббревиатуры, состоящие из сочетания начала первого слова и начала и конца второго слова или только конца.

По географическому признаку, согласно классификации проф. Е.А. Журавлевой [2, с.6], в корпусе аббревиатур, активно используемых в русском языке Казахстана, выделяются интернациональные, казахстанские, локальные аббревиатуры.

Сегодня каждый гражданин Республики Казахстан применяет в своей речи аббревиатуры разных типов. Но в данной работе более подробно хотелось бы остановиться на аббревиатурах, которые получили свое распространение, благодаря возникновению и развитию казахстанских организаций.

Большинство таких аббревиатур несут в себе национальный признак, который выражается с помощью компонентов К или Каз. Они могут состоять только из начальных частей слов, как «Казатопром» (Казахстанская атомная промышленность),

«КазАгро» (Казахстанский Агрорном) и т.д. или могут сочетать в себе начальную часть слова с целым словом: «Казбренд», «Казагромаркетинг», «КазАгрофинанс», «Казхром», «КазСтройСервис», «КазГидроНефтеТранс», «КазТрансОйл», «Казфосфат», «КазТрансГаз», «Казгидромет», «Казкоммерцбанк», «Казахтелеком» и т.д.

Такие сокращения в расшифровке не нуждаются и легко воспринимаются носителями языка. Аббревиатуры активно используются в казахском, и в русском контексте. В ряде некоторых аббревиатурных образований мы можем увидеть сочетание русского и казахского языков: «ЖайыкМунай», «КазМунайГаз», «КазГерМунай» и т.д. К примеру, аббревиатуру «КазМунайГаз» мы вполне можем перевести на русский язык и тогда она бы звучала как «КазНефтьГаз», так как казахское слово «мұнай» переводится как «нефть», а «газ» написания и произношения не меняет. Написание аббревиатуры подчинено правилам русского языка: специфическая казахская «ұ» меняется на русскую «у». Пример употребления в контексте: «Это один из крупных инвестпроектов компании «КазМунайГаз», реализуемых в рамках Государственной программы форсированного индустриально-инновационного развития, и с ним связаны перспективы не только одного предприятия, но и рынков нефтепродуктов всей республики» («Каз. правда», 28.12.2011). Подобную характеристику можно дать и остальным единицам, созданным по той же схеме.

На примере аббревиатурных образований мы можем наблюдать, как в одной лексеме могут сочетаться национальный и интернациональный признаки. Примером такого сочетания являются следующие аббревиатурные образования: «Казэкспортастык», «АргымакТрансСервис», «Казахмыс», «Каражанбасмунай», «Озенмунайгаз», «ТулпарМунайСервис», «Жайыктеплоэнерго», «Шеврон МунайГаз Инк», «КазГидроНефтеТранс», «КазСтройСервис», «Казагромаркетинг», «КазАгроФинанс» и т.д.

Для нашего государства характерно использование аббревиатур не только на кириллице, но и на латинице. Например: «АгроKZ», «Kazplast», «Kazzink», KAZENERGY, KazInterPower и т.д. Их активное использование показывают нам материалы СМИ: «Главу руководства также поздравили управляющий директор Евразийского подразделения корпорации «Шеврон» Скотт Дэвис, руководители

ТОО «**Kazzink**» Николай Попович и Геннадий Зильберберг...» («Каз. правда», 25.12.2011); «Председатель Ассоциации **KAZENERGY** Тимур Кулибаев вновь избран в состав совета директоров компании ОАО «Газпром» («Каз. правда», 01.07.2013); «Затем зарубежные дипломаты приняли участие в торжественном открытии 3-й Международной выставки оборудования и технологий по энергетике и электротехнике **KazInterPower**» («Каз. правда», 01.07.2013).

На территории Казахстана также образуются и функционируют аббревиатуры, в которых национальная и интернациональная латинская часть слова написаны кириллицей: «КазТранс**Ойл**», ТОО «Казах**ойл** Актобе», и т.д.

Приведенные выше аббревиатурные образования характерны только для современного Казахстана. Их появление, в связи с приобретением независимости, было ожидаемым и характеризуется экономической обстановкой в стране. На сегодняшний день такие наименования вошли в активный лексический словарь граждан и широко употребляются в СМИ, но не исключено, что предложенные нами аббревиатуры не станут историзмами, если исчезнет реальия, или же архаизмами, если потребуется другое наименование.

Литература

1. Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. – М., 1989.
2. Журавлева Е.А. Словарь аббревиатур по материалам средств массовой информации Казахстана – Кокшетау: Келешек – 2030, 2007. – 159 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Саменова С.Т.

sembaikizi@inbox.ru

Научный руководитель: учитель Аменова К.С.

akunzira@mail.ru

Средняя общеобразовательная школа №6

Казахстан, г. Атырау

С распадом Советского Союза стала появляться новая общественно-политическая лексика, отражающая сферу политики, экономики и демократии. Но также распад Советского Союза означал, в частности, и разрушение части преград, стоящих на пути к общению с западным миром. Активизировались деловые, научные,

торговые, культурные связи, расцвел зарубежный туризм; обычным делом стала длительная работа специалистов в учреждениях других стран, функционирование на территории стран СНГ совместных предприятий. Возросла необходимость в интенсивном общении с людьми, которые пользуются другими языками, в заимствовании терминов в таких областях, как вычислительная техника, экономика, финансы, коммерция, спорт, мода, журналистика и другие. Историческая обстановка конца XX века оказалась крайне благоприятной для развития контактов с зарубежными странами, и в лингвистическом отношении. Это сказалось в увеличении в русском языке необходимых заимствований из различных языков. Перечислим основные группы новых заимствований:

- 1) экономико-финансовые термины: *трейдер, риелтор* и другие;
- 2) политическая терминология: *сейшн, фриланс, департамент* и другие;
- 3) лексика сферы культуры и искусства: *клипмейкер, имиджмейкер* и другие;
- 4) спортивная лексика: *серфинг, сумо, плеймейкер* и другие;
- 5) слова, относящиеся к области науки и техники: *модем, компьютер, грант, интернет, файл, диск* и другие;
- 6) название предметов быта: *йогурт, степлер, флэт, пейджер* и другие;
- 7) наименования лица: *байкер, бизнесвумен, клипмейкер, имиджмейкер* и другие [1].

Заимствований не следует опасаться, но пользоваться ими нужно в тех случаях, когда это необходимо. Усвоение иноязычной лексики и злоупотребление ей – абсолютно разные явления. Если первое – это нормальный языковой процесс, то второе – безответственное отношение к языку, подражание, слепое следование моде. «Нет на земле такого языка, который был бы совершенно свободен от иноязычных влияний, так как ни один народ не живет совершенно изолированной обособленной жизнью», – так в своей книге «Лексикология современного русского языка» утверждает Н. М. Шанский» [2: 186].

Мы постарались выяснить, как ученики и учителя нашей школы относятся к обилию заимствований в нашей речи, и провели опрос. В анкетировании приняли участие 20 учителей и 26 учащихся. В результате опроса мы выяснили, что иноязычные слова очень востребованы в профессиональной деятельности учителей. Учитель

математики употребляет слова *тригонометрия, прогрессия, арифметика, геометрия, арабские и римские цифры*. Учителя истории употребляют слова *демократия, социум, названия наук и другие*. Учитель НВП часто использует слова на военную тематику: *окоп, блокада, митинг, маршировка, баррикада и другие*. Часто используют иноязычные слова учителя русского языка: *алфавит, фонетика, экзамен, библиотека и другие*. Учителя казахского языка нечасто используют иноязычные слова. Если используют, то слова, которые не переведены на казахский язык: *трактор, экскаватор, грамматика и другие*. Педагог-психолог использует слова только по необходимости и те слова, которые уместны в той или иной ситуации. А учителя начальных классов категорически против использования иноязычных слов учащимися начальных классов. Наверное, это правильно. Сначала надо научиться родному языку, а затем изучать другие языки.

На вопрос: устраивает ли вас обилие иностранных слов в русской речи, 55% учителей ответили «да», 25% учителей – «нет», 20% учителей – «не знаю». В анкетировании среди учащихся приняли участие 11 учащихся 9 класса, 6 учащихся 6 класса и 9 учащихся 5 класса. Все учащиеся знают о заимствованных словах. От 5-10 слов употребляют 18 учащихся, более 10 слов – 8 учащихся, более 50 слов никто не употребляет. Очень популярны слова, относящиеся к области науки и техники: *модем, интернет, агент, компьютер, факс, сотка, смартфон, айпот, планшет, телефон, флешкарта, блитуз, штрих*. Наиболее часто употребляют слова, обозначающие названия предметов быта (напитки, еда и другие): *йогурт, кока-кола, гамбургер, кофе и другие*.

Мои сверстники используют иноязычные слова, когда приветствуют друг друга, когда просят прощения (*сори*). Вместо ответов «да», «нет» предпочитают употреблять иноязычные слова: «о,кей», «ноу».

Таким образом, мы пришли к следующему выводу:

1. Заимствования в русском языке употребляются во всех сферах жизнедеятельности людей.

2. Но употребление иностранного слова без надобности приводит к засорению речи и к её неправильности.

3. Русский язык является языком межнационального общения в Казахстане, поэтому уметь красиво, четко и ясно говорить и писать по-русски обязан человек любой профессии.

Литература

1. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык в конце XX столетия. – М., 1975. – 302 с.
2. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1964. – 315 с.

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПАРЦЕЛЛИРОВАННЫХ И ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ЦИКЛЕ РАССКАЗОВ А.П. ЧЕХОВА «МАЛЕНЬКАЯ ТРИЛОГИЯ»

Ступичева Н.

www.Natali.ru92@mail.ru

Научный руководитель: д. ф.н., доцент Марьина О.В.

marin_alex@mail.ru

Алтайская государственная педагогическая академия

Россия, г. Барнаул

Цикл А.П. Чехова «Маленькая трилогия» мы рассматриваем с точки зрения употребления и функционирования в них синтаксических конструкций – парцелляции и присоединения. Как известно, использование этих приемов влияет на организацию текста и имеет функции «расчленения» либо «подключения» детально выраженного компонента или дополнительной информации. Но при взаимодействии языкового пласта с идейным планом использование таких конструкций приобретает намеренный специализированный характер.

Отдельно взятый анализируемый рассказ цикла выстраивается по тем законам, которые задает автор и, вследствие этого, совокупность синтаксических конструкций, образуя единый смысловой блок, является «языковым ключом» к раскрытию художественного замысла произведения.

Цикл «Маленькая трилогия» открывается рассказом «Человек в футляре». При анализе языкового материала на синтаксическом уровне обнаружено три конструкции, которые могут быть отнесены к присоединению:

1. *Мы, учителя, боялись его. И даже директор боялся.*
Присоединяемая часть подключается к основе при помощи

присоединительного союза, не несет нового денотативного значения, а конкретизирует основной элемент, и тем самым выполняет экспрессивно-выделительную функцию.

2. *Вот поди же, наши учителя народ все мыслящий, глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневе и Щедрина, однако же этот человек, ходивший всегда в калошах и с зонтиком, держал в руках всю гимназию целых пятнадцать лет! Да что гимназию? Весь город!* Снова присоединяются однородные дополнения, разделенные знаками препинания для акцентирования внимания читателей на каждом объекте.

3. *И с занятий ушел, что случилось с ним первый раз в жизни. И не обедал.* Присоединительный союз объединяет однородные сказуемые, легко функционирующие в «свернутом» варианте.

Анализируемые примеры присоединения в рассказе «Человек в футляре», безусловно, направлены на выполнение экспрессивно-выделительной функции. Ведь именно А.П. Чехову удалось настолько искусно показать деталь. Но вопрос стоит в следующем: цель детализации? Присоединительные конструкции в рассказе несут особую функцию, присоединяющийся элемент в каждом из трех примеров подключается по степени градации, причем нарастающей (*директор* выше по статусу чем *учитель*, *город* масштабнее *гимназии*, действия *ушел с занятий* и *не обедал* носят разный характер). Процесс нарастания событий, который ведет к трагедии, прослеживается во всем тексте, на разных уровнях. «Гротескные детали нарастают снова: дома он ходил в халате и колпаке, ставни на окнах закрывал на задвижки, аккуратно соблюдал посты, женской прислуги не держал, чтобы о нем не подумали дурно» [1:334]. Так, градация наблюдается на синтаксическом и смысловом уровне.

При анализе языкового пласта рассказа «Крыжовник» нами выделена одна парцеллированная конструкция: *Жил он скучно: недоедал, недопивал, одевался, бог знает как, словно нищий, и все копил и клал в банк. Страшно жадничал.* Парцеллят данной конструкции несёт качественно новую информацию. Причем она выполняет функцию некоего вывода, как следствие базового компонента, отчленяя наиболее главное, то, что акцентируется автором. Как и финал рассказа акцентируется выводом человеческой жизни.

В рассказе «О любви» также выделена одна парцеллированная конструкция, несущая обобщенно-выделительную функцию: *Здесьняя*

земля дает не много, и, чтобы сельское хозяйство было не в убыток, нужно пользоваться трудом крепостных или наемных батраков, что почти одно и то же, или же вести свое хозяйство на крестьянский лад, то есть работать в поле самому, со своей семьей. **Середины тут нет.** Здесь парцеллят «эмоционально выделяет логический вывод» [2:91].

Итак, анализ парцеллированных и присоединительных конструкций позволяет судить о том, что языковой материал сыграл роль в формировании сюжетной композиции – усиливающейся градации «идеи футлярности» в каждом из рассказов. Так синтаксические конструкции демонстрируют прогрессирующую «расчлененность» языковых единиц (от присоединения к парцелляции).

Литература

1. Кулешов В.И. Вершины: Книга о выдающихся произведениях русской литературы // В.И. Кулешов. – М.: Дет. лит., 1983. – 430с.
2. Сковородников А.П. О функциях парцелляции в современном русском литературном языке // Русский язык в школе, 1980. – №5.

МЕТАФОРА В БИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЕ

Сундеткалиева Ф.А.

star...fatima@mail.ru

Научный руководитель: д.п.н., профессор Кажигалиева Г.А.

Kazhigaliyevagu@mail.ru

Казахский национальный педагогический

университет им. Абая

Казахстан, г. Алматы

Метафора есть средство постижения Бога.

А.Г. Каменский

Метафора – глобальна, если иметь в виду ее роль в человеческом естественном языке. Метафора активно функционирует и в науке, и в искусстве, и в спорте, и в религии, и в нашем повседневном языке. Под *метафорой* (греч. *metaphora* – «перенесение») мы вслед за многими авторами понимаем слова или выражения, обозначающие перенесение свойств одного предмета (явления) на другой по

принципу сходства, то есть на основании признака, общего для обоих сопоставляемых членов; это скрытое сравнение, уподобление, например: *говор волн, бронза мускулов, шляпка гвоздя, глазное яблоко, нос лодки, шепот листьев, пожар сердца, хвост поезда* и др. [1; 2; 3]. В широком смысле метафора – это любой вид использования слов в переносном значении. Научные метафоры дают нам возможность увидеть какой-либо предмет или идею «в свете» другого предмета или идеи, что позволяет применить приобретенные знание и опыт для освоения нового и для решения задач в других областях. Существенные признаки научной метафоры: 1) делают неизвестное известным; 2) подлежат дальнейшей проверке и уточнению; 3) являются достоянием целого научного сообщества. Наиболее значительными функциями метафоры в науке выступают: 1) *репрезентативная* – метафора представляет новое явление, новый научный объект; 2) *информационная* – метафора дает первоначальную информацию об объекте; 3) *орнаментальная* – метафора украшает научную речь, делает ее более насыщенной; 4) *предсказательная* – метафора предсказывает наличие у объекта каких-либо свойств; 5) *объяснительная* – метафора поясняет смысл явления; 6) *экономичная* – метафора позволяет кратко охарактеризовать явления и процессы, которые при другом способе выражения было бы описать очень трудно; 7) *образно-наглядная* – метафора создает образ, способствующий постижению данного явления.

В биологии – науке, изучающей жизнь во всех ее проявлениях, как показывают наши наблюдения, анализ биологических терминов, метафоры присутствуют на всех ее уровнях, они, будучи заимствованными из многообразных предметных сфер и областей реальности, совершенно не мешают друг другу, так как решают разные задачи. Метафоры в биологии присутствуют, прежде всего, в названиях множества биологических видов: 1) названия бабочек: *адмирал (vanessa atalanta)* и *монашенка (lumantria monacha)*; 2) названия моллюсков: *морское ушко (haliotis tuberculantia)*, *морской зуб (dentalium vulgans)*, *мраморный конус (conus marmoratis)*, *морской ангелок (clione limacina)*; 3) названия рыб: *лоцман, парусник, рыба-хирург, рыба-ангел, рыба-попугай, рыба-бабочка, морская собачка, бычок, рыба-зебра, угольная рыба*; 4) названия птиц: *кардинал, райская вдовушка, знаменосец, молния, эльф, зорька, шмель, орлиный клюв, мечеклюв*. Но метафора в биологии – это не только названия в

номенклатуре и таксономии; метафоры лежат в основе важнейших теорий данной науки. Так, важнейшая из теорий биологии – клеточная теория – основывается, по сути, на метафоре, введенной Р. Гуком в 1665г. Метафорой является здесь само понятие *живой клетки*: ученый предложил трактовку увиденных им в микроскоп структурных элементов живых организмов как клеток, рассматривая их по аналогии с маленькими камерами для заключенных или монастырскими кельями. Развитие клеточной теории привело к понятию *ткани*, введенному Н. Грю в 1682 г. *Ткань* – это также биологическая метафора: ученый предполагал, что стенки клеток переплетены как волокна у текстиля; тканью стали в биологии называть впоследствии клетки одного типа (*мышечная ткань, соединительная ткань*).

С целью подтверждения гипотезы о ключевой, универсальной роли метафоры, нами был проведен эксперимент в период прохождения практики в школе-гимназии № 12 г. Алматы. Как будущих учителей биологии нас интересовала в этом случае школьная практика, и мы руководствовались идеей приобщения школьников к миру метафоры. На внеурочных занятиях по биологии в 5-7 классах нами были предложены следующие задания, основанные на метафоре:

Первое задание. Подобрать определения-метафоры к следующим фитонимам (названия растений) и зоонимам (названия животных): *акация, карагач, верба, осина, липа; летучая мышь, жираф, кенгуру, крот, кукушка*. Не на все указанные биологические названия учащимися были подобраны определения-метафоры, приведем наиболее удачные: *кукушка – пернатая гадалка; летучая мышь – сталактит, оживающий ночью; крот – шахтер из отряда грызунов; липа – зелёное облако сладкого аромата*.

Второе задание было занимательным: учащимся зачитывались загадки о растениях, основанные на метафоре. Целью использования данного задания было подтверждение важной роли метафоры в освоении основ наук в школе. Нами были использованы следующие загадки: 1) *На плечах Игнашки Сорок три рубашки – Все из ткани отбелённой, А поверх – пиджак зелёный.* (Капуста); 2) *Хоть чином не хан, На голове султан, И с золотом кубышки Запряжаны под мышки.* (Кукуруза); 3) *Есть змеи стометровые, Зелёные, бордовые, А капитану в море От них большое горе.* (Водоросли); 4) *Что за бусинка вот тут На стебельке повисла? Глянешь – слюнки потекут,*

А раскусишь – кисло. (Клюква); 5) Все детки на ветках – С рождения в беретках. С веток упадут – Береток не найдут. (Желуди)

Анализ показал, что учащиеся 5-х классов активно участвовали в разгадывании загадок, убеждаясь в универсальной и глобальной роли метафоры в жизни человека, в том числе и в образовательном процессе. В ходе исследования мы получили практическое подтверждение тезиса о том, что метафора удобна для языка науки, поскольку использование старого слова в новом (метафорическом) значении позволяет выразить неизвестное через известное, через то, что мы уже освоили своим языковым опытом. Таким образом, употребление старого, известного слова в новом значении, что и является метафорой, есть эффективное средство доступного донесения научного знания.

Литература

1. Большой словарь иностранных слов. – М.: Изд. «ИДДК», 2007. – 815 с.
2. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2000. – 1453 с.
3. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Сов. энциклопедия: ОГИЗ, 1935-1940.

ГРАФИКА КАК ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

Таипова Д.

taipova_dinara@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Кузьмина Н.А.

Kuzmina5173@mail.ru

Ульяновский государственный

педагогический университет им. И.Н. Ульянова

Россия, г. Ульяновск

Комплексное изучение поэтического текста проводится на всех языковых уровнях, в том числе и на уровне графики. Термин «графика» имеет два значения. Во-первых, графика – это «совокупность средств письменной фиксации элементов звучащей речи». Во-вторых, «специальный раздел науки, характеризующей взаимоотношение между графическими знаками и звуками» [3].

Объектом нашего исследования стала графика поэтического текста. «Поэтическая графика как явление внешнетекстовое направлена внутрь текста, к его глубинным смыслам, так как своими конкретно-физическими, визуально воспринимаемыми знаками не просто соотносится с текстовым содержанием знаков языковых, а непосредственно связана с ними, являясь основным выразителем их формы, содержания и функций» [2: 127].

В настоящее время многие исследователи стали чаще обращать внимание на графику поэтического произведения. В учебных пособиях по анализу художественного текста появляются целые разделы по изучению данного явления. Расширился круг вопросов, связанных с изучением графики.

К основным графическим средствам выразительности относят: абзацное членение; индивидуально-авторские знаки препинания; нумерацию; шрифтовые средства; дефисацию и др.

Повышенный интерес к использованию графических средств выразительности, прежде всего, связан с появлением и широким распространением компьютерных технологий, которые открывают новые возможности в области поэтической графики. Наблюдается усложнение графических средств, которые в разной степени употребляют поэты. Частое использование графических средств связано также и с распространением такого явления, как акrostих, палиндромический и фигурный стих. В настоящий момент наблюдается тенденция развития данного направления.

Особая выраженность графической стороны художественного текста проявляется в лирике Марины Цветаевой. Наиболее часто в её произведениях обнаруживаются индивидуально-авторские знаки препинания и дефисация. Несколько слов об этом средстве выразительности. Дефисация – это «морфемное членение слова с помощью дефиса» [4: 107].

Марина Цветаева нередко обращалась к использованию дефисации на протяжении всего своего творчества, но, по нашим наблюдениям, наибольшая частотность употребления обнаруживается в зрелый период творчества поэта, а именно в кризисные для России годы гражданской войны и во времена становления Советского союза. Начиная с 1917 года, отмечаются единичные случаи употребления М.Цветаевой данного графического знака, а с 1920-1930-х годов использование дефисации в лирике поэта становится явлением постоянным.

Чаще всего дефисация происходит по схеме: «приставка» – «дефис» – «остальная часть слова». Распространённой приставкой, которая участвует в процессе дефисации, является морфема *рас-* в значении разделения, прекращения взаимодействия с чем-либо. По частеречной принадлежности слова, подвергшиеся членению, относятся к существительным и глаголам. Так, например, в известном и часто цитируемом стихотворении «Рас-стояние: вёрсты, мили...», посвящённом Б.Пастернаку, с помощью дефиса М.Цветаева выражает мысль о непреодолимости расстояния между двумя поэтами – родственными душами. Поэты разделены географически *вёрстами* и *милями*, но даже это обстоятельство не позволит разъединить двух людей, близких друг другу по духу.

Анализ графических особенностей стихотворений М.Цветаевой позволяет выявить основные функции дефисации в её творчестве:

- 1) выделение строки (слова);
- 2) текстообразующая функция;
- 3) участие в интерпретации смысла.

Все три функции взаимодействуют между собой, но для того, чтобы показать это, необходим анализ конкретного поэтического текста.

Необходимо отметить, что большинство изданий, печатающих стихотворения М. Цветаевой, нередко допускают ошибки при постановке знаков тире и дефиса (вспомним, что тире – знак синтаксиса, а дефис относится к области орфографии). Не разграничив данные понятия, можно упустить возможность раскрыть смысл стихотворений М.Цветаевой, так как все графические знаки, установленные поэтом, несут в себе особую нагрузку и имеют особый подтекст. Поэтому стоит обратить внимание на этот немаловажный аспект.

Литература

1. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учебное пособие. – М., 2009. – 502 с.
2. Казарин Ю.В. Филологический анализ поэтического текста. – М., 2004. – 432 с.
3. Падежи.ру // Электронный ресурс [Режим доступа, дата обращения: 10.11.2013]: <http://padeji.ru/fonetika/grafika>
4. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. Сковородникова А.П. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 480 с.

ОТРАЖЕНИЕ ПРАВОПИСНОЙ НОРМЫ В СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ

Хасанова А. М.

aygerim_khasanova@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Кадеева М.И.

kadmi_ru@mail.ru

*Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева*

Казахстан, г. Астана

В качестве объекта нашего исследования выбрана тематическая группа названий *языков программирования*, принадлежащая терминологии вычислительной техники и формирующаяся в русском языке с 60-х гг. прошлого века. Предметом рассмотрения является орфография, практически не регламентированная область лексического ряда наименований, представленных такими единицами, как *СИМСКРИПТ*, *ФОКАЛ*, *Симула-67*, *Синтол*, *Эль-76*, *Ада*, *Рефал*, *Паскаль*, *АПЛ*, *Форт* и мн. др., требующими максимального единообразия материального облика слова. В настоящее время, ввиду отсутствия правил написания названий алгоритмических языков, существует несколько модификаций орфографии терминологических единиц (*ALGOL*, *Algol*, *АЛГОЛ*, *алгол*), что находит отражение в двух сферах реализации терминологии – сфере фиксации и сфере функционирования.

Названия языков программирования (*Java*, *Delphi*, *Perl*, *CORBA*, *SourceSafe*; *Macromedia* и др.) создаются в основном на базе английского языка, которому принадлежит приоритет в разработке и терминологии самих научных понятий [6: 33]. Ведущим способом заимствования данных терминов-названий является транслитерация (*FORTRAN* – *ФОРТРАН*, *Simula* – *Симула*, *BLISS* – *БЛИСС* и пр.), отмечены также единичные случаи транскрипции, вытеснивший транслитерированную форму (*Бейсик* – транскрипция и *БАЗИК* – транслитерация). Однако основной орфографический вопрос, включающий три момента, связан с использованием прописных и строчных букв: 1) полностью прописная орфография (*КОБОЛ*, *СИМСКРИПТ*, *ФОКАЛ*, *ФОРТРАН*); 2) частично прописная, с первой заглавной буквой (*Лисп*, *Пролог*, *Си*); 3) полностью строчная (*симула*, *плэнер*, *паскаль*).

Процесс становления орфографической нормы в названиях языков программирования, как показывают наблюдения, сопряжен с некоторыми принципиальными характеристиками терминов по занимаемому ими месту в системе русского языка. Генетически все названия языков программирования являются именами собственными, присвоенными автором или группой авторов определенной системе алгоритмов и зафиксированными в соответствующем свидетельстве. Однако характер функционирования подобных обозначений в языке и наблюдения над некоторыми узуальными языковыми процессами не исключают возможности перехода названий языков программирования в класс нарицательных имен, ср. *ФИАТ* – *фиат*, *ГАЗ* – «газ» и *газик*. В орфографии находит отражение и структурный тип слова: основной корпус названий языков программирования составляют аббревиатуры, которым, как известно, свойственна прописная орфография. В этом отношении написание сложносокращенных слов инициально-слогового типа, как *АЛМО*, *АЛГАМС*, *АЛГОЛ*, *КОБОЛ*, *КОМИТ* и др., представляется правомерным.

На формирование правописной нормы значительное влияние оказывает также процесс освоения иноязычного слова русским языком. Поскольку названия алгоритмических языков пришли в русский язык в готовом, авторском виде, целесообразно при выработке рекомендаций учитывать орфографию первоисточника. В силу традиционного приоритета первой фиксации названия того или иного изобретения (или открытия), в международной литературе, как правило, отсутствуют колебания в написании этих терминологических единиц.

В настоящее время в русском языке имеют место три тенденции написания названий языков программирования. Первая, представленная прописной орфографией *КОРАЛ*, *ПОПЛАН*, *КВИКТРАН*, *ФОКАЛ* (*тип А*), появившись в начале 60-х годов прошлого века, имеет и сегодня прочные позиции, подкрепленные такими моментами, как орфография первоисточника, традиция употребления в международной литературе, традиция написания аббревиатур. Вторая модификация формального облика обозначений *Лисп*, *Лого*, *Бейсик*, *Снобол-4*, *Модула* (*тип В*) отмечена в литературе с начала 70-х годов, когда иноязычный термин прошел предварительный этап освоения русским языком. Этот тип представляет собой перспективную тенденцию, соответствующую

нормам правописания имен собственных и охватывающую большую часть всех написаний названий языков программирования. В середине 70-х годов XX века появилась третья орфографическая модификация терминологических единиц *паскаль*, *симула*, *лисп*, *алгол* (*тип С*), которая для многих подобных случаев является последним звеном в процессе освоения заимствования принимающим языком. Для данной же группы наименований тип С представляется пока наименее удачным, в силу того, что такая материальная форма окончательно рушит орфографию первоисточника, задевая тем самым авторское право, и расшатывает позиции термина как имени собственного. Однако нельзя не учитывать и традицию наименования естественных (*гаучо*, *маори*, *маратхи*) и искусственных (*эсперанто*, *воляпюк*, *идо*) языков, закрепляющую строчную орфографию.

Таким образом, орфографическая норма названий языков программирования формируется в русском языке на протяжении последних пяти десятилетий. Отсутствие правил написания данных терминологических единиц, существующий разнобой в современной письменной практике, а также активный процесс пополнения этого лексического ряда новыми номинациями обуславливает необходимость вмешательства лингвистов в процесс становления прописной нормы с целью выработки практических рекомендаций. Стандартизация терминов, наличие разработанной системы правил их передачи на другие языки облегчат и упорядочат орфографическую норму в терминологии вычислительной техники в целом.

Литература

1. Даниленко В.П. Лексика языка науки. Терминология: автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1977. – 24 с.
2. Маурера У. Введение в программирование на языке ЛИСП. – М., 1976. – 98 с.

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОВ РОДСТВА РУССКОГО ЯЗЫКА

Шайгазинова А., Ыбышева Д.

9aischa@mail.ru

*Павлодарский государственный
университет им. С. Торайгырова*

Научный руководитель: Адильбаева Д.С.

adildana@mail.ru

*Павлодарский институт повышения
квалификации учителей
Казахстан, г. Павлодар*

Термины родства, как и известно, являются одним из старейших разрядов слов в любом языке. Термины родства служат для обозначения родственных отношений между людьми. Понятие «родственные отношения» в научной литературе трактуется по-разному. Не останавливаясь подробно на различных определениях понятия «родственные отношения», предлагаемыми исследователями, отметим только, что исследователи выделяют два основных вида родства: кровное (биологическое, основанное на генетической близости, и социальное, представляющее собой санкционированную обществом систему родственных отношений, в частности, родство через брак (О.С. Ахманова, А.А. Реформатский, Ю.Д. Апресян, С.Н. Виноградов, А.А. Брагина, А.П. Евгеньева, А.А. Уфимцева). Поэтому терминологию родства лингвисты и этнографы делят, прежде всего, на две макросистемы:

- термины родства по крови, т.е. термины родства в собственном смысле;
- термины родства по браку, т.е. термины свойства.

Каждая из этих макросистем имеет свою специфику, имеют дальнейшее внутреннее распределение, основанное на семантической связи между терминами.

В системе терминов родства задействованы такие дифференциальные признаки, как:

- 1) характер родственной связи (кровное родство и родство по браку);
- 2) генеалогические поколения, которые рассматривают по восходящей и нисходящей линии.

В научной литературе существуют различные классификации терминов родства по разным основаниям. Так, например, одни исследователи предлагают классификацию терминов родства с точки зрения происхождения; другие предлагают классифицировать термины родства с точки зрения группировки родственников, и выделяют термины индивидуализированные, групповые и классификационные (С.Н. Виноградов, А.А. Брагина, В.М. Гринев, В.А. Татарinov, Л.Б. Ткачева, А.В. Суперанская, А.П. Евгеньева, А.А. Уфимцева). Третьи проводят классификацию терминов родства с точки зрения языковой структуры (М.В. Крюков, Н.В. Бикбулатов, М. Сарыбаева). По этому основанию термины родства подразделяются на термины элементарные, составные и описательные (по М.В.Крюкову) или элементарные, сложные, составные и описательные (Н.В.Бикбулатову). Такое различие зависит от особенностей языковой системы того или иного языка.

Мы попытались проанализировать по разным основаниям существительные, обозначающие отношения кровного родства и свойства в русском языке. Фактический материал был извлечен методом сплошной выборки из словарей русского языка [1: 2]

Распределение фактического материала по группам в зависимости от основных видов родства позволил выделить следующие группы терминов: названия кровного родства; названия брачного родства; названия духовного родства. При этом надо отметить, что отношения людей друг к другу относительны, в связи с этим и термины родства носят относительный характер, иначе термины родства обладают относительным значением: одно и то же лицо может быть названо по-разному в зависимости от отношения к кому-либо, например, дед – отец – сын – внук и т.п. Кроме того, термины родства обозначают родовую соотносительность, называя, например, лиц, находящихся в одинаковых отношениях к одним и тем же лицам: бабушка – дедушка, брат – сестра, дочь – сын и др.

С точки зрения морфологической структуры термины родства оказались неоднородными. Так, значительная часть терминов родства оказались словами непроизводными с современной точки зрения (мать, отец, брат, зять и под.). Производные образования в разряде терминов родства представлены чуть меньше (прадед, прабабушка, сватья). Среди производных терминов немало слов, возникших как стилистические синонимы к словам нейтральным и образованных при помощи суффиксов стилистической модификации (матушка,

дедушка, бабушка). Значительная часть производных терминов оказались составными наименованиями. Неоднородность и сложность морфологической структуры анализируемых терминов родства свидетельствует о неоднородных, многочисленных, разветвленных и разнообразных родственных взаимоотношениях людей.

Исследование терминов родства представляет интерес не только для пополнения и расширения сведений по выявлению особенностей социальных взаимоотношений людей, но и помогает комплексно описать лексико-семантическую систему языка.

Литература

1. Ожегов С.И. Словаря русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1984.
2. Словарь современного русского литературного языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич. – М.: Русский язык, 1991. – Т. 2.
3. Бикбулатов Н.В. Башкирская система родства. – М.: Наука, 1981.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, НАЗЫВАЮЩИХ МУЗЫКАНТОВ

Швецова А.

alena.shvetsova.2013@mail.ru

Научный руководитель: к. ф. н., доцент Ракитина Е.В.

elenara2013@mail.ru

Ишимский государственный педагогический

институт им. П.П. Еришова

Россия, г. Ишим

Музыка во все времена являлась притягательной для человека. Её роль в жизни общества заключается в пробуждении добрых чувств, в разрядке эмоций. Музыка углубляет восприятие мира, стимулирует воображение. В современном русском языке имена существительные, являющиеся наименованиями музыкантов, представляют достаточно многочисленный и употребительный класс слов, созданных на базе субстантивных основ с помощью словообразовательных формантов: -щик, -ист, -ник, -ач, -арь.

В центре нашего внимания группа наименований музыкантов, созданных с помощью суффикса -щик: *балалайщик, барабанищик,*

волынец, литаврец, органист, фортепьянист, флейтист, шарманист.

Цель работы – выявить сочетаемостные возможности словообразовательного форманта -щик.

Рассмотрим для примера семантико-словообразовательные отношения в следующих словообразовательных парах: *балалайщик – балалайка, литаврец – литавры, флейтист – флейта, шарманка – шарманист.*

Балалайщик ← *балалайка*

Балалайщик – «музыкант, играющий на балалайке» [1:253]. Наименование образовано от основы имени существительного *балалайка*, являющегося исконно русским и имеющего значение – «струнный народный музыкальный инструмент с треугольной декой». [1:252]. В словаре современного русского литературного языка указывается первая лексикографическая фиксация наименования *балалайщик* – Нордстет, Слов. (1780).

Литаврец ← *литавры*

Литаврец – «музыкант, играющий на литаврах» [2:259]. В словаре современного русского литературного языка указывается первая лексикографическая фиксация наименования *литаврец* – Вейсманнов Лекс (1731). Образовано оно от основы заимствованного из греческого языка имени существительного *литавры*, имеющего значение – «ударный музыкальный инструмент в виде двух полушарий, обтянутых кожей» [2:259].

Флейтист ← *флейта*

Флейтист – «музыкант, играющий на флейте» [3:1437]. Наименование образовано от основы заимствованного из итальянского языка имени существительного *флейта*, имеющего значение – «духовой музыкальный инструмент в виде деревянной или металлической трубки с цилиндрическим или коническим каналом» [3:1436]. В словаре современного русского литературного языка указывается первая лексикографическая фиксация наименования – Лекс (1762).

Шарманист ← *шарманка*

Шарманист – «бродячий музыкант с шарманкой» [3:1437]. В словаре современного русского литературного языка указывается первая лексикографическая фиксация наименования *шарманист* – Слов. Акад. 1847. Образовано оно от основы заимствованного из французского языка имени существительного – *шарманка*, имеющего

значение – «небольшой переносный механический орган без клавишного механизма, приводимый в действие вращением ручки» [З:1436].

Проанализированные существительные – наименования музыкантов – образуются не только от исконных основ, но и от имён, заимствованных из итальянского, греческого, французского языков.

Таким образом, исследованный нами материал даёт возможность утверждать, что группа имён существительных, называющих музыкантов, формировалась, главным образом, в русском языке в течение XVIII – XIX веков. Об этом свидетельствует время первой лексикографической фиксации слов.

Суффикс -щик является продуктивным при производстве существительных со словообразовательным значением «тот, кто играет на музыкальном инструменте, названным мотивирующим существительным», он может соединяться как с основами заимствованных существительных, так и с основами исконно русскими.

Литература

1. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т.1. / Под ред. В.И. Чернышёва. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1965.
2. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т.6. / Под ред. В.И. Чернышёва. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1965.
3. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т.16. / Под ред. В.И. Чернышёва. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1965.

СЛОВА, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ДИНАМИКА СОСТАВА

Эртиме С.В.

kushkash-90@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Виданов Е.Ю.

vidanovv@yandex.ru

Омский государственный педагогический университет

Россия, г. Омск

Современная лингвистика располагает большим количеством исследований, характеризующихся антропоцентрической

направленностью, в том числе посвященных деривационным процессам на базе имен собственных.

В образовании дериватов от антропонимов «обнаруживается тесная связь языка с современной действительностью. Имена лиц порождают целые серии производных разнообразной семантики и структуры» [1: 5].

Такие языковые и речевые новообразования, мотивированные именами собственными, стали объектом нашего внимания.

Следует подчеркнуть, что отантропонимные дериваты не являются чем-то новым для системы русского языка, их значения понятны большинству носителей языка. Например, *гегельянец*, *сталинист* – названия последователей таких учений; *неокантианство*, *дарвинизм* – названия учений и теорий и т.д.

Вместе с тем, в настоящее время исследователи отмечают лавинообразное увеличение отантропонимных дериватов: *чикатиловее*, *зазопить*, *медвепут*, *КейтМоссизм*, *биланомания*, *путинофобия* и т.д.

Приведенные выше дериваты свидетельствует о том, что «праздник вербальной свободы», связанный с бурными социально-политическими изменениями в жизни нашей страны, набирает силу.

В статье мы рассмотрим лишь некоторые аспекты названного явления.

Во-первых, наблюдается словообразовательная активность в пределах следующих тематических групп:

1) названия лиц-сторонников и противников того или иного лидера: *абрамята*, *сталинопоклонник*, *тарантисты*, *чубайсоиды*, *антиельцинист*;

2) названия вымышленных топонимов: *Санкт-Путинбург*, *Маоцзедунька*;

3) названия болезней и того, что с ним связано: *путинофобия*, *биланомания*;

Перечень тематических групп может быть продолжен.

Во-вторых, налицо такое явление, как формирование новых словообразовательных гнёзд, вершиной которых является имя собственное. Так, по нашим подсчетам, в настоящее время словообразовательное гнездо с вершинами *Путин* насчитывает 46 единиц. Бесспорно, данное количество не является окончательным, поскольку гнездо является открытым.

В-третьих, рост личностного начала, о котором мы уже говорили, в рассматриваемой области деривации тесно связан с окказиональными способами словообразования. Перечислим наиболее характерные:

1) междусловное наложение: *Лилипутин* ← лилипут + Путин [пут + Пут];

2) «скорнение»: *Пауловидение* ← Р. Паулс + Евровидение;

3) аббревиация на базе фамилии, имени, отчества: *ВВП* ← *Владимир Владимирович Путин*, *АБ(П)* ← *Алла Борисовна Пугачева*.

4) сложение основ, в том числе с использованием аналитических прилагательных: *Чубайс-TV*, *Левада-центр*, *НазарбаевPress*.

Деривационные процессы на базе значимых имен отражают интерпретацию явлений действительности и понимание специфики их восприятия в определенной лингвокультурной общности людей. *Выбор конкретных средств и способов вторичной номинации на базе антропонима свидетельствует о характере оценки, выставляемой тому или иному политику, культурному деятелю и т. д.*

Таким образом, внимание к производным лексическим единицам, в центре которых находится антропоним, позволяет сделать определенные выводы:

1) антропонимы в современном русском языке обладает мощным деривационным и стилистическим потенциалом;

2) по специфике словообразования в пределах данной группы можно судить об отношении говорящих к той или иной персоне;

3) развитие деривации на базе имён собственных говорит о возрастающем антропоцентризме в системе русского языка.

Литература

1. Земская Е. А. Активные процессы современного производства // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М., 2000. – 478 с.

РАБОТА НАД ТЕКСТАМИ-ОПИСАНИЯМИ НА ШКОЛЬНОМ УРОКЕ

*Эшанкулова Ш.
sto0906@mail.ru*

*Научный руководитель: к.п.н., доцент О.А. Стычева
sto0906@mail.ru*

*Южно-Казахстанский государственный
педагогический институт
Казахстан, г. Шымкент*

Структурирование текстов-описаний – один из видов школьных работ, обучение которому начинается с младших классов. По своему содержанию описание представляет собой текст, в котором раскрываются, словесно изображаются, указываются в определенной последовательности признаки предметов, явлений. Ядром такого текста служат определительные отношения.

Строится текст-описание по следующей композиционной схеме:

- а) часть, в которой передается общее впечатление от предмета, указывается его назначение, дается оценка;
- б) часть, в которой раскрываются признаки предмета, подтверждающие общую характеристику.

Методический аспект овладения учащимися текстом описательного характера представляется нам актуальным: тексты этого типа чрезвычайно важны для развития наблюдательности учащихся, для формирования у них эстетического вкуса и объективного восприятия действительности. Возникает вопрос, который в методике является стержневым: *как* организовать работу, чтобы она была результативной, какие методы, приемы и средства необходимы для того, чтобы этап ученичества успешно интегрировал со стремлением к творчеству, чтобы полученные на уроке навыки развивались и совершенствовались?

Для исследования этой методической проблемы мы обратились к анализу содержания учебников, монографий, статей, освещающих различные аспекты организации конструирования текстов-описаний на уроках русского языка. Мы стремились к отбору такого материала, который дает представление обо всех этапах работы учителя и способствует проявлению интереса, желания учащихся творить, стремления к созданию оригинального авторского текста. Нами была

изучена классификация сочинений, предложенная Т.А. Ладыженской [1: 52].

По тематическому принципу это могут быть описания портрета, описания пейзажа, описания интерьера, описания натюрморта, описания скульптурных сооружений и др. Источником сочинений-описаний могут служить как произведения живописи, так и личные впечатления. На пути к созданию сочинений практикуются такие виды работы: чтение (слушание) текста с определенной установкой, анализ текста-образца (содержательный, композиционный, языковой), сбор рабочих материалов, их систематизация, стилистический эксперимент. Организуются также полные и сжатые, творческие и выборочные изложения на основе текстов описательного характера; устные сочинения на заданную тему; сочинения (устные или письменные) на основе посещения выставок и экскурсий. На текстовом этапе эффективными формами работы будут взаимопроверка и редактирование, предполагающие обсуждение, оценку и корректировку рабочих материалов. Большое внимание уделяется усвоению способов соединения предложений в тексте. При подготовке к созданию собственных текстов учащимся предстоит убедиться, что полноценный текст может быть создан только в том случае, если автор хорошо знаком с предметом речи.

Но этого недостаточно, чтобы в полной мере овладеть навыками структурирования текстов-описаний. Необходима теоретическая база и специальные практические навыки.

В работе над текстом-описанием можно вычленить несколько этапов:

1. Подготовительный этап.

Цель этапа – усвоить понятие «описание» как тип монологической речи, ознакомиться с его грамматическими особенностями, охарактеризовать основные виды описания. На этом этапе формируются следующие умения:

- отличать описание от других типов речи;
- определять виды описания в зависимости от его объекта;
- находить описание в повествовательном тексте, определять его назначение и устанавливать грамматические особенности.

2. Основной этап.

Цель – усвоение методики описания. Здесь отрабатываются необходимые для создания текста-описания умения:

- определять, формулировать замысел (основную мысль) описания;
- отбирать признаки в описываемом предмете в соответствии с избранным замыслом;
- раскрывать сформулированный замысел;
- продумывать последовательность описания, порядок раскрытия признаков в описании;
- продумывать начальное и завершающее предложение всего описания;
- выражать свои мысли связно, правильно (с точки зрения норм литературного языка), точно, ясно и, по возможности, ярко.

3. Выполнение конструктивных упражнений.

На данном этапе предстоит научиться выделять микротемы описания, составлять описания по данному плану и замыслу, *вводить описание в повествовательный текст*.

Наблюдения свидетельствуют о важности работы с текстами-образцами по выявлению их идейной направленности и специфики использования в них языковых средств. В ходе работы с образцами формируется понятийный уровень и сложный комплекс умений и навыков. Необходимо знать предмет речи (уметь наблюдать, иметь определенный жизненный опыт), владеть логическим строем мысли и облекать свои мысли в языковую форму [2: 15].

Литература

1. Ладыженская Т.А. Развивайте дар слова. – М., 1992.
2. Голуб И.Б., Розенталь Д.Э. Секреты хорошей речи. – М., 2003.

ЯЗЫК СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ЛИСТАЯ «ЧЕРНОВИКИ ИСТОРИИ...» ЯЗЫК СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Адилхан Ж.А.

www.zharkinai.kz@mail.ru

Научный руководитель: учитель Садыкова Г.О.

dias261@mail.ru

Школа-лицей № 53

Казахстан, г. Астана

Средства массовой информации играют большую роль в нашей жизни. Информирова человека, СМИ оказывают влияние на весь строй его мышления, на стиль мировосприятия. Каждый день мы смотрим телевизоры, слушаем радио, читаем газеты. Изобретенная в Италии еще в 1470 году газета и по сей день является одним из важнейших средств массовой информации.

Работая над данной статьей, мы решили проанализировать содержание, язык, особенности газет г. Астаны. Перед нами стала задача рассмотреть каждую газету отдельно. В Астане издаются 62 газеты. По тематике газеты разные: деловые, общеполитические, отраслевые, рекламно- информационные, развлекательные.

Одной из самых популярных и читаемых газет столицы Казахстана является газета «Инфо-Цес», более 20 лет специализирующаяся на публикации информационных материалов, новостей и размещении коммерческой информации.

Сегодня «Инфо-Цес» – это 30 информационных полос и более 70 полос с рекламными предложениями. Ориентируется газета, в первую очередь, на аудиторию рекламодателей, на работающее население со средним и выше среднего доходами, на аудиторию, которая традиционно использует газету для получения информации о жизни города. В газете сотрудничают 149 журналистов. Язык издания – русский, есть 2 полосы – на казахском языке. Формат издания – А3, периодичность – 1 раз в неделю, день выхода – пятница. Тираж – 20000 экземпляров. Территория распространения – г. Астана и Акмолинская обл. (розница), Республика Казахстан (подписка).

Мы решили рассмотреть особенности языка газеты. Изучение литературы по данному вопросу, позволил выявить средства речевой

выразительности, используемые в газетных текстах: фигуры речи, тропы, штампы и клише.

Специфика языка газет определяется особенностями коммуникативной ситуации, которую он обслуживает.

Стилистические фигуры и тропы служат риторическому усилению речи. Часто читатель с первых же строк встречается с такими разновидностями, как дубитация и объективизация. Дубитация – это ряд вопросов к воображаемому собеседнику, служащих для постановки проблемы и обоснования формы рассуждения, например: *«А бумажные письма уже не несут былой ценности, которая была при информационном дефиците. Однако, что мы наблюдаем сегодня? Пункты почтовой связи еще не опустели, и даже напротив – полны очередями, ...»* [Инфо-Цес, № 49, декабрь, 2013]

Некоторые выразительные средства языка газетной печати превращаются в штампы: *«Пристально изучив ее содержание, сенатор Светлана Джалмагамбетова заявила, что с такими ценами на продукты питания и с такой жалкой «тарой» можно с голоду умереть»* (Караван, № 50, декабрь, 2013).

За последнее десятилетие положение газетной речи в стилистической системе русского языка стало еще более сложным. В соотношении основных форм национального языка очевидна экспансия двух неосновных, периферийных форм – *жаргона и просторечия*. Газетная речь вышла из жесткой системы книжных стилей и активно взаимодействует с разговорной речью, с рекламными и ораторскими текстами. В такой ситуации стилистическая идентичность газетной речи оказывается под очевидной угрозой. Появляется одна очень важная закономерность: газетная речь растягивается между двумя разнонаправленными стилистическими полюсами – деловой речью и речью разговорной.

Роль газеты в жизни современного человека бесспорна, несмотря на то, что люди чаще смотрят телевизоры, слушают радио, нежели читают газеты. Поэтому хотелось бы напомнить стихотворение известного поэта В.Озерова о газете *«Без газеты нельзя»*:

*Ты растерялся бы, мой друг,
Когда б на много лет
Впервые мир остался вдруг Однажды без газет.
Ты в них привык добра и зла Распознавать следы:
Как в мире обстоят дела И нет ли где беды.*

*Как в закрома зерно течет, Как плавится металл,
И про хоккей, и про кино –
Ты обо всем читал.
Чем заняты твои друзья,
Что сочинил поэт...
Выходит так, что жить нельзя
На свете без газет! (В. Озеров)*

Литература

1. Культура русской речи. Учебник для вузов. / Под ред. Л.К. Граудиной, Е.Н. Ширяева. – М., 1999.
2. История появления газеты. Электронный ресурс. [Режим доступа]: http://www.heidelberg.com/ru/www/ru/content/articles/heidelberg_online/newspaper
3. Электронный ресурс [Режим доступа]: <http://www.info-tses.kz>
4. Электронный ресурс [Режим доступа]: <http://www.caravan.kz>

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ АЛЛЮЗИИ В ЗАГоловочных КОНСТРУКЦИЯХ ГАЗЕТ г. АСТАНЫ

*Балахметова Д.
blkhmtv@mail.ru*

*Научный руководитель: учитель Темиржанова С.Н.
saulen07@mail.ru*

*Международная школа «Мирас»
Казахстан, г. Астана*

Господствующее положение теории интертекстуальности в сфере лингвокультурологии предопределило возросший интерес исследователей начала XXI века к проблеме включения в текст элементов, обладающих высокой аллюзивной плотностью [1: 76]. Цель настоящей работы – исследовать стилистический прием аллюзии на примере газетных заголовков столичной прессы, соотносимых с конкретными типами дискурса.

В настоящее время газетные заголовки «...приобрели такое качество, как зазывность, т.к. они призваны продать свой товар – информацию» [3: 21]. При этом индивидуальная культура журналиста, его профессиональное мастерство заключается в умении трансформировать прецедентный текст с использованием легко

воспринимаемых массовой аудиторией литературных аллюзий. Включение в текст элементов, указывающих на связь данного текста с другими текстами или отсылающих к определенным культурно-историческим, биографическим фактам [2: 9], наблюдается особенно интенсивно в газетных заголовках, представляющих собой яркие разновидности литературной аллюзии: *Эта служба и опасна, и трудна...* ([Информбюро](#) Акмолинская правда, 19.10.2013), отсылающем читателя к известному телесериалу «Следствие ведут ЗнаТоКи» (СССР, 1971-1989); *Это нужно живым* (Акмолинская правда, 05.10.2013), заимствованном из поэмы Р. Рождественского «Реквием», посвященной памяти вечно молодых солдат и офицеров Советской Армии, павших на фронтах Великой Отечественной войны. По нашим наблюдениям, наиболее цитируемыми оказались крылатые фразы из советского кино, например, из фильма «Бриллиантовая рука»: *Буду бить аккуратно, но сильно...* (Экспресс К, № 190, 17.10.2013). Среди заимствований встречаются крылатые слова из художественной литературы, например, М.Ю. Лермонтова «Бородино»: *Скажи-ка, дядя, ведь недаром ты притаился тут с радаром* (Экспресс К, №202, 02.11.2013). Каверзность формулировок, с помощью которых осуществляется непосредственный выход на эмоциональный фон читателя, представляют фразеологические выражения, например, «*Совет да любовь!*» (по классификации В.В. Виноградова, к ним относятся пословицы, поговорки, называемые паремиями): *Совет да... развод* (Недвижимость, № 27, 2.07.2012). Некоторыми современными тенденциями в развитии общества объясняется обращение к произведениям устного народного творчества (фольклорному сознанию) как способу гармонизации отношений человека с действительностью, например: *Сказка-ложь, да в ней намек...* (Экспресс К, 30.10.2013) – «Сказка о золотом петушке».

Источником создания аллюзии выступают библейские тексты, к примеру: *Пришли с миром* (Экспресс К, № 206, 08.11.2013).

Яркий экспрессивно-стилистический эффект газетной статьи обеспечивается использованием интертекстуальных вкраплений (аллюзий) в заголовках многих столичных газет (Акмолинская правда, Инфо-Цес, Astana TV, Недвижимость и др.), где абсолютным лидером оказалась газета «Экспресс К»: 1) литературные цитаты-реминисценции, имена персонажей, названия произведений: *Молчание телят* (Экспресс К, № 203, 05.11.2013); 2) видоизмененные

высказывания ученых, политиков, деятелей культуры: *Плох тот пончик, который не мечтает стать баурсаком* (Экспресс К, № 203, 05.11.2013); *Упал – отжался* (Экспресс К, № 208, 12.11.2013); 3) библеизмы (факты, имена, фразы из Ветхого и Нового Завета): *В тихом омуте копы водятся* (Экспресс К, № 208, 12.11.2013); 4) цитаты, в том числе трансформированные, из популярных песен: *Какой чудесный Тен* (Экспресс К, № 208, 12.11.2013); *Главное – сердцем не стареть!* (Вечерняя Астана, № 118, 01.10.2013); 5) измененные названия теле- и видеофильмов, фразы из популярных фильмов, телепрограмм, рекламы: *Театр одного «Шахтера»* (Экспресс К, № 208 от 12.11. 2013); *Квартирный ответ* (Вечерняя Астана, № 42 от 12.04.2012); 6) трансформированные крылатые выражения: *Звон вокалов* (Экспресс К, № 208, 12.11.2013); *Вот она рыба моей мечты!* (Вечерняя Астана, № 42, 12.04.2012); 7) названия живописных полотен, скульптур и других произведений искусства: *Тайны Мадридского двора* (Вечерняя Астана, № 42, 12.04.2012) и др.

Итак, анализ фактического материала показал, что текстами-донорами столичных газет выступают *крылатые фразы из советского кино, крылатые слова из произведений русской литературы, фразеологические выражения, произведения устного народного творчества, газетно-публицистические тексты*. Функциональный потенциал и богатое своеобразие формальных разновидностей интертекстуальных вкраплений, выступающих в качестве предтекста, открывают перспективу исследования роли заголовка в создании информационного единства текста.

Литература

1. Виноградов С.И., Платонова О.В. Культура русской речи: учеб. для вузов. – М.: Русский язык: Наука, 1999. – 216 с.
2. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17-29.
3. Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. – Вып. 1 / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Филология, 1997. – 192 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ В СРЕДСТВЕ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Бикбаева Г.Д., Губайдуллина Э.Ф.

Gulsina0907@mail.ru

Научный руководитель: ассистент Гайсина Р.И.

r.gay@mail.ru

Сибайский институт (филиал)

Башкирского государственного университета

Россия, г. Сибай

В русском языке есть такое понятие, как средства массовой информации. Средства массовой информации – это результат интеллектуальной деятельности, имеющий форму периодического распространения информации.

Данное понятие каждый ученый рассматривает по-своему. Остановимся на рассмотрении его с юридической точки зрения. В настоящий момент существует специальный Федеральный закон (ФЗ) «О средствах массовой информации» № 94 от 27 декабря 1991 года (отредактирован 4 июля 2003 года). В соответствии со статьей 2 данного Федерального закона под средствами массовой информации понимается форма периодического распространения массовой информации. Также согласно статье 24 Федерального закона «О средствах массовой информации» определены иные понятия средств массовой информации [3: 2].

Средства массовой информации все больше вторгаются в нашу жизнь. По данным кампании Гэилоп-Медия, более 70% населения России хотя бы раз в день включают телевизор, и из него 60% смотрят телевизор хотя бы 1 час в день, не говоря уже о чтении газет, слушании радио и использовании Интернет-медиа. Безусловно, с увеличением количества пользователей компьютерных технологий будет увеличиваться и число людей, предпочитающих получать информацию в Сети.

Выделяется определенный вид компьютерной информации, находящейся в собственности физических, юридических лиц, на который распространяется действие законодательства:

- эта информация охраняется уголовно-правовыми запретительными нормами;
- рассматривается как предмет преступного посягательства [2:

143].

В отличие от компьютерной информации, средства массовой информации носят открытый характер и поэтому могут использоваться в преступных целях. С помощью средств массовой информации совершаются разные преступления. К ним относятся: клевета, оскорбление, посягательства на частную жизнь и многое другое. Эти деяния в зависимости от конкретных обстоятельств могут рассматриваться как преступления небольшой тяжести или средней тяжести [3: 51].

Специалисты отмечают: манипулирование людьми с помощью различных средств и технологий информационно-психологического воздействия стало чрезвычайно распространенным в обществе. Угроза информационно-психологической безопасности личности, а также поиск возможностей психологической защиты от механизмов ее действия является не только теоретической проблемой, но и потребностью социальной практики и повседневной жизни человека.

Согласно законодательству, можно привлечь к ответственности и за ложную рекламу, например, *за изображение тигра в бензобаке в рекламе фирмы «Shall»*.

Просмотр телепередач и видеофильмов – наиболее массовая и самая распространенная форма досуга среди несовершеннолетних. Исследования данных социально-психологического опроса показывают, что в среднестатистической семье телевизор работает до 7 часов в сутки: на каждого члена семьи в среднем приходится по 4 часа. В результате к моменту окончания средней школы ребенок просматривает около 8 тыс. сцен с убийством, 100 тыс. с другими преступными действиями.

Таким образом, проблема влияния телевизионной информации на формирование личности несовершеннолетних приобретает особое внимание. Для решения проблемы можно выделить несколько направлений:

- систематизировать различные аспекты влияния средств массовой информации на криминологическую ситуацию по характеру длительности, интенсивности, уровню и объектам воздействия;
- рассмотреть особенности воздействия средств массовой информации на отдельные виды преступности: терроризм, экстремизм, преступность несовершеннолетних.

Литература

1. Бачило И.Л. Информационное право. – М., 2008. – 291 с.
2. Уголовный кодекс РФ. – М., 2013. – 192 с.
3. Федеральный закон РФ «О средствах массовой информации». – М., 1991. – 126 с.
4. Федотов М.А. Право массовой информации в Российской Федерации. – М., 2011. – 479 с.
5. Документы. Официальное интернет-представительство. Банк содержит документы по состоянию на 1 мая 2010 года // Электронный ресурс [Режим доступа]: <http://www.kremlin.ru>

ЯЗЫК СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Егоров А.Л.

Научный руководитель: ассистент Гайсина Р.И.

r.gay@mail.ru

Сибайский институт (филиал)

Башкирского государственного университета

Россия, г. Сибай

Современное общество – информационное общество. В информационном обществе меняется весь порядок жизни, система ценностей, культуры. Здесь производятся и потребляются интеллект, знания, то есть возрастает спрос на знания, творческие способности. Материальная база для этого: компьютер, радио, телевидение, газеты, журналы – средства массовой коммуникации. Именно с этим человек проводит большую часть времени.

Поэтому для каждого человека, живущего в информационном обществе, важно уметь накапливать, упорядочивать и рационально использовать информацию. Сегодня лучший и незаменимый помощник в этом – средства массовой информации или СМИ.

В последние десятилетия за рубежом стало актуальным гуманитарное учебно-научное направление, которое связано с изучением средств массовой информации. Это стало возможным вследствие мощного развития средств массовой коммуникации: печати, радио, кино, телевидения и Интернета, которые исполняют роль языка информационного воздействия с целью создания соответствующей картины мира в общественном сознании.

Наука о средствах массовой информации – это новое междисциплинарное направление, основанное на традиционных методах, предполагающее определенное изменение исследовательского акцента.

С точки зрения названной науки театр, литература и пресса – традиционные, а фотография, кино, радио, телевидение, видео и Интернет – современные средства массовой коммуникации.

Сегодня в печатных и электронных средствах массовой коммуникации: прессе, радио, кино, телевидении, рекламе, Интернете – активно развиваются новые виды текста и диалогические формы. Именно в СМИ происходят активные процессы изменения языковой нормы в рамках русского и других языков.

Современную культуру невозможно представить без существования различных знаковых систем, с помощью которых возможно управление сложнейшими процессами в различных областях человеческой жизни. Здесь имеют место: 1) вербальный язык; 2) основной язык мимики и жеста; 3) научные языки (химических или физических) символов; 4) варианты эстетических языков: музыка, изобразительное искусство, архитектура; 5) «языки» политических символов и ритуалов; 6) «язык» религии и так далее.

Средства массовой коммуникации, совмещая в себе звуковую и письменную речь, движущиеся и неподвижные изображения, в том числе музыку и пластику тела, составляют единый семиотический (знаковый) состав.

Здесь подразумевается: киноплёнка, магнитная плёнка и другие формы видео- и звукозаписи, компьютерная техника, техника радиовещания, телевидения, кинопроката и других средств передачи и распространения знаков.

Все эти приспособления создают текст высшей знаковой сложности, представляющий собой интересную задачу семиотического анализа.

СМИ информируют человека о состоянии мира и наполняют его досуг, а также оказывают влияние на весь строй человеческого мышления, на стиль его мировосприятия, на тип культуры дня.

Надо заметить, что массовая коммуникация носит двусторонний характер:

– с одной стороны, это отправитель информации, адресант, выразители которого – создатели текстов СМИ;

– с другой стороны – это адресат, то есть массовая аудитория зрителей, слушателей, читателей, пользователей Интернет.

Основные черты языка СМИ:

- 1) количественное и качественное усложнение сфер речевой коммуникации в СМИ (Интернет и других);
- 2) разнообразие норм речевого поведения отдельных социальных групп;
- 3) демократизация публицистического стиля и расширение нормативных границ языка массовой коммуникации;
- 4) следование речевой моде;
- 5) «американизация» языка СМИ: «экшен», «ресепшен», «фэшн-бренд», «ай-пи-о», «дайвинг», «листинг» и так далее.

Так, в новостях о ярмарке книг в Москве «Нон фикшен», и не раз так выразившись, ни разу не назвали эту «фикцию» по-русски.

Справедливо замечено лингвистами, «язык журналистики – ярчайший срез языка общества» [1: 101]. Значит, он должен быть ярким, обладающим большой силой воздействия, во многих своих характеристиках близким к разговорной речи. Несомненно, любое издание выполняет определенный социальный заказ, то есть отражает взгляды определенного слоя общества.

Особый интерес в этом смысле представляет политическая речь в средствах массовой информации. Она вызывает неоднозначные мнения:

«Прошу вас, когда будете обсуждать бюджет, не очень-то нападайте на банкиров. Их можно, конечно, называть как угодно, оскорблять: «жирные коты» [3: 9]. «Когда Медведев стал президентом, западный горизонт уже облачили тучи кризиса. Но какой силы будет буря, никто не предполагал. В нашем обществе царил разудалый консенсус – сытая нефтегазовая халява будет только разбухать» [3: 10].

И здесь наблюдается употребление жаргонизмов, сниженных и просторечных слов; излишняя экспрессивность; неправильность употребления иноязычных слов (американизмов и других); искажение фразеологизмов.

За последние 20 лет с одной стороны произошло расширение массового языкового сознания экономической, компьютерной, медицинской лексикой, а с другой – заметное оскудение словарного запаса.

Ученые отмечают общий тон современных СМИ – ироничный, скептический, насмешливый, иногда даже с издевкой. Для них особенно характерны: горячность, чрезмерная функция воздействия, усиление авторского начала, жесткость оценок и так далее. Но по-прежнему: средства массовой коммуникации – *«один из важнейших общественных институтов, оказывающих решающее влияние на формирование не только взглядов, представлений общества, но и норм поведения его членов, в том числе и речевого поведения. Это мощный инструмент воздействия на аудиторию и средство манипуляции общественным сознанием»* [2: 13].

Литература

1. Малюга Е.Н. Подходы к изучению вопросительных предложений в англо-американской прессе. – М., 2001. – 345с.
2. Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004.
3. Российская газета. – 2009. – № 38.
4. Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов/ Под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. – 760 с.
5. Рацибурская Л.В., Петрова Н.Е. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: Учебное пособие. – М.: Флинта, 2011. – 160 с.

СОЗДАНИЕ ОБРАЗА ПТИЦЫ В ТЕКСТЕ СКАЗКИ О. УАЙЛЬДА «СЧАСТЛИВЫЙ ПРИНЦ» И ЕЕ ПЕРЕВОДАХ

Зятькова К.А.

zyatkova_kristina@mail.ru

Научный руководитель: д.ф.н, доцент Марьина О.В.

marin_alex@mail.ru

Алтайская государственная педагогическая академия

Россия, г. Барнаул

Подражание стилистической манере другого писателя, произведения или литературного направления, воспроизведение особенностей функционального стиля или социально-психологического типа речи служит разным целям и приобретает разные формы.

В нашей работе вслед за Л.М. Майдановой [1: 81] мы называем вторичными текстами тексты переводные, соответственно

первичными они будут в оригинале. Первичный текст играет ключевую роль в создании вторичного текста, поскольку служит базой для образования вторичного, является первым и необходимым условием его существования.

Создание образа птицы в тексте О. Уайльда и его переводах происходит через взаимодействие птицы с персонажами рассказа, в частности с одним из главных героев – Счастливым принцем.

В первичном тексте и вторичных текстах (К. Чуковского, П. Сергеева и Г. Нуждина) мы наблюдаем разных птиц – Ласточка и Скворец: в текстах О. Уайльда и К. Чуковского Счастливому Принцу помогает Ласточка, у П. Сергеева и Г. Нуждина со Счастливым Принцем разговаривает Скворец.

Образ ласточки олицетворяет «надежду, приход весны, удачу», в христианстве ласточка – символ воскрешения, так как, возвращаясь с приходом весны, она приносит новую жизнь. Она является надеждой Принца, она несет людям счастье, удачу, радость, выздоровление и вообще новую жизнь. Скворцы же считались символом наступления весны и обновления жизни. Таким образом, Ласточка «несет» большую символичность, смысловую значимость, чем Скворец. Она – не просто шанс для нуждающихся, а возможность прожить новую, полезную жизнь, в то время как скворец – только символ обновления, появления второго шанса [2].

В первичном тексте О. Уайльда и вторичном К. Чуковского обращения Счастливого Принца к Ласточке похожи. У О. Уайльда мы находим: «*Swallow, Swallow, little Swallow*» и «*Dear little Swallow*», что значит: «*Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка*» и «*дорогая маленькая Ласточка*». Во вторичном тексте К. Чуковского мы встречаем такие обращения, как: «*Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка*» «*маленькая Ласточка*» и «*Милая Ласточка*». Обращаясь таким образом к Ласточке, Принц умоляет помочь ему.

Во вторичном тексте П. Сергеева и Г. Нуждина обращения Принца к Скворцу более разнообразны: «*Милый мой Скворец*», «*скворчонок*», «*дорогой Скворец*», «*Милый мой Скворец*», «*маленький, маленький Скворчонок*», «*добрый Скворец*». В данном тексте авторы используют уменьшительно-ласкательные формы, разнообразные эпитеты, что подчеркивает уважительное отношение к Скворцу, благодарность за помощь, которая состояла в том, что Скворец выклёвывал драгоценности, из которых состоял Счастливый Принц, и раздавал их нищим, нуждающимся людям.

Когда Ласточка/Скворец исполняет свое предназначение (помогает нищим, нуждающимся людям), птица теряет свои силы и замерзает. Но она успевает в последний раз забраться на плечо Счастливого Принца. В первичном тексте О. Уайльда читаем: «*And he kissed the Happy Prince on the lips, and fell down dead at his feet*», что значит, «*И он(-а) поцеловал(-а) Счастливого Принца в губы, и упал(-а) мертвым(-ой) у его ног*». Падая к ногам Принца, птица как бы преклоняется перед его большим и добрым сердцем, перед его величием. Этот жест может означать ещё и то, что Ласточка всегда готова помогать ему, служить верой и правдой даже после смерти.

В другом вторичном тексте П. Сергеева и Г. Нуждина Скворец «упал на его туфли», он не у ног Счастливого Принца, а у туфель.

Анализ языкового материала позволяет судить о том, что образ птицы в первичном и вторичных текстах оценивается по-разному. В тексте-оригинале О. Уайльда в оценке прослеживается конкретность. Автор четко указывает на обращения, с помощью которых Счастливый Принц общается с птицей. В текстах-переводах появляются добавочные оттенки в оценке главного героя, функция которых передать отношение второстепенных героев к Принцу. Авторы вторичных текстов более эмоциональны в передаче этой оценки.

Литература

1. Майданова Л.М. Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек – Текст – Культура: Коллект. монография / Под. ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1994. – С. 81-104
2. Малый академический словарь (МАС). Электрон. ресурс [Режим доступа]: URL: <http://mas-dict.narod.ru/>

РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЖИЗНИ ГОРОДА

Маратова Ж.

zhibeka_m07@mail.ru

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Журавлёва Е.А.

zhuravleva_ea@enu.kz

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

Казахстан, г. Астана

Информация окружает нас повсюду: мы общаемся друг с другом, слушаем и слышим голоса окружающих нас людей и, конечно же,

читаем. Мы получаем информацию при помощи разных источников, в том числе через рекламу.

Реклама занимает большое место в жизни современного человека и современного общества, поскольку «успех того или иного бизнеса зависит не только от капиталовложения, но и от качества деловых коммуникаций» (1, 129). Специфической особенностью рекламы является высокая информативная насыщенность.

К XXI веку сформировалось новое, современное общество, которое требует больше возможностей во всех сферах жизнедеятельности. Все это способствует тому, что появляется и новый формат рекламы, способный не только предложить новый товар, но и отразить желания горожан.

Целью нашего исследования является анализ рекламных текстов города Астаны и выявление основных тем, на основании которых можно проследить актуальные проблемы населения столицы.

Цель любого рекламного текста – внушение, пробуждение интереса, побуждение к действию. Эта цель достигается с помощью слогана (от англ. Slogan – «лозунг, девиз»), эмоционально и экспрессивно наполняющего высказывание. Как показывает анализ рекламных текстов, основная функция слогана – воздействие – во многом зависит от его содержательной стороны.

Рекламой может быть все: от следов ботинок, ведущих к салону обуви, до огромных пластмассовых лошадей, расставленных по всей Астане. В зависимости от потребностей общества появляются все новые виды предлагаемых услуг, а вместе с ними – и новые виды рекламы.

Нами проанализировано более 30 рекламных текстов, которые можно увидеть на улицах Астаны. Основные темы рекламы: услуги сферы обслуживания, виды сотовой связи, товары и одежда и т.д. Хотелось бы хотелось остановиться на некоторых из них.

Одной из самых важных проблем нынешнего времени, отражение которой можно встретить в рекламе, является языковая среда казахстанского общества. Благодаря национальному многообразию страны, казахстанская языковая среда – полиязычность. Исходя из этого, рекламные тексты представлены на казахском, русском и английском языках. Как показывает анализ, 90% рассмотренных нами текстов представлены на казахском и русском языках. 3% на трех: казахском, русском и английском языках. Определенная часть использует либо только казахский, либо только русский языки.

Следующая закономерность рекламных текстов города заключается в их политическом значении. Астана – столица Казахстана. Поэтому на ее улицах можно встретить тексты, указывающие на политический курс в стране. Новая задача государства – вырастить здоровое поколение, которое станет опорой Республики. Реклама, основной целью которой всегда была агитация, тоже не остается в стороне, активно пропагандируется вред табакокурения и распитие спиртных напитков, рекламируется спортивная продукция. На красочных билбордах города можно увидеть слоганы: «Мы выбираем спорт!».

Привлечение граждан к вопросам государственного устройства проявляется в следующих рекламных текстах: «Есть вопросы по государственным услугам?... Единый контактный центр – круглосуточно» и др.

И последний аспект, который, на наш взгляд, представляет интерес, это и культурная сторона жизни города. Это касается разнообразных афиш в центре, информирующих о предстоящих концертах, спектаклях, фильмах. Из количества и тематики данного типа рекламы можно судить о культурном уровне горожан, их интересах и досуге. Нельзя обойти стороной и праздничные мероприятия. В преддверии праздников или важных событий для страны город украшается.

Таким образом, рекламные тексты имеют большое значение для жизни города и его горожан. Они играют самостоятельную и вспомогательную роли: рекламируют различного рода товары и услуги, а также помогают воссоздать картину интересов и действий общества.

Литература

1. Ксензенко О.А. Как совместить приятное с полезным (правила игры слов и образов в рекламе) // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. – М., 2001. – с. 129-131.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ЯЗЫКЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Псянчин А.

azamat.ps@mail.ru

Научный руководитель: ст. преп. Гайсина Р.И.

r.gay@mail.ru

Сибайский институт (филиал)

Башкирского государственного университета

Россия, г. Сибай

Современные средства массовой информации оказывают значительное влияние на языковую, социально-психологическую и культурную обстановку в обществе. Предоставляя информацию о состоянии мира и заполняя досуг человека, СМИ воздействуют на образ его мышления, на стиль мировосприятия, на тип культуры сегодняшнего дня.

Располагая современными средствами распространения и обладая высоким престижем, язык СМИ оказывает большое влияние на формирование литературных норм, языковых вкусов и предпочтений общества.

С одной стороны, язык СМИ по-своему обогащает литературный язык, насыщая его оценочными оборотами, формируя более отточенную речь. С другой стороны, нельзя не видеть негативной роли языка некоторых СМИ, изобилующего многообразными отступлениями от нормы, наводняющего речь жаргонизмами и иноязычными словами. В условиях снижения общей информационно-языковой и речевой культуры язык СМИ требует к себе особого внимания [1].

Так, для частичного решения возникших проблем 5 апреля 2013 года был принят Федеральный Закон «О внесении изменений в статью 4 закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» и статью 13.21 Кодекса РФ об административных правонарушениях». Данным изменением был установлен штраф: на физических лиц в размере от двух тысяч до трех тысяч рублей; на должностных лиц – от пяти тысяч до двадцати тысяч рублей; на юридических лиц – от двадцати тысяч до двухсот тысяч рублей с конфискацией предмета административного правонарушения [2].

По словам депутата Государственной Думы РФ С. Железняк, предложившего этот законопроект, в органы исполнительной власти постоянно поступают многочисленные обращения граждан с требованием пресечь использование ненормативной лексики в телепередачах, в печатных СМИ. Говоря о необходимости новых поправок в КоАП, он отметил: «Мы считаем, что мат и нецензурная брань недопустимы в любых СМИ, поэтому предложили ввести запрет на использование ненормативной лексики и ответственность за ее использование во всех СМИ. Средства массовой информации по определению не должны быть распространителями табуированной в обществе лексики [3].

Юрист Денис Руденко еще на стадии принятия закона выражает сомнение по поводу его необходимости: «Особой необходимости в принятии этого закона я не вижу. В КоАП РФ есть статья "мелкое хулиганство" и есть в открытом доступе судебная практика – когда человека, выражающегося нецензурной бранью, могут привлечь по ней. Подобный прецедент был на Дальнем Востоке, когда к административной ответственности привлекли главного редактора местного издания, допустившего нецензурное слово в статье» [3].

Данные поправки законодательства привели к замене нецензурных выражений звуковым сигналом или обозначением в виде символов. Особенно это заметно в развлекательных телевизионных программах. В качестве примера можно привести телеканал ТНТ. Также важно отметить отсутствие точного перечня «запрещенных» слов. Это приведет к субъективному отношению к данным нормам права. Из-за отсутствия такого перечня, каждый сам будет решать, какое слово «запрещено», а это усложнит работу контролирующих органов (прокуратуры) и суда.

Помимо данных нововведений, существует проект закона о чистоте русского языка. Суть его в ограничении использования иноязычных слов. «Дадим словарь, список слов, которые нельзя употреблять, когда есть нормальные русские. Будем биться, чтобы этот закон был принят, и на столе у каждого журналиста, ведущего теле- и радиопрограмм, преподавателей, ученых, писателей был подобный список. Допустим, слов 100 мы английских перечислим и добавим хорошие русские вместо них. Надо, чтобы звучал нормальный русский язык. Надо освобождать его от лингвистического мусора и иностранных слов», – так мотивировал

необходимость нового закона депутат Государственной Думы В. Жириновский [4].

В качестве примера применения подобных норм можно обратиться к опыту других стран: в Турции при помощи схожего закона очистили турецкий язык от арабизмов, от персидских и французских слов.

Итак, на данном этапе развития русского языка наблюдается снижение культуры речи и широкое применение иноязычных слов в СМИ. Для решения возникших проблем принимаются меры на законодательном уровне. К сожалению, их недостаточно. Принятые меры неполноценны – не раскрывают в полной мере понятие «нецензурная брань», что может привести к неверному толкованию нормы права. Предлагаемые меры практически неосуществимы, так как при их реализации будут нарушены такие конституционные права, как право на свободу мысли и слова (ст. 29 Конституции РФ).

Необходимо применение неправовых мер по повышению языковой культуры СМИ. Сотрудники СМИ должны понимать необходимость самоцензуры.

Литература

1. Володина М.Н. Проблемы русского языка в зеркале СМИ. – М., 2011. – 4 с.
2. Справочно-правовая система «Консультант Плюс» Электронный ресурс [Режим доступа]: <http://www.rusconsultgroup.ru/articles/t15/e227/>
3. Лента новостей официального сайта фракции Единая Россия. Электронный ресурс [Режим доступа]: lenta.ru/lib/14159354/
4. Лента новостей информационного портала «Гарант Плюс» Электронный ресурс [Режим доступа]: www.4isla.ru/garant/garant-plus/

СТАТУС ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ НА МАТЕРИАЛЕ НЕГАТИВНЫХ СЛОВ

Серженко Г.В.

gserzhenko@mail.ru

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Швачко С.О.

sumdu_translation@mail.ru

Сумский государственный университет

Украина, г. Сумы

На современном этапе языкознания особое внимание фокусируется на изучении научной картины мира, терминов, их

статуса, происхождения и функционирования. Объектом исследования работы выступает категория отрицания, предметом – феномен терминологизации на основе негативных маркеров.

Небытие представляется как что-то несуществующее, как отрицание бытия. Категория «ничто» не коррелирует с объективным миром. В системе языка небытие как отсутствие, лакуна, пустота или пропуск соотносится с разной рецепцией, абстрагированной и ментальной в языковом оформлении, и представлено языковой категорией негации, отрицания.

Проблема отрицания в научном мире считается важной общелингвистической проблемой. Значение «общее» обусловлено универсальной логической и философской структурой, а также характеристикой категории отрицания [3: 1]. Отрицание – это устоявшаяся и фиксированная категория в русском и английском языках, которая представлена парадигмой регулярных маркеров негации. Отрицание является утверждением второй степени [1: 277]. Утвердительное предложение, таким образом, представлено при помощи негативных маркеров.

Несмотря на генетическое и типологическое родство, германские и славянские языки характеризуются специфическим оязыковлением категории отрицания. Современный английский язык является последовательно монологичным. Русский язык принадлежит к полинегативным [2: 7].

Термины категории отрицания образуются с помощью негативных префиксов: рус.: *без-, а-, анти-, дис-, не-, недо-, им-*; англ.: *anti-, dis-, in-, un-* (является основным при образовании отрицания у глаголов), *mis-, de-, in- (im-, ir-, il-), non-* (употребляется довольно редко, происходит от частицы *no*, иногда может заменять другие префиксы (например *un-*): *non-ferrous metals*, *иммобилизация*, *инволюция*. Отрицание может семантизироваться эксплицитно и, наоборот, лексемно (имплицитно, аформально). Ср.: англ. *underpay, zero article, dead metaphor, remove, protest, synthetic, vacant, objection, postpone, fault, crisis, repeal, denial*; рус. *лакуна, солецизм*.

Одним из продуктивных способов словообразования в русском языке является добавление к слову отрицательной частицы *не*. Часто при этом слово «уходит» от своего первоначального значения. Английское отрицательное прилагательное или наречие, образованное при помощи соответствующих префиксов (*un-, in- (im-, ir-, il-), non-, ab-, a-*), как правило, является антонимом

соответствующего позитивного: *plugged – unplugged, cohesive – discohesive, porous – imporous, referential – irreferential, expencive – inexpencive, workable – unworkable, normal – abnormal, marked – unmarked, political – apolitical, legal – illegal, regular – irregular.*

Категория негации имеет отношение к:

– отсутствию, лакунарности: англ. *bottomless, non-existence, zero article, insomnia*; рус. *безаффиксный способ словообразования, термодинамическая смерть, безъядерный, беспартийный*;

– виртуальности: англ. *unreal past, infinity*; рус. *нуль-пространство*;

– отрицанию: англ. *indirect object, imperfect tense, unzip, irregular verb, illiteracy, non-member*; рус. *алогизм, аморфные языки, антикрыло, антипротон, дениализм, некогерентность, нерелятивистский, неферромагнитный, некомбатант, инфинитив*;

– ненормальности, девиантности: англ. *dysarthria, dysphonia, misdivision, dyslexia, misnomer, misconception, imbalance*; рус. *дизартрия, дисфункция*;

– лишению, избавлению: англ. *disorient, abolish, deprecate, dismiss, dislodged, banished, dejection*; рус. *извлечение, деавторизация, денервация, десатурация, умолчание, вырождение, декартелизация, ампутация*.

Перспективным представляется исследование метазнаков, семантизирующих негацию на материале дистантных языков.

Литература

1. Бергсон А. Творческая эволюция / Пер. с фр., предисл. и примеч. И.И. Блауберг. – М.: Канон-пресс: Кучково поле, 1998. – 382 с.
2. Паславська А.Й. Заперечення та сфери його дії: семантика, синтактика, прагматика, просодика: [автореф. дис. на здобуття наук. ступеня д-ра філолог. наук: спец. 10.02.15] / А. Й. Паславська. – Киев, 2006. – 35 с.
3. Пенжиева Н.М. Лексико-морфемные и морфологические средства выражения категории отрицания в типологически разных языках: на материале туркменского языка в сопоставлении с русским: Дисс. ... канд. филолог. наук: спец. 10.02.02. – Ашхабад, 2001. – 141 с.

ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ КАК ОДНА ИЗ ДОМИНАНТ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКА РЕКЛАМЫ

Чернова Е.И.

summer8325@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Виданов Е.Ю.

vidanovv@yandex.ru

Омский государственный педагогический университет

Россия, г. Омск

Реклама сегодня – это многогранное явление, которое привлекает внимание большого количества специалистов различных сфер науки: лингвистов, социологов, психологов, культурологов.

Любые изменения в жизни человека (мода, политика, новые идеи и события) неизбежно отражаются на языке рекламы, а как следствие, и на рекламных текстах. В большинстве случаев рекламные тексты создаются на основе использования приемов языковой игры, которых в настоящее время насчитывается великое множество: аллюзивная и прецедентные модели языковой игры, графодеривация, использование морфо-деривационных механизмов и т.д. Частота и разнообразие использования этих приемов говорят о высокой доле творческого начала в языке в целом и в языке рекламы в частности.

Одним из интересных приёмов языковой игры в настоящее время можно назвать обыгрывание семантической структуры слова, при котором зачастую сталкиваются прямое и переносное значения слова, узуальная семантика подменяется окказиональной, значение одного омонима «проглядывает» в другом и т.п.

Так, среди значений, присущих многозначным словам, одно воспринимается как основное, главное, а другие как производные от этого главного, исходного значения. Например, у слова *идти* в Большом академическом словаре и в Словаре русского языка С. И. Ожегова отмечено 26 значений, а в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова – 40 значений. Есть слова, которые имеют не просто несколько разных значений, а целую серию групп значений, слабо связанных друг с другом и включающих десятки отдельных значений.

В рекламных текстах многозначность служит для выполнения одного из главных требований, предъявляемых к рекламному тексту, – передачи максимального количества информации на минимальном

отрезке текста. В пример можно привести следующие слоганы и тексты:

СВЯЗЬ БЕЗ БРАКА (реклама мобильной связи).

Обыгрывание многозначности слова *связь* усиливается тем, что в тексте кроме многозначного слова *связь* используется омоним *брак*: *Брак*¹ – Семейный союз, сожительство мужчины и женщины; супружество; *Брак*² – Недоброкачественное изделие; недоброкачественный товар [1: 601-602].

ВАЗИЛИП. Ваш сердечный друг (реклама медицинского препарата «Вазилип» для пациентов с ишемической болезнью сердца).

У слова *сердечный* есть два значения, которые обозначают что-то или кого-то, имеющего отношение к сердцу: 1. Относящийся к сердцу // предназначенный для лечения болезней сердца 2. Относящийся к сердцу; связанный с чувствами, настроениями, переживаниями человека // связанный с дружескими отношениями, чувством симпатии, общими интересами [2: 672-675]. Таким образом, словосочетание *сердечный друг* в словаре определяется как «близкий друг» – лицо одушевленное, а в рекламном тексте речь идет о лекарственном препарате для сердца. Здесь составитель рекламного текста через обыгрывание многозначности слова манипулирует языковым сознанием потребителя для того, чтобы вызвать у него максимально положительное отношение к данному препарату и вызвать у него ощущение того, что лекарство «Вазилип» уже является его хорошим, близким другом.

– В этом случае диагонально переводишь мяч налево, подключается Дима, подключается Иванов, а теперь неожиданно подключается ... Вадик? Ты когда должен подключиться?

– До 30 апреля. А чё, 100 рублей-то не лишние.

Стрим, подключись до 30 апреля и получи 100 рублей.

Обыгрыванием многозначности слова *подключаться* автор этого рекламного текста достигает двух целей одновременно: во-первых, создается комический эффект, а во-вторых, добавляется и элемент эффекта неожиданности. Слово *подключаться* используется в своем прямом значении – «присоединяться (к источнику энергии, к действующей электрической, газовой, телефонной и т.п. сети)» и переносном – «присоединяться к кому-либо, чему-либо, становится участником чего-либо» [3: 397].

В рекламе двусмысленность позволяет не только передать максимальное количество информации в минимальном контексте, но и привлечь внимание потенциальной аудитории, обеспечив продление зрительного контакта, вызвать положительные эмоции от «разгадывания» многослойности текста. Применение приемов двусмысленности тесно связано с психологическим воздействием на адресата. Реципиент, как правило, получает удовольствие от того, что он понял адресованное ему зашифрованное послание, поскольку людям нравится, когда делают комплимент их интеллекту. Разрешение двусмысленности связано с такими мыслительными процессами как восприятие и понимание.

Языковая игра, основанная на применении фигур двусмысленной речи (обыгрывании омонимии и многозначности, а также на их комбинировании), является одним из наиболее часто употребляемых видов языковой игры в рекламе.

Литература

1. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 1 / Под ред. В. И. Чернышёва. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1965.
2. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 13 / Под ред. В. И. Чернышёва. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1965.
3. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 10 / Под ред. В. И. Чернышёва. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1965.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И КУЛЬТУРА ОБЩЕНИЯ

ПРОБЛЕМЫ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Амен А.

humanage@bk.ru

Научный руководитель: учитель Аменова К.С.

akunzira@mail.ru

Средняя школа № 6

Казахстан, г. Атырау

Замечательные слова о красоте и величии русского языка принадлежат великому мастеру и знатоку Ивану Сергеевичу Тургеневу: «Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык – этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками. Обращайтесь бережно с этим орудием – в руках умелых оно способно творить чудеса». Это наказ из прошлого нам, сегодняшним – любить и обращаться бережно. Язык – живое существо, он очень болезненно реагирует на все негативное, что происходит вокруг нас.

В чем наша беда? Мы очень мало читаем. Мы, ученики, часто предпочитаем фильм книге, развлекательные телепередачи – познавательным. Самая значительная проблема в том, что большая часть говорящих на русском языке утратила ощущение нормы. В первую очередь это касается, нас, молодежи.

Сейчас наша речь в хаотическом состоянии, потому что правила речевого общения усваивать неоткуда. Они, к сожалению, не исходят из семьи, школы и т.д. «Образцы» речевого поведения мы получаем со страниц бульварных газет, с экранов телевидения, где телеведущие самых популярных ток-шоу не стесняются в выражениях. Для многих нормой речевого общения стала жаргонная лексика, которая все больше пополняется тюремным жаргоном. Читать стало немодным. Складывается такое ощущение, что подрастающий человек, к сожалению, не может найти ориентиров в мире русской речи – ему не хватает образцов. Отсюда – отсутствие языкового чутья и вкуса.

Необходимо также помнить, что вежливость и благожелательность – основа культуры речевого поведения. Именно они сейчас преданы полному забвению и нуждаются во всенародном обсуждении, или, как сейчас принято говорить, референдуме. Невежливость – это слишком серьезная болезнь, и лечить ее нужно

кардинально. Здесь очень важно соблюдать такую заповедь речевого этикета: уметь не только говорить, но и слушать. Нет ничего более тягостного, чем человек, который слышит только самого себя, который глух к желаниям и нуждам собеседника. Важно отдавать себе отчет в том, что отсутствие реакции на слово является нарушением культурной нормы общения и, следовательно, речевого поведения. Ответить можно не только словом, но и жестом, улыбкой [1].

Важно избегать многословия: говорить не только кратко, но просто, понятно, точно. Приведу пример, на вопрос: Как пройти до определенного пункта? Можно услышать: «Пойдете, пойдете, значит, выйдете и там прям налево, прям такой дом, ну, серый такой, ну, пойдете, за ним эта, ну, как ее, арка, обойдите и идите за угол». Так ведут себя люди, которые не владеют нормами культуры речевого поведения. Нужно говорить именно то, что требуется для действия, для дела [1].

Русский язык переживает в настоящий момент кризис, причем очень глубокий. Жаргонизация, многочисленные американизмы, употребление ненормативной лексики вследствие снижения культуры – таково современное состояние нашего языка. Многочисленные грамматические ошибки, даже в речи высокопоставленных лиц, – не это ли показатель того, что язык нужно спасать?

«Мы хотим обратиться ко всем, кому небезразлично, что будет с русским языком и нашим родным казахским, а значит – и с нашей культурой. «Великий и могучий» нуждается в нашей защите! Начнем следить за чистотой своей речи; не употреблять жаргонных и бранных слов; грамотно излагать свои мысли, чтобы быть правильно понятым; не допускать двусмысленности высказываний; не употреблять без надобности слова иностранного происхождения, если им есть достойная замена в богатейшей лексике русского языка; быть доброжелательными по отношению к собеседникам; обогащать свой словарный запас; чаще обращаться к словарям – нашим верным помощникам; больше читать классическую русскую литературу – это противоядие пошлости и уродству; ценить «роскошь» человеческого общения.

Литература

1. Абрамов Н. Искусство разговаривать// Русская речь. – 1991. – № 4.
2. Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Культура и искусство речи. Современная риторика. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

УПРОЩЕНИЕ ОРФОГРАФИИ КАК ИСТОК ПРОБЛЕМЫ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

Балабаева З.

Mahmedova_zulfiya@mail.ru

Научный руководитель: учитель Остапенко Н.С.

martens08@mail.ru

Школа-лицей №20

Казахстан, г. Павлодар

Широкое понятие культуры непременно включает в себя то, что называют культурой общения, культурой речевого поведения. Чтобы владеть ею, важно понимать сущность речевого этикета. Орфография является разделом науки о языке, который изучает написание и правописание слов, а, значит, играет немаловажную роль в формировании речевой культуры.

Русский язык – это язык Пушкина, Чехова, Толстого... И нынче он меняется не в лучшую сторону! Именно поэтому целью нашей работы стало исследование истоков проблем речевой культуры. Одним из таких истоков является упрощение орфографии. То, что сейчас происходит с русской орфографией, очень тревожит. В настоящее время с развитием прогресса она сильно изменяется. Компьютеры, IP-технологии прочно вошли в нашу жизнь, и без них нам уже не обойтись. Появились новые слова и термины.

Предметом исследовательской работы для нас стали произведения русских писателей и поэтов, газетные материалы, речь моих сверстников.

Русский язык – один из самых сложных языков в мире, это объясняется тем, что в процессе своего развития он претерпевал множество изменений на различных уровнях своей структуры. В большей степени повлияли на содержание русского языка реформы орфографии. Во все времена люди стремились упростить русский язык. К чему это привело? После октябрьского переворота в 1917 году одной из первых реформ русского языка с целью упрощения было сделано следующее:

Во-первых, вместо азбуки появился алфавит. Современные русские уже не понимают разницы между алфавитом и азбукой.

Во-вторых, были уничтожены некоторые буквы. До советской власти в русском языке было 36 букв. Сегодня 33 буквы. В древней

кириллице было 43 буквы. Причём, в древности было 19 гласных букв, сегодня их всего 5. Лишних букв в языке не бывает. Отметим, что гласные буквы – это основа энергетики языка: чем больше в языке народа гласных, тем свободнее и жизнеспособнее народ.

Отметим также, что Лев Толстой не писал романа «Война и мир». Его роман имел другой смысл и назывался по-другому: «Война и мир».

В-третьих, были искажены склонения, например, Н.В. Гоголь написал своё произведение под названием «Мёртвые души», но никак не «Мёртвые души».

В итоге такая реформа привела к тому, что из языка исчезло большое количество слов, а это значит, что он обеднел.

Сегодня многие считают, что орфографию современного языка снова нужно сделать более простой, доступной для всех. Возникает вопрос: не будет ли она слишком «примитивной» и «смешной»?! А смог бы человек «примитивной» орфографии мыслить «непримитивно». Как знать?!

Современному человеку никак не обойтись без Интернета. Различные чаты, форумы, ICQ... С их помощью мы общаемся друг с другом и заменяем привычные «спасибо» и «пожалуйста» на сокращённые «спс» и «пжл», удобно сокращая эти слова. Ещё проще - ставим в конце предложения смайлик. В электронном письме можно сделать ошибку, сократить количество букв, да и вообще заменить точку или запятую на пробел. И никто не укажет тебе на эти ошибки: здесь так принято, и все друг друга понимают.

В современной жизни живое человеческое общение заменено общением в различных социальных сетях, и если раньше это касалось в большей степени только молодых людей и школьников, то сегодня таким средством общения пользуется каждый второй. Язык такого общения существенно отличается от общения живого – «настоящего». Мы попытались составить небольшой словарь слов, которые часто используются в процессе такого общения.

<i>Хай (привет)</i>	<i>мхм (согласие)</i>	<i>раха (спасибо)</i>	<i>форевер</i>
<i>Чо (что)</i>	<i>ясн (ясно)</i>	<i>ваще (вообще)</i>	<i>(навсегда)</i>
<i>споки-ноки</i>	<i>не (нет)</i>	<i>норм (нормально)</i>	<i>xD (смешно)</i>
<i>(спокойной ночи)</i>	<i>дооооо (да)</i>	<i>ужс (Ужас!!!)</i>	<i>бай бай (пока)</i>
<i>Щяс (сейчас)</i>	<i>хаха (смешно)</i>	<i>навена (наверное)</i>	<i>кароч (короче)</i>
<i>Канеш (конечно)</i>	<i>прост (просто)</i>	<i>падет (пойдёт,</i>	<i>седня (сегодня)</i>
<i>спс (спасибо)</i>	<i>дану (Да ты</i>	<i>нормально,</i>	<i>лол (смешно)</i>

<i>нзч(не за что)</i>	<i>что!)</i>	<i>хорошо)</i>	<i>ниче (ничего)</i>
<i>каж (кажется)</i>	<i>ок (хорошо,</i>	<i>как д (Как дела?)</i>	<i>птм (потом)</i>
<i>нз (не знаю)</i>	<i>договорились)</i>	<i>пчм (почему)</i>	<i>пжл</i>
<i>мдэ (выражение</i>	<i>лан (ладно)</i>	<i>тока (только)</i>	<i>(пожалуйста)</i>
<i>недовольства)</i>	<i>Тож (тоже, то</i>	<i>инет (интернет)</i>	<i>СПС (спасибо)</i>
	<i>же)</i>	<i>респект спасибо)</i>	<i>лайк(нравится)</i>

Вывод напрашивается сам собой: если раньше правила орфографии люди изменяли преднамеренно, то сегодня это происходит не по воле отдельно взятых людей, а в процессе развития современного информационного общества.

Нетрудно представить, как может выглядеть современный художественный текст. Сегодня красивый и правильный язык стал большой редкостью. К сожалению, беда в том, что многие из нас не задумываются, что, коверкая родной язык, мы тем самым унижаем свое человеческое достоинство, национальную гордость своего народа, независимо от того, какой язык является для нас родным.

Литература

1. Электронный ресурс [Режим доступа]: <http://www.wikipedia.org>
2. Лопатин В.В. Русская орфография: задачи корректировки // Новый мир. – М., 2001, №5.
3. Русский язык / Под ред. Л.Л. Касаткина. – М., 2001. – 768 с.

СЕМАНТИЗАЦИЯ НЕГАЦИИ НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ДИСКУРСОВ

Быкова О.Д.

ole4ka-bykova@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Баранова С.В.

baranova_s@ukr.net

Сумский государственный университет

Украина, г. Сумы

Развитие лингвистических и филологических наук на современном этапе предусматривает новое осмысление и более углубленное исследование отдельных концептов и понятий. Одним из метазнаков когнитивной лингвистики является негация. В философском понимании отрицание является необходимым

моментом процесса развития, борьбы противоположностей. С лингвистической точки зрения актуальным является анализ экстериоризации негации в языковой картине мира. Целью данной работы является установление закономерностей семантизации негации посредством фразеологических конструкций английского и русского дискурсов.

Фразеологическая концептуализация действительности является частью языковой концептуализации мира и связана с формированием особенной, фразеологической картины мира как искусства народа представлять сложные понятия в виде образов [3: 163]. Фразеологизмы заполняют лакуны в лексической системе языка, обеспечивая наименование новых сторон действительности.

Поскольку на фразеологическом уровне языка этническое мировоззрение ее носителей проявляется чрезвычайно ярко, фразеология сегодня приблизилась к антропологической парадигме и лингвокультурологическому анализу [3: 181].

Характерным для фразеологических единиц является то, что они обеспечивают содержательный, концептуально мотивированный акт, в котором отрицание истинности ранее сказанного сочетается с оценочной интерпретацией чьей-то неправдивости в соответствии с национальными представлениями о нормах коммуникативного взаимодействия [1:152]. Таким образом, происходит семантизация и оязыковление негативных эмоций, прагматических установок и интенций говорящего.

Фразеологические единицы отрицают истинность сказанного ранее и интерпретируют его как: 1) вымысел (*рассказывать бабушкины сказки, сказывать сказку про белого бычка, черта с два*), где прослеживается тенденция оязыковления негации при помощи метафоричного переноса «сказка-вымысел» или образов сказочных существ; 2) ложь (*наврать с три короба, вертеть хвостом, вешать лапшу на уши, пудрить мозги, водить за нос, втирать очки, play the traveler, give a lurch*), где очевидным является использование образного изображения манипулятивного влияния на реципиента; 3) чушь, абсурдность (*бред собачий, чепуха на постном масле, плести околесицу*), где негация семантизируется посредством ассоциации нелогического мышления с нечеткими мыслительными процессами. В проанализированных примерах негация выражается как эксплицитно, так и имплицитно.

Рассматривая фразеологические единицы с негативным субъективно-оценочным компонентом значения, стоит заметить, что

общая семантическая асимметрия фразеологической системы может быть объяснена более частой и дифференцированной эмоциональной и речевой реакцией людей именно на отрицательные явления, а также характерной для аффективных эмоциональных состояний, тенденции к использованию готовых речевых форм, в том числе устойчивых словесных комплексов [2:63]. Рассматриваемые дискурсы содержат много фразеологизмов со значением «подлость»: *fiddle while Rome is burning, hit a man when he is down*. К фразеологическим единицам со «лицемерие» можно отнести следующие: *play a double game, shoot a pigeon and kill crow, show a false face*. Фразеологизмы также семантизируют такие негативные качества, как «заснайство» (*cock one's nose, throw one's weight about*), «болтовство» (*be a lot of noise, shoot the bull*), «лень» (*eat the bread idleness, a man of nothing to do*).

Характерной особенностью английского дискурса является использование фразовых глаголов с предлогом в препозиции или постпозиции, которые также имплицитно выражают отрицание. Примерами таких устойчивых словосочетаний являются следующие фразовые глаголы: *to be out of mind* (быть забытым), *to keep off* (держаться на расстоянии, не подпускать), *to give up* (сдаваться, бросать), *to trail off* (затихать).

Фразеологизмы с цветовым компонентом *black* семантизируют секретность, злобу: *black money* (грязные деньги), *black dog* (грусть), *to know black from white* (быть себе на уме).

Таким образом, фразеологические единицы английского и русского дискурсов являются уникальным средством выражения особенностей мировосприятия носителей языка и их культуры. Понятие негации во фразеологических конструкциях семантизируется как эксплицитно, так и имплицитно, что делает вопрос валидным для дальнейших лингвистических исследований.

Литература

1. Баган М.П. Отрицание неправдивости в фразеологизмах украинского и русского языков. – Киев: Киевский национальный лингвистический университет, 2007. – С.151-156.
2. Райхштейн А.Д. К вопросу о структурно-семантической и функционально-семантической характеристике словесных комплексов // Сб. научн. тр. / МГПИИЯ им. М. Тореца. – М.: 1982. – Вып. 172.
3. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

СЕМАНТИКО-СТРУКТУРНЫЙ МОДУС ПОСЛОВИЦ С НЕГАТИВНЫМ МАРКЕРОМ

Васильева А.

anastasija_vasiljeva@yahoo.com

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Баранова С.В.

baranova_s@ukr.net

*Сумский государственный университет,
Украина, г. Сумы,*

При изучении иностранного языка происходит соприкосновение с культурой народа. Вместе с народом и его языком рождается пословица, народ ею живет; в ней – его переживания, житейский опыт, его философия. Восточные народы называют пословицу «цветом языка», «ненанизанными жемчужинами», греки и римляне – «господствующими мнениями», итальянцы – «училищем народа», испанцы – «врачевством души», немцы – «уличной мудростью».

В.И. Даль считает, что пословица отличается от поговорки как по смыслу, так и по строению. «Поговорка – окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, но без притчи, без суждения, без заключения, без применения. Поговорка заменяет прямую речь, иногда не называет вещи, но условно весьма ясно намекает» [3: 14]. В.И. Даль определяет пословицу как «коротенькую притчу, суждение, приговор, поучение, понятый и принятый всеми». Состоит из двух частей: из обиняка, картины, общего суждения и из приложения, толкования, поучения, нередко вторая часть опускается, предоставляется сметливости слушателя.

Основываясь на суждениях Н.Н. Амосовой, пословицы и поговорки – это притчи-миниатюры, к особенностям которых можно отнести следующее: функционирование в синтаксически замкнутом виде, при этом они выполняют функцию коммуникации, а не номинации; им не присуще целостное значение, они не входят в систему языка. Это автономные самоисчерпывающие и по структуре и по смыслу предложения [2: 21].

Пословицы ситуативно связаны, несут информацию про конкретные явления, исполняют коммуникативную функцию [1: 177]. Пословицы и поговорки, являя собой компрессию социально-культурного опыта народов, представляют в распоряжение исследователей различных областей бесценный материал.

С точки зрения синтаксиса, пословица всегда является высказыванием, изречением, в чем и состоит ее коммуникативная сущность. Она преследует определенную дидактическую цель – поучать, предостерегать и т.п. Пословица может выступать в качестве самостоятельного предложения или части сложного предложения. Пословицы могут быть представлены повествовательными, побудительными и вопросительными предложениями с вкраплением негации.

Обращаясь к семантической составляющей, видим, что употребление компонента *bad* указывает на негативные качества описываемого объекта, подчёркивает его отрицательные характеристики, например: *A bad excuse is better than none; A bad busk is better than no shelter; He is a bad companion that has a good memory; It is a bad cloth that will take no colour* [4].

Пословицы со структурой сложноподчинённого предложения являются весьма распространёнными в английском языке, в которых негация эксплицируется в одном из его блоков, например: *There is not always good cheer where the chimney smokes; It is a bad bargain where both are losers; It is a bad cloth that will take no colour; There's but bad choice where the whole stock is bad* [4].

Пословицы могут выражать побуждение к действию, включая элементы негации: *Never be weary of well doing; Be not too bold with your betters; If you can't be good, be careful* [4].

Предложения, вопросительные по форме, имеют риторический эффект: *Why should the devil have all the best tunes? All are good maids, but whence come the bad wives?* [4].

Таким образом, следует отметить, что семантические пословицы могут выражать негацию, а структурно негация может быть обозначена как эсплицитно, так и имплицитно.

Рассмотренный вопрос представляет собой перспективу для дальнейшей разработки и исследования вербализации маркера негации на фразеологическом уровне дистантных языков.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеологическое значение в системе семантических единиц других уровней языка // Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях. – Кишнев: Штиница, 1982. – С. 176-180.
2. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. – Л., 1963. – 186 с.

3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1-4. – М.: Русский язык, 1989.
4. Dictionary of Proverbs / G.L. Apperson. – Harlow: Wordsworth Reference, 2006. – 656 p.

ФОРМЫ ПРИВЕТСТВИЯ И ПРОЩАНИЯ В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ МИРА

Вахитова Р.Р., Исхакова Г.К.

VakhitovaR@mail.ru

Научный руководитель: к. ф.н., профессор Х.Б. Нургалина

rida-marsovnna@yandex.ru

Сибайский институт (филиал)

Башкирского государственного университета

Башкортостан, г. Сибай

Чаще всего мы используем этикетные формулы «приветствия» и «прощания». Приветствуя человека, мы показываем, что не просто заметили его, а знакомы с ним, уважаем этого человека.

Формула приветствия обязательно произносится доброжелательным тоном, с улыбкой, обращенной к собеседнику: «хэлло», «сәләм», «барев дзез», «конничива», «бон джорно» да и просто «привет»! И при этом машут рукой, похлопывают по плечу, целуют, обнимают, приседают, танцуют, подпрыгивают, улыбаются. Разнообразие мировых приветствий настолько масштабно, что с 21 ноября 1973 года даже стал отмечаться праздник – День приветствий.

Интересно, что в каждой стране здороваются и, конечно, прощаются сообразно с самобытной национальной историей и культурой. Понять истоки приветственных и прощальных ритуалов – дело нелегкое, но крайне увлекательное.

Замечательное русское «здравствуйте» никогда не потеряет актуальности, ведь пожелание здоровья не бывает лишним. Самым привычным и самым красивым громким нашим приветствием является приветствие на башкирском языке «Һаумы!», «Сәләм» «Һаумыһығыҙ» (мы интересуемся о здоровье человека), и слова прощания «Һау бул», «Һау булығыҙ». Говоря «Имен торогоҙ», «Осрашканға тиклем!», мы всем желаем добра. Татарское «Исәнмесез» означает «здоровы ли вы».

«Мендвт!», – говорят при встрече калмыки. Или спрашивают: «Ямаран Бяана?» (Как дела?), на что полагается отвечать – «Гем уга» (болезни нет).

Иорданцы приветствуют друг друга словом «*marhaba*» (привет), норвежцы произносят «*гуддаг*» (добрый день), румыны говорят «*Alo*», «*Namaste*», произносят при встрече непальцы.

Марийцы приветствуют друг друга словами «*Салам лийже*» (здравствуйте) или «*Поро лийже*» (особо ласковая и доброжелательная форма приветствия).

На Алтае приветствуют словами, звучащими так: «*Тякии лар ба*» (Все ли хорошо?). Якуты произносят: «*Норуон норгуй*» (Привет).

Арабское «*Салам аллейкум*», так же как и европейское «*Шолом алейхем*», переводится как «*Мир вам*». Армянское «*Барев дез*» - это компактно упакованное двойное пожелание: и солнца на небе, и добрых вестей на земле.

Итальянское «*Коме ста?*» (Как стоишь?) – тоже приветствие многоплановое. С одной стороны, собеседник интересуется, твердо ли ты стоишь на ногах, т.е. все ли в порядке со здоровьем; а с другой, итальянцу важна в жизни стабильность, и традиционный вопрос приобретает такой оттенок: «*Все ли удачно у тебя в работе и достатке?*»

Редко словесное приветствие обходится без жестов и мимики. Подсчитано, что человек владеет 700 тысячами способами выразить свои эмоции с помощью рук, ног, лица и тела. Эта цифра впечатляет, потому что превышает словарный запас любого языка. И чем южнее располагается страна, тем богаче язык жестов. Англичанин за час общения может не сделать ни одного движения рукой, финн сделает одно, итальянец будет жестикулировать 80 раз, француз – 120, а эмоциональный мексиканец – 180.

В России старые времена приветствовали близких после долгой разлуки или при поздравлении с именинами и большими религиозными праздниками троекратным поцелуем, при котором друга или родственника обнимают, поворачивают его голову вправо – влево - вправо.

Во многих европейских странах такие поцелуи двукратны: в одну щёчку, в другую щёчку; часто при этом филонят, чмокая не плоть, а воздух где-то в районе уха.

В Индии публичные поцелуи не приветствуются, это могут позволить себе только официальные супруги. Японцы, китайцы и

корейцы, которые вообще не склонны к проявлению каких бы то ни было эмоций в общественных местах, редко, но пользуются приветственным «японским» поцелуем: быстрый «клевок» сжатыми губами.

Традиции прощания у народов мира не так богаты. Нужно лишь пожелать что-то хорошее, пожать руку или просто помахать ею, создавая «попутный ветер» уходящему другу.

Но вот итальянцы при прощании не похлопают, а достаточно чувствительно ударяют по спине, придавая вам дополнительную инерцию.

Но самое красивое прощание – у жителей Андаманских островов, которые затерялись в Индийском океане, где на прощание подносят ладонь друга к губам и тихо-тихо дуют на неё, чтобы путь был лёгким.

Эмоциональная и экспрессивная окраска формул приветствия и прощания зависит от экстралингвистических факторов; характера гостеприимства, бытовых обычаев, существующих у определенных народов.

Литература

1. Малыгин В.Т. Австрийская фразеология в социокультурном аспекте. – Спб: Образование, 1999.
2. Форум любителей русской словесности // Задания по русскому языку и литературе // Школьная программа. [Электронный ресурс]
3. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии (II). //ВЯ. – 1998. – № 6.
4. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира //Язык и сознание: парадоксальная реальность. – М., 1993.
5. [Электронный ресурс]

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ДИМЕНЗИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

Донцова М.

margarita.dontsova17@gmail.com

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Швачко С. А.

sumdu_translation@mail.ru

Сумский государственный университет,

Украина, г. Сумы

Огромным достоянием человечества является число. Зарождение и развитие категории числа нашло реализацию в языке, отражает этапы становления абстрактного мышления человека. Истоки возникновения понятия числа достигают древнейших времен существования человечества и связаны в своей основе с соответствующими этапами познания человеком окружающей его действительности [5:6].

Вследствие не только разного развития, но и способа познания представителями разных народов во многих странах существуют свои меры длины, веса, объема и т.д. Несмотря на то, что уже достаточно давно введена единая метрическая система килограммов и километров, британцам проще ориентироваться, используя акры (*acres*) и мили (*miles*).

С. Влахов и С. Флорин выделяют следующие способы перевода димензиональной лексики: транскрипция, транслитерация, транскрибирование с объяснительными сносками, перевод с помощью эквивалента [2: 224].

Транскрипция и транслитерация – это способы перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее формы с помощью букв. При транскрипции воспроизводится звуковая форма иноязычного слова, а при транслитерации его графическая форма (буквенный состав).

При транслитерации передается графическая форма слова средствами языка-перевода, напр. англ.: *acre, barrel, gallon* переводятся соответственно *акр, баррель, галлон*. Ср. англ.: *It was rather a rough mess, I own, when poured into the basins; four had been provided, and a gallon pitcher of new milk was brought from the dairy* [8: 83]; рус.: *Овсянка моя, признаюсь, была сыровата, когда ее разлили по тарелкам; их поставили четыре и принесли из коровника большую кринку парного молока на целый галлон* [1: 91].

При транскрипции передается звуковая форма, напр. англ.: *foot* эквивалент этого слова фут; *perch* переводится перч. Ср. англ.: *They were within twenty yards of each other, and so abrupt was his appearance, that it was impossible to avoid his sight* [7: 112]; рус.: *Между ними было всего двадцать ярдов, и он появился настолько внезапно, что избежать его взгляда было для Элизабет совершенно невозможно* [3: 117].

Основные принципы транскрибирования – это обязательное однозначное соответствие знака и звука: 1) каждый звук должен иметь отдельный знак; 2) знаки должны быть однозначными; 3) каждый звук должен иметь только одно обозначение [2:11]. Ср. англ.: *The distance is nothing when one has a motive; only three miles. I shall be back by dinner* [7: 53]; рус.: *Да тут и всего-то каких-нибудь три мили. К обеду я буду дома* [3: 71].

Транскрибирование с объяснениями в сносках полностью сохраняет национальный колорит, но доставляет хлопот при восприятии информации. В словаре объяснения даются наряду с транскрипцией или транслитерацией. Ср.: рус. ... *но нельзя было косить восемьдесят десятин, на которых был посажен молодой лес* [6: 743]; англ. ... *and it was equally impossible to mow those dessiatinas where a young copse had been planted* [10: 672].

dessiatina – *measure of land = 10,900 sq. metres or 2.7 acres, a Russian measure of land, roughly 1.1 hectares* [10: 672].

Перевод с помощью функционального аналога или эквивалента будет считаться адекватным, если замена одной лексической единицы на другую существенно не повлияет на колорит в целом [2: 160]. Ср.: англ. *I hope you saw her petticoat, six inches deep in mud, I am absolutely certain* [9: 236]; рус. *Надеюсь, вы видели ее юбку – в грязи дюймов на шесть, ручаюсь* [4: 52].

Следует заметить, что слова меры и веса передают яркий исторический и национальный колорит и поэтому их перевод обычно происходит с помощью транскрибирования или использования функционального аналога.

Таким образом, мы понимаем, что переводчик должен уделять значительное внимание адекватной передаче димензиональной лексики средствами языка перевода, требующего соответствующей прагматической адаптации текстов и их лексических составляющих. Прагматическая адаптация играет важную роль и требует от

переводчика основательных и разносторонних знаний языка перевода и оригинала, культуры и истории.

Литература

1. Бронте Эмили. Грозовой перевал / Эмили Бронте. – М.: АСТ, 2004 – 320с.
2. Влахов С. Непереводимое в переводе: монография / С. Влахов, С. Флорин. – 2-е издание, испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1986. – 416 с.
3. Остин Джейн. Гордость и предубеждение / Джейн Остин. – М.: Мартин, 2008. – 352 с.
4. О. Генри. Сердце Запада / О. Генри. – М.: Кристалл, 2002. – 256 с.
5. Панфилов В. З. Типология грамматической категории числа и некоторые вопросы ее исторического развития / В. З. Панфилов. – М.: Наука, 1976. – С. 18-38.
6. Толстой Л. Н. Анна Каренина / Л. Н. Толстой – М.: Художлит., 1988. – 767 с.
7. Austen Jane. The Complete Novels of Jane Austen / Jane Austen. – London: Penguin Group, 2006. – 1288 p.
8. Bronte Emily. Wuthering Heights / Emily Bronte. – London: Penguin Group, 2006. – 395 p.
9. O. Henry Selected stories / O. Henry – London: Penguin Group, 1993. – 544 p.
10. Tolstoy Leo. Anna Karenina / Leo Tolstoy. – London: Wordsworth classics, 1995. – 848 p.

СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ В.С. ВЫСОЦКОГО

Дорош А.

399695@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Воронова Н.Г.

ngvoronova@mail.ru

Алтайская государственная педагогическая академия

Россия, г. Барнаул

В последнее десятилетие возрос интерес к исследованию языковой способности человека. Всеми исследователями языковая способность определяется как способность к владению и овладению языком.

Исследованием языковой способности в данном аспекте занимается психолингвистика. В психолингвистике языковая способность определяют следующим образом – это многокомпонентная функциональная система, являющаяся средством

отражения и генерализации элементов системы родного языка. Усвоение системы языка становится возможным, благодаря существованию языковой способности (далее – ЯС), присущей всем нормальным детям. В данной статье принято определение ЯС как функциональной системы, качество которой и тем самым тип обусловлено природными качествами, или задатками человека.

По мнению Н.Г. Вороновой, «язык оформляет семантические, синтаксические и прагматические отношения, которые формируют его словарь и грамматику», благодаря чему носитель и пользователь языка «имеет возможность оформлять то, что является для него номинативно значимым и предикативно актуальным». Значимость и актуальность, считает Н.Г. Воронова, «определяются специализацией человека в информационном обмене», типом информационного метаболизма человека – ТИМом [2: 301].

Исследователь выделяет четыре типа языковых способностей, одним из которых является семасиологический парадигматический.

Данный тип языковой способности личности характеризуется использованием полисемии, потенциала многозначности слов при выражении субъективно значимой информации в предложении. Формула выражения значения при таком типе языковой способности может быть представлена следующим образом: $\Phi > (C1 \text{ или } C2)$, где Φ – это план выражения («означающее»), а $(C1 \text{ и } C2)$ – это план содержания («означаемые»), знак $>$ обозначает семасиологическую направленность речевого действия. Исследователь А.А. Зализняк выделяет два типа совмещения значения, которые, по мнению Н.Г. Вороновой, характерны для данного типа языковой способности, – это «мерцание» / «осцилляция» и «принцип тернарной семантики» [3: 30-31].

Н.Г. Воронова считает, что языковая личность с семасиологическим парадигматическим типом ЯС для передачи субъективно значимой информации организует контекст предложения в речевом произведении таким образом, что он «содержит положительные указания на разные семантические программы реализации языковых потенциалов слова, т.е. контекст разнороден: одна его часть дает основание для одной из программ, тогда как другая часть является основанием для реализации другой программы» [4: 10]. Таким образом, маркером данного типа языковой способности является слово, которое в контексте предложения реализует более

одного значения и тем самым «нарушает симметрию двух сторон знака» [4: 11].

Анализ номинативного состава предложений в частном письме В.С. Высоцкого и стихотворении «Бывало, Пушкина читал ...» позволил сделать предварительный вывод о качестве языковой способности писателя. Приведем фрагмент выполненного анализа.

Анализируемое нами письмо датировано 25 февраля 1975 года. Во втором предложении данного письма (2) *Вот здесь я уже третью неделю* указательная частица *вот* в контексте предложения может реализовывать два значения: 1) либо автор письма указывает на факт своего наличия в некоем месте, пребывания «здесь» (*вот здесь мой дом, вот здесь я...*); 2) либо частица используется для указания на то, по поводу чего высказываются какие-нибудь мнения, что является поводом к речи (*пребывание здесь как повод написать об этом*) [6].

Частица *уже* в контексте предложения также может реализовывать два значения: 1) либо она усиливает значимость сообщаемого о продолжительности какого-либо отрезка времени, подчёркивает его длительность (*уже продолжительное время*); 2) либо она усиливает значимость сообщаемого о количестве чего-либо, подчёркивает значительность сообщаемого (*уже третью неделю*) [5].

Третье предложение (3) *Живу* состоит всего из одной словоформы, поэтому сложно сказать, какое из своих словарных значений реализует лексема. Ближайший контекст (предыдущее и последующее предложения) позволяет предположить, что таких значений может быть реализовано два: 1) либо «1. Существовать, быть живым» || Вести деятельную жизнь; пользоваться жизнью, наслаждаться ею» [1]; 2) либо «4. Пребывать, проживать где-л.» [1]. Здесь может быть отмечено явление «совмещения значений» типа «мерцание» («осцилляция»), когда два значения в слове присутствуют одновременно, «что создает эффект «мерцания» (т.е. как бы попеременно обнаруживает себя то одно, то другое значение)» [3, с.30].

Аналогичным образом нами было проанализировано словоупотребление в контексте 47 предложений. Явление полисемии было отмечено в 29-ти (2/3 от общего количества предложений). Кроме того, следует учесть, что жанр личного письма предполагает использование этикетных форм приветствия, прощания и постскриптума, которые мы не рассматривали, – это первое предложение и предложения с 45-го по 47-е.

Проведенный анализ показал, что явление полисемии в текстах В.С. Высоцкого отличается регулярностью. Отсюда можно сделать предположительный вывод о том, что данное явление – не особенность индивидуального художественного стиля писателя, а явление, обусловленное типом его языковой способности.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова / Спб.: Норинт // Электронный ресурс [Режим доступа]: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>
2. Воронова, Н.Г. Асимметричный дуализм языкового знака и качество языковой способности /Н.Г. Воронова // Современные проблемы лингвистики и лингводидактики: концепции и перспективы : материалы Второй междунар. заоч. науч.-метод. конф. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. – 550 с. – С. 301-306.
3. Зализняк, А.А. Многозначность в языке и способы ее представления / А.А. Зализняк. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.
4. Литвин, Ф.А. Многозначность слова в языке и речи / Ф.А. Литвин. – М.: Высшая школа, 1984. –119 с.
5. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. — 4-е изд., стер. // Электронный ресурс [Режим доступа]: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/02/ma106328.htm>
6. Толковый словарь русского языка: В 4 т. под ред. Д.Н. Ушакова. / Гос. изд-во иностр. и нац. Слов// Электронный ресурс [Режим доступа]: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/0ush.htm>

СИМПТОМАТИЧЕСКИЕ ЖЕСТЫ В КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Жакабай Н.

nuraika_h20@vail.ru

Научный руководитель: д.ф.н., доцент Нарожная В.Д.

vdn_ru@mail.ru

Южно-Казахстанский государственный

педагогический институт

Казахстан, г. Шымкент

Проблемы взаимодействия языка и культуры, языка и сознания все чаще становятся предметом обсуждения не только в лингвистике, но и в философии, психологии, культурологии. В связи с этим возрастает и интерес к изучению национально-культурной специфики межкультурной коммуникации. Общение с представителями разных

лингвокультурных сообществ невозможно без знакомства с их национальной культурой. Важно учитывать, что культурная компетенция является необходимой составляющей коммуникативной компетенции, так как «...общность языковых сознаний – необходимая предпосылка речевого общения; неполная общность является основной причиной коммуникативных конфликтов – конфликтов непонимания партнеров друг друга – и есть следствие их принадлежности к разным национальным культурам» [2: 30].

Речевое общение людей, как правило, сопровождается невербальной коммуникацией: жестами, мимикой, проксеμическими и кинесическими средствами общения, которые позволяют лучше понять собеседника, разобраться, какие чувства он испытывает. Жест и мимика тесно связаны со словом, они уточняют мысль и оживляют ее, усиливают ее эмоциональное звучание.

В современной этнопсихоллингвистике описана семантическая классификация жестов, которые подразделяются на *симптоматические* и *коммуникативные*. Симптоматические жесты выражают эмоциональное состояние жестикулирующего. Волнение, радость, восторг, ненависть, досада, огорчение, недоумение, растерянность, замешательство – все это выражается не только в выборе слов, в интонации, но и в жестах. Определяющим для всех симптоматических жестов «является именно эмоция, а не ее физиологическое проявление, то есть, горе, а не слезы» [1: 199]. У каждого народа есть свой жестовый язык и свои любимые жесты, употребление которых зависит от различных ситуаций общения, возрастных и социальных ролей адресата и адресанта. Например, в русской культуре существует простонародный жест *хлопать* (*хлопнуть*, *бить*, *ударять/ударить*) [*себя*] *ладонями (руками) по бедрам*. Согнутые руки разводят в стороны, приподнимают, а затем резко опускают к бедрам, хлопнув по ним ладонями. Выражение лица варьируется в зависимости от значения жеста. В русском общении жест может обозначать: а) радость, восторг; б) удивление, недоумение; в) недовольство, возмущение [1: 108].

В казахском невербальном общении аналогичный жест *санын соғу* (ударить ладонью по бедру), имеет значение «сожалеть, горько сожалеть, страдать от чего-либо, раскаиваться, гневаться». Жест выражает эмоцию гнева и страдания. Наряду с описанным жестом существует другой вариант, когда от досады, гнева и страдания можно ладонью одной руки ударить по ладони другой руки. Обычно

такая эмоция сопровождается дополнительными признаками: мимикой, соответствующей ситуации, а также тембровой характеристикой голоса, если сопровождение вербальное.

Страдание, гнев, отчаяние, досада, крайнее огорчение могут быть выражены синонимичными жестами *бармагын тистеу* (кусать палец), *колын тистеу* (кусать руку), *шашын жулу* (рвать волосы на голове).

Сцепленные указательные пальцы рук у груди – жест-реалия в казахском языке, символический жест. В разговоре этим жестом показывают враждебное или плохое отношение двух людей друг к другу. Его, как правило, используют в конце высказывания или на границе с последующим высказыванием, дублируя при этом или заменяя собственно языковые средства. С помощью вытянутых указательных пальцев обеих рук, повернутых вверх тыльной стороной ладони и соприкасающихся, также передаются враждебные отношения двух людей.

В казахской невербальной семиотике встречаются такие национальные жесты, употребление которых зависит не только от перечисленных факторов, но и от половой принадлежности коммуникантов. К числу таких жестов относится *женский* жест, носящий название *бетім-ай* – (ой, мое лицо). *Стыд-то какой! Срам-то какой!* Женщина проводит указательным пальцем по лицу. Этот жест выражает отрицательную реакцию на чей-либо поступок, когда слушательница ужасается, стыдится поступка кого-либо. Жест может сопровождаться словами возмущения, произнесенными с повышенной интонацией, но может выступать и как самостоятельный семиотический знак. Среди казахских эмоциональных жестов, распространенных среди женщин, встречается жест, передающий глубокую скорбь, печаль. Это жест *бет жырту* (царапать свое лицо), употребляемый при оплакивании покойника.

Социальным, женским является и жест *еки буйирин таяну* (подбоченясь). Поза в сидячем положении, которую принимают женщины-казашки, когда оплакивают смерть мужа или сына. Большой палец руки направлен вперед, четыре пальца – назад.

Рассмотренные жесты национальные, социальные – женские. В них всегда присутствует модальность, т.е. отношение к совершенному кем-либо поступку, неодобрение, порицание, эмоции ужаса, горя.

Литература

1. Крейдлин Г.Е. Кинесика // Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. – М.-Вена: ЯРК, 2001. – 254 с.
2. Тарасов Е.Ф. К построению теории межкультурного общения // Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: ИЯ РАН, 2000. – С. 30-34.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Ибрай А.

aiymlady@bk.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Тусупова А.К.

almagul_tus@mail.ru

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

Казахстан, г. Астана

Умение грамотно и целенаправленно строить высказывание может во многом определить качество жизни современного старшеклассника, который очень скоро станет соискателем рабочего места, и его профессиональная карьера будет зависеть от возможности выразить свои мысли толково, конкретно, грамотно, чтобы оказаться правильно понятым. А значит, и в своей профессиональной деятельности он будет исходить из того, что культура речи, владение языком помогут ему в формировании необходимого речевого имиджа.

Овладение языком создает внутренний образ мировоззрения каждого человека. Развитие и изучение языков привело к выдвижению на первый план теории языковой личности.

В понятии языковой личности фиксируется связь языка с индивидуальным сознанием личности. Любая личность проявляет себя и свою субъектность не только через предметную деятельность, но и через общение, которое немыслимо без языка и речи. Речь человека с неизбежностью отражает его внутренний мир, служит источником знания о его личности. Трудно понять, что представляет из себя человек, пока не услышишь, как и что он говорит. В.

Виноградов говорил о том, что «о личности можно говорить только как о языковой личности, как о воплощенной в языке».

По Ю.Н. Караулову, языковая личность имеет три структурных уровня: нулевой (вербально-семантический), когнитивный (тезаурусный) и мотивационный. Элементами первого уровня являются слова, грамматические, семантические и другие структуры, модели словосочетаний и предложений; это уровень обыденного языка. Второй уровень отражает картину мира, первоочерѐдность смыслов и духовных ценностей для людей, говорящих на одном языке. Третий уровень – высший представлен коммуникативно-культурными традициями.

Для современной лингвистики характерен интерес к проблеме языковой личности, факторам, определяющим ее развитие, возрастным особенностям. Особого внимания требует вопрос формирования языковой личности в школьном возрасте, а именно языковой личности старшеклассников. К моменту окончания школы, старшеклассники овладевают элементами вербально-семантического уровня языковой личности, поэтому в центре внимания многих лингвистов – когнитивный и мотивационный уровни, т.е. готовности, которые находятся в стадии наиболее активного формирования. Как отмечают психологи, именно «...этот возраст выступает как период самоопределения в мире, проектирования саморазвития, выявления жизненных перспектив. Именно здесь предпринимается выбор профессии, во многом определяющий в дальнейшем характер взаимоотношений в системе Человек – Мир» [3: 140]. Система связей с миром в этот период расширяется, в связи с чем происходит «утрата самооценности...» [5: 213]. В то же время углубляется самоанализ и усиливается интерес к самопознанию.

Старшеклассники стремятся найти свое место в жизни, как среди ровесников, так и среди людей старшего (или, наоборот, младшего) возраста. Развитие рефлексии позволяет сознательно искать соответствующее решение в любой социально значимой проблемной ситуации. Важной чертой этого периода является интенсивное нравственное развитие. В результате формируются способности оценивать себя и других по одним и тем же критериям, учитывать в равной степени как свои потребности и интересы, так и потребности и интересы окружающих.

Огромное значение имеет и продолжающийся рост интеллектуальных сил старшеклассников: для мыслительной

деятельности старшеклассников характерны высокий уровень обобщения и абстрагирования, усиление тенденции к причинному объяснению явлений, умения аргументировать и доказывать положения, делать обоснованные выводы, связывать изучаемые явления и факты в систему.

Психологические особенности периода ранней юности отражаются в развитии языковой личности старшеклассников. Как отмечает Г.И. Богин, именно в этом возрасте происходит интенсивное формирование двух высших уровней развития языковой личности: уровней адекватного выбора и адекватного синтеза, т.е. тех уровней, формирование которых, начавшись в подростковом возрасте, будет продолжаться на протяжении всей жизни. Кроме того, языковая личность, достигнув возраста старшеклассника, «приступает к систематизации и категоризации своего прошлого опыта» [4: 36].

Сложность языковой личности современного старшеклассника заключается в том, что в школе он обучается нормам литературного языка и в то же время является носителем школьного сленга и часто носителем группового жаргона. К тому же он испытывает влияние средств массовой информации, окружающей речевой действительности, семейно-наследственного фактора.

Таким образом, можно утверждать, что языковая личность старшеклассника находится в процессе активного формирования, прежде всего это касается развития речевой и языковой рефлексии и формирования языковой картины окружающей действительности.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
2. Януш Корчак. Как любить ребенка. Онлайн Библиотека. – Электронный ресурс: [http //www.koob.ru](http://www.koob.ru)
3. Алферов А.Д. Психология развития школьника. – Ростов-н-Д.: Феникс, 2001. – 384 с.
4. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. АДД. – Л., 1984.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ НЕГАЦИИ НА ГРАММАТИЧЕСКОМ УРОВНЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Коробко А.О.

alinakor_8@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., ст. преп. Шуменко О.А.

schuma-81@mail.ru

Сумский государственный университет

Украина, г. Сумы

Термин «негация» является полифункциональным в лингвистической картине мира. Четко прослеживается его связь с другими сферами наук: философией, логикой, психологией. Необходимо отметить, что категория негации существует параллельно с категорией утверждения. Как отрицательные, так и утвердительные предложения семантизируют отсутствие или наличие предмета, явления, признака в действительной картине мира.

Актуальность работы состоит в том, что категория негации в английском дискурсе характеризуется многоаспектностью и недостаточной изученностью ее проявления на различных уровнях языка. Объектом исследования служат языковые средства выражения категории отрицания, предметом – грамматические маркеры вербализации негации.

Категория негации относится к числу тех языковых категорий, которые существуют в каждом языке мира с древнейших времён. Отрицание – элемент значения предложения, который показывает, что связь между явлениями, выраженная в предложении словами и словосочетаниями, реально не существует [1:337].

Категория отрицания в английском языке оперирует разнообразными средствами выражения, каждое из которых передает значение отрицания как эксплицитно, так и имплицитно [2:25]. Негативность в языке свидетельствует о высоком уровне ментальной деятельности.

Способы репрезентации категории негации на грамматическом уровне требуют особого внимания, так как каждому языку свойственны те или иные грамматические особенности. В английском языке отрицание относится к сказуемому или к другим членам предложения, причем главным образом отрицание стоит перед сказуемым. Например:

– *I don't mean during the trial; I mean – after* [4: 284].

Характерной особенностью исследуемого языка есть монологичность, в отличие от других синтетических языков. Продуктивными способами выражения негативности являются частицы *not*, *no*, отрицательные местоимения *none*, *nothing*, предлог *without*, наречия *never*, *scarcely*:

– *That might be true, but that doesn't mean they don't know* [3: 39];

– *The irony did not escape Jeremiah* [3: 91];

– *I shouted «No!» but the final blast smothered it out* [3: 343].

Модальные конструкции типа *ought to+инфинитив*, *might have+V* семантизируют невыполняемые, желаемые действия, в которых присутствует оттенок отрицания:

– *But you ought to go, I interrupted* [3: 110];

– *At last he might have understood* [3: 320].

Грамматические средства вербализации исследуемой категории представлены в формах глагола прошедшего, настоящего и будущего времен. Для выражения отрицания частица *not* коррелирует с вспомогательными, модальными и связочными глаголами. Побудительные, вопросительные, условные предложения семантизируют негативность эксплицитно или имплицитно, вербализуя долю эмоциональной нагрузки:

– *Don't tell me I'm young* [3: 1];

– *Don't patronize me, I said* [3: 26];

– *If I had approached him like a boxer, I'd probably have ended up picking my teeth out of my skull* [3: 175];

– *Maybe if you didn't waste time with that crap, you would have found her before* [3: 26].

Проблема изучения и перевода конструкций, которые семантизируют негацию, является важным направлением в современной лингвистике. Грамматические средства негации требуют изучения на материале глаголов разных наклонений дистантных языков.

Таким образом, категория отрицания, являясь фундаментальной категорией познания мира человеком, имеет сложную и разнообразную систему средств и форм репрезентации, которые особо ярко выражены на грамматическом уровне. В этом и проявляется специфика данной категории, которая продолжает вызывать интерес у многих учёных из различных областей знаний.

Перспектива дальнейшего исследования состоит в изучении маркеров вербализации негации на других уровнях экстерииоризации в английском и русском языках.

Литература

1. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Минпроф СССР, 1956. – 512 с.
2. Филиппова М.М. О роли двойного отрицания в английском языке // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005. – Вып. 31. – 170 с.
3. Harlan Coben. Tell no one. – L.: Orion Books Ltd, 2001. – 346 p.
4. Jessica Stirling. The dark pasture. – Coronet Books. Great Britain, 1998. – 384p.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ОЯЗЫКОВЛЕНИЯ НЕГАЦИИ

Кравец Л.

kravec-lina@rambler.ru

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Швачко С.А.

sumdu_translation@mail.ru

Сумский государственный университет

Украина, г. Сумы

Отрицание или негация – одна из важнейших языковых категорий, служит для описания действительности, играет огромную роль в процессе коммуникации, принадлежит к числу основных ментальных операций. Среди универсалий отрицание отличается особым статусом в разных отраслях человеческих знаний – философии, логики, психологии, математики, языкознании [1: 98].

Отрицание – один из наиболее абстрактных концептов, который экстерииоризируется в модуле всех языков.

Объектом исследования является категория негации, предметом – лексическое отрицание в художественном дискурсе и способы его перевода. Актуальность объективируется интересом ученых к вопросам системного функционирования лексических средств, а также – отсутствием классификации наиболее часто употребляемых лексических средств отрицания в речи.

В работе нашли применение контекстуальный и дискурсивный методы исследования, компонентный, количественный и контент-анализ. Теоретическое значение – углубление знаний в теории и

практике перевода лексических маркеров негации. Материалом исследования послужили художественные произведения английских и американских писателей XX-го века.

Отрицание – одна из свойственных всем языкам мира исходных, семантически неразложимых смысловых категорий, которые не поддаются определению через более простые семантические элементы [2: 254]. А.М. Пешковский определяет отрицание как элемент значения предложения, который указывает, что связь, устанавливаемая между компонентами предложения, по мнению говорящего, реально не существует или, что соответствующее утвердительное предложение отвергается говорящим как ложное [3: 421].

Для всех языков мира типичным является использование отрицаний, которые могут быть выражены на нескольких уровнях речи: морфемном, лексическом, грамматическом, синтаксическом, стилистическом. Наиболее частотной негацией в английском языке является моноотрицание, в отличие от синтетических языков, в которых отрицание может встречаться в одном предложении неоднократно. Полинегация в английском языке используется преимущественно с целью усиления стилистической нагрузки.

Лексические средства негации включают в себя все части речи. Среди них выделяются глаголы, частицы и имена прилагательные, поскольку в речевых выражениях чаще всего отрицается качество и действие (состояние). Гораздо реже несут в себе негацию имена существительные, числительные и служебные части речи.

Негативное значение может быть выражено как эксплицитно, так и имплицитно. Эксплицитную негацию легче распознать даже без наличия контекста и дискурса. Этому способствуют либо отрицательное наречие *never* и частицы *no*, *not*, либо морфемные маркеры, представленные суффиксом *-less* и префиксами *un-*, *mis-*, *dis-*, *ir-*, *im-* и их дериватами. Например, в словах *restless*, *disoriented*, *mistakenly* отрицание выражено эксплицитно именно благодаря аффиксам.

Менее распространенной является имплицитная негация, о наличии которой часто свидетельствует ситуация, контекст, или же для распознавания которой необходим перевод слова на другой язык. Например, в словах *reluctant*, *reject*, *hesitate*, *hide*, *empty*.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что категория негации является универсальной и требует многоаспектного изучения

на всех уровнях ее экстерииоризации. Отрицание является языковой универсалией, выраженной в форме понятийной категории, в основе выделения которой лежат принципы семантической общности и многоуровневого оязыковлениия. Понятийная категория отрицания, находясь за пределами языка-системы, получает свою непосредственную реализацию через языковые средства.

Перспектива дальнейшего исследования состоит в изучении имплицитных средств выражения негации в английском и русском языках.

Литература

1. Глушук-Олея А.И. Теоретические основы изучения категории отрицания испанскими грамматиками // «Наука и искусство: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии»: материалы международной заочной научно-практической конференции. Часть I. (21 января 2013 г.). – Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. – 134 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 354.
3. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 8-е изд., доп. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ УНИВЕРБОВ

*Кудрявцева Т. А.
c9dana@mail.ru*

*Научный руководитель: к.ф.н., доцент Ташимханова Д.С.,
Tashimhanova_ds@enu.kz*

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
Казахстан, г. Астана*

Одним из внутриязыковых стимулов, обеспечивающих появление новых слов, является тенденция, получившая название закона экономии языковых усилий (В.Н. Виноградова, Е. А. Земская, Л.А. Капандзе, Е.С. Кубрякова, В.В. Лопатин, Д.Н. Шмелев, Н.А. Янко-Триницкой). Действие закона экономии языковых средств проявляется в том, что процессе употребления языка говорящие осуществляют отбор наиболее рациональных для целей общения языковых средств. По мнению исследователей, это отвечает культурному стремлению современного общества к увеличению информативности текста за счет его сокращения.

Действие закона экономии языковых средств находит свое выражение в замене словосочетаний однословными наименованиями, как более экономными по своей форме, при этом происходит т.н. свертывание синтаксической конструкции. Это специфическое лингвистическое явление нашло отражение в ряде терминов: «стяжение», «семантическая конденсация», «включение», «универбация». Для обозначения такого явления мы, вслед за Е.С. Кубряковой, В.В. Лопатиным, М.М. Копыленко, используем термин «универбация».

Под универбацией понимается процесс образования слов на базе синтаксической структуры в результате ее компрессии. Производное слово при этом способе словообразования по форме соотносится с одним словом, а по смыслу – со всем мотивирующим словосочетанием. Е.А. Земская рассматривает универбацию как «способ образования слов на базе словосочетания, при котором в основу производящего слова входит лишь основа прилагательного, а существительные заменяются суффиксом» [1: 155]. По мнению Л. К. Жанапиной, «универбация – это создание второго имени, вторичная номинация, которая в явном виде сохраняется, благодаря параллельному сосуществованию тождественных по содержанию синтаксической и словной форм в языковой системе» [2: 60].

Процесс свертывания наименований достаточно ярко представлен в языке СМИ. Наблюдения над универбами, извлеченными методом сплошной выборки со страниц республиканских газет, позволили выявить их лингвистические особенности.

Распределение анализируемых единиц по сферам употребления показало преобладание универбов – профессионализмов, основную часть которых составили наименования лица по основной деятельности, активной функции и роду занятий: *ядерщик, коммунальщик, компьютерщик, нефтедобытчик, таможенник*. Активность подобных наименований, в использовании которых наибольшую потребность испытывает производственная сфера, обусловлена причинами экстралингвистического характера.

Универбы – бытовизмы в нашем материале представлены наименованиями предметов быта и транспортных средств: *микроволновка, мобильник, морозилка, малолитражка, беспилотник: «Помогают и мультиварки, пароварки, миксеры. Кстати, без микроволновки уже никак не обойтись»* (Караван, №13, 29.03.13);

«Малолитражка made in Semey» (Казахстанская правда, №77, 1.03.13).

Наблюдения над способами образования универбов показали, что наиболее частотным способом их создания остается суффиксальный способ. При этом продуктивным суффиксом (так же, как и предыдущие периоды) выступает суффикс -к(а): *нефтянка, микроволновка, пленарка, электронка, симка*. В своем большинстве такие единицы, входящие в разные тематические группы, имеют оттенок разговорности, однако, часть из них, видимо, в результате частности употребления, воспринимаются как слова нейтральные.

Незначительная часть универбов образована при помощи суффикса -щик/-чик/. Такие образования распространены в производственно-технической сфере, как правило, это личные наименования: *ядерщик, коммунальщик, антимонопольщик, технарь*. Семантика подобных универбов включает в себя не только эмоционально-экспрессивную составляющую (которая со временем может нейтрализоваться), но и определенный социальный компонент. По мнению исследователей, суффиксальные универбы правомерно включать в так называемую фоновую лексику, так как их значение и употребление тесно связаны с ситуацией и временем их появления.

Все рассмотренные суффиксальные универбы мотивированы атрибутивными словосочетаниями, и суффикс, как правило, присоединяется к основе прилагательного; по мнению В.Н. Виноградовой, это объясняется тем, что именно на определении в таких наименованиях лежит функция выделения предмета – определение его вида, тогда как родовое, более широкое понятие заключено в существительном, несущем в себе меньше информации, и поэтому может быть отброшен [3: 125].

Анализ универбов, употребляющихся в газетных текстах может представлять интерес для углубленного изучения процессов, происходящих в литературном языке.

Литература

1. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства / Е.А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М., 1996. – С. 90 – 140.
2. Жаналина Л. К. Основы стилистического словообразования. – Алматы, 1999. – 63 с.
3. Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. – М.: Наука, 1984. – 184 с.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В РУСЛЕ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА КОНЦЕПТА НЕПОНИМАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Литюга Ю.

litujka@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Кобякова И.К.

kobyakova@ukr.net

Сумский государственный университет

Украина, г. Сумы

Непонимание является коммуникативно-когнитивным явлением, которое возникает при рецепции сообщения в процессе диалогического взаимодействия двух и более собеседников и присуще обычно слушателю. Анализ англоязычных диалогических единств, манифестирующих непонимания, доказывает его существование в двух плоскостях – коммуникативной и когнитивной. Такое существование происходит параллельно. Непонимание сочетает признаки как дискурсивно-коммуникативной, так и лингвокогнитивной природы. Рассмотрим непонимание как тип интерпретации с точки зрения когнитивной лингвистики. С этой точки зрения, непонимание связано с понятием интерпретации – видом когнитивной деятельности, направленным на раскрытие смысла сообщения адресанта. Незавершенность отдельных содержательных компонентов, неправильный интерпретационный ход формируют псевдоментальную репрезентацию дискурса, создают когнитивные предпосылки непонимания как типа интерпретации [2: 159].

Когнитивная природа понимания трактуется как последовательность операций или процедур, ответственность за осуществление которых несет отдельный модуль. Таким образом, речь должна идти о модульной организации понимания. В качестве когнитивной деятельности непонимание возникает из-за разногласий в оценке только одного модуля или нескольких модулей одновременно. Принимая за основу концепцию модульной организации процесса понимания Демьянкова В.З., можно предположить, по какой причине непонимание является дисфункцией одного или совокупности модулей одновременно [1: 66].

Первые основные фазы акта интерпретации коммуникативного сообщения, первый модуль отвечает за использование языкового знания. Языковая компетенция и уверенность – основные

характеристики этого модуля. Причиной недоразумений на этом этапе может быть различия в стандартной языковой компетенции общения. Следующий модуль – построение и верификация гипотетических интерпретаций. Компонентом понимания коммуникативных сообщений является процесс ожидания и формирования гипотез относительно развития дальнейших событий, которые являются предметом интерпретации. Непонимание возникает из-за несоответствия сказанного ожиданиям адресата. Усвоение сказанного выделяют как отдельный этап. Можно предположить, что дисфункцию этого модуля и, соответственно, непонимание, неполное или неправильное раскрытие содержания высказывания, могут вызвать следующие факторы: 1) проблемное определение пропозиционального содержания акта речи; 2) высказывание как сложная сущность содержит одновременно смысл и референцию, поскольку соотносится с соответствующей ситуацией.

Именно первые этапы интерпретационного процесса являются главными, определяющими факторами, создающими основы успешности или безуспешности осуществления речевой интеракции. Ошибки в восприятии лингвистических средств непосредственно влияют на формирование модельного мира интерпретатором, на отражение в представлении адресата семантики высказывания. Неадекватное формирование модельного мира становится главной причиной возникновения непонимания, неполного или неправильного раскрытия содержания коммуникативного сообщения [4: 163].

Интерпретируя коммуникативное сообщение говорящего, реципиент реконструирует свою ментальную проекцию и прагматическое содержание [3: 237]. В случае непонимания с одной стороны – адресат не понимает коммуникативного намерения адресанта, а реагирует на прямой смысл высказывания, а с другой стороны – он интерпретирует прямой речевой акт как косвенный. Непониманию как типу интерпретации присущ ложный ход мыслей, что приводит к построению неадекватной внутренней модели коммуникативного сообщения. Неэффективное осуществление интерпретационных операций реципиентом провоцирует неполную ментальную репрезентацию коммуникативного сообщения с неправильной репрезентацией и ошибочным воспроизведением конститутивных элементов. Проблема взаимодействия представителей различных культур возникает во время

межличностной коммуникации, при переводе текста. Анализ процесса возникновения лакун, обусловленных культурной дистанцией и влияющих на процесс адекватного понимания текста сообщения помогает в осуществлении адекватного перевода (натурализации текста). Коммуникативные стратегии разных культур неразрывно связаны с внутренними свойствами культурной системы и ее стержневыми ценностями. Они и призваны преодолеть когнитивную суть непонимания.

Литература

1. Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. – М., 1993. – №6. – С. 58-67.
2. Маковська Н.М. Непорозуміння як проблема когнітивної лінгвістики / Н.М. Маковська // Науковий вісник ВДУ. – 2002. – Вип. 5. – С. 159-165.
3. Кобякова И.К. Метафизическая аналогия как способ предикации в коммуникативных единицах / И.К. Кобякова // Социальная жизнь в свете философской рефлексии: сб. научн. трудов / под ред. Т.Н. Брысиной. – Ульяновск: УлГТУ, 2012. – С. 236-240.
4. Швачко С.А. Статус лакун в языке и речи / Швачко С.А. // Сборник статей: Когнитивная лингвистика, новые парадигмы и новые решения / отв. ред. Пименова М.В. – Москва: ИЯ РАН. Серия Концептуальные исследования. – 2011. – Вып. 15. – С. 201-207.

НЕГАЦИЯ КАК ФИЛОСОФСКАЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Медведь Е.Н.

kateryna_medvid@yahoo.com

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Швачко С.А.

sumdu_translation@mail.ru

Сумский государственный университет

Украина, г. Сумы

Негация – это одно из ключевых понятий в философии, логике и лингвистике. Каждая наука трактует этот феномен с точки зрения характерных именно для нее позиций. Признавая многоплановость проблемы негации, данная категория рассматривается в совокупности всех ее аспектов.

Негацией является операция, в результате которой вместо выражения «А» получается высказывание «Не А» или вместо

выражения «Не А» образуется выражение «А». Полученное таким образом новое высказывание также называется негацией первоначального выражения [1].

В природе и обществе все предметы и явления постоянно меняются, приобретая или теряя те или иные свойства, вступают в одни отношения и исключаются из других, возникают заново и перестают существовать. Существование отрицательных суждений обусловлено «диалектикой познания постоянно развивающегося окружающего мира» [3: 4-7].

Закон отрицания раскрывает сущность негации. Отрицание – это существенный, необходимый момент развития, преобразования одной вещи в другую, сопровождаемое не только уничтожением первой вещи, но и удержанием всех ее положительных качеств. Отрицание приводит к новому подъему на более высокий уровень развития [2].

Явление «двойного отрицания» является характерным для языковой негации. В формальной логике утверждение является частным результатом двойного отрицания. Так, модифицируя утвердительное суждение «*Машина движется*», получаем отрицательное суждение «*Неверно, что машина движется*». Отрицая новое суждение «*Неверно, что (неверно, что машина движется)*», получаем утвердительное суждение «*Машина движется*».

В негации синтагматического уровня большую роль играет место расположения отрицательной частицы «не», что может в значительной степени повлиять на содержание всего суждения. Например, предложение «*Вопрос не совсем корректен*» имеет следующее значение: вопрос некорректен, но не полностью, поэтому вполне правильным (корректным) считаться не может. Предложение «*Вопрос совсем не корректен*» означает, что никакой корректности в вопросе нет, поэтому он полностью является некорректным. Из данных примеров видно ту возможную разницу в значении, которая может возникать в результате изменения месторасположения отрицательной частицы «не» в речи.

Категория отрицания является одной из присущих всем языкам мира универсальных категорий, которая осмысливается через богатое многообразие средств ее выражения:

- морфологически-словообразовательные средства (суффиксы, префиксы, аффиксы): *un-*, *dis-*, *mis-*, *in-*, *ir-*, *il-*, *-less* и др. Например: *uncertainty*, *misunderstanding*, *irreplaceable*, *illegal*, *breathless*;

- лексические средства (частицы, союзы, предлоги, постпозитивные слова и т.д.): *not, no, neither... nor..., but, out, from, against, opposite, back* и др. Например: *She had been driving from her country home to Monaco...* [4: 235].

- синтаксические (контекст, порядок слов). Например: *I am not unconvinced by his argument* [4: 26].

Отрицание несет в себе прагматический компонент. С точки зрения прагматики, негация связана не с проблемой истинности, а с вопросом корректировки говорящим той информации, которой может располагать реципиент (безотносительно к ее объективной истинности). Категория негации, с точки зрения прагматики, определяется негативными коммуникативными установками [3].

Языковая негация относится к сложным лингвистическим категориям. Она пронизывает всю лексику и грамматику, имеет различные средства и способы выражения, сложную семантико-синтаксическую структуру. Несмотря на наличие самых разнообразных способов и средств ее выражения, негация должна рассматриваться как единая языковая категория, которая противопоставляется категории утверждения.

Литература

1. Бондаренко В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. – М., 1983. – 213 с.
2. Романенко И.М. Прагматическое значение предложений, содержащих отрицание. Диссертация канд. филол. наук.: 10.02.04. – М., 1998. – 147 с.
3. Сызранцева Л.М. Отрицание в семантической структуре предложения. Диссертация канд. филол. наук.: 10.02.04. – М., 1995. – 196 с.
4. Spada, James. *The Secret Lives of a Princess*. – New-Jersey: Penguin, 1987. – P. 26; 235.

ЭТНОЗНАКОВЫЕ ФУНКЦИИ ЦВЕТА В КОСТЮМЕ КАК ЭЛЕМЕНТЫ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Муриенко А.

nyara.murienko@yandex.kz

Научный руководитель: д.ф.н., доцент Нарожная В.Д.

vdn_ru@mail.ru

Южно-Казахстанский государственный
педагогический институт
Казахстан, г. Шымкент

Известно, что в коммуникативной функции костюма немаловажную роль играет цвет. Развитие, становление и укрепление системы символических значений цвета непосредственно связано с развитием определенной национальной культуры, «следовательно, и анализировать и интерпретировать ее изолированно от человеческой истории и культуры невозможно» [3:161]. Наследие былых цивилизаций свидетельствует о том, что человек был постоянно занят поиском цветовых решений, связанных с обычаями, традициями, образом жизни, географическими и территориальными условиями, стремлением к художественному самовыражению того или иного этноса. Немаловажную роль в восприятии цвета играют ассоциации, связанные с культурными традициями, образом жизни, религиозными концепциями. Большинство народов символику цвета в одежде черпало из природной связи процессов и форм. Окраска вышивок и тканей крымских татар – нежная, растительная, подчеркивающая связь человека с окружающей природой. Цвет праздничных камзолов (верхняя одежда) казахов преимущественно зеленого, красного, бордового, синего, желтого цвета – цвета весенней степи.

В казахском костюме велико значение цвета. Ткани, которыми обтягивался корпус *сәукеле* – бархат, сукно, атлас – почти всегда красного цвета или его оттенков. Красный цвет – молодость, избыток активных жизненных сил, цвет солнца, тепла, стихии огня. В мелких элементах декора, чаще всего в ювелирных изделиях, использовался синий цвет – цвет неба. Белый цвет вуали (*желек*) – символ небесного, Верхнего мира в головном уборе. *Платье* (*көйлек*), *камзол* и *шапан* чаще всего шились из красного, синего, зеленого бархата. Золотой цвет декора – цвет плодородия, созревания, материнства – распределялся по подолу платья и *шапана*, низу рукавов [1:163].

В своем исследовании символического значения национального костюма как средства невербальной коммуникации мы рассмотрели и сопоставили национальные костюмы нескольких этнических групп, проживающих на территории Южно-Казахстанской области – казахов, русских, узбеков, корейцев. Проведенные нами полевые экспериментальные исследования дали богатый материал для сопоставления и анализа, для определенных выводов и предположений о «врастании» и интегрировании одних этнокультурных элементов (костюма) и неизменных предпочтениях других.

Чаще всего в национальной одежде отражалось наличие семи цветов (кроме ахроматических, белого, серого и черного), непосредственно связанных с природой. Семь цветов цветового спектра соотносятся с семью планетами, семью добродетелями, семью грехами, семью нотами. Синий и голубой – цвет неба, атрибут небесных божеств; зеленый – цвет земли, природы, плодородия; желтый – цвет солнца; красный – цвет страсти, силы, чувственности, любви, огня; оранжевый – сочетание красного с желтым, теплый цвет; фиолетовый – соединение красного и синего, цвет памяти [4: 548].

Цвет был важным этническим, социальным, эстетическим признаком, который проявлялся в национальном костюмном комплексе. Выполняя декоративную функцию, он выступал способом выражения национального мировоззрения, психологии, вкуса, подчеркивал повседневность или торжественность в одежде, выделял различную обрядовую одежду, передавал всевозможные социальные градации. Например, шотландский король носил семицветную одежду; его придворные могли надевать костюмы, в которых насчитывалось пять разных цветов, у остальных привилегированных особ – четыре, а простонародью положена была одежда однотонная [2:109].

Символический смысл имеет цвет и в традиционной одежде корейцев. Как показали результаты анкетирования, проведенного нами среди представителей корейской диаспоры (граждане Южной Кореи), проживающих на территории Южного Казахстана, основных цветов национального корейского костюма, включая белый, пять. В нем всегда преобладает белый цвет. Красный означает удачу и богатство – красной была церемониальная одежда короля и королевы, а также юбки невест. Юбки придворных дам и официальные

костюмы чиновников были цвета индиго (синий) – цвет постоянства. Мужские головные уборы корейцев черные, т.к. черный воплощает бесконечность и творческое начало. Желтый цвет – цвет центра вселенной – символизировал короля и королеву и во время придворных церемоний допускался только в их одежде.

Участники эксперимента привели примеры, которые подтверждали, что цвет одежды или ее элементов мог иметь широкое социальное значение. Например, *ханбок*, который надевали молодые девушки на брачную церемонию, был преимущественно красно-желтого цвета: *чхима* (юбка) – красного цвета, *чогори* (жакет) – желтого. Родственников невесты и жениха на корейской свадьбе легко узнать: мать жениха обычно надевает одежду синего или близкого к нему цвета, а мать невесты – розовую. Если молодая женщина в блузе с воротником пурпурного цвета, то это означает, что женщина замужем, если манжеты на рукавах блузы голубые, то значит, она имеет сына.

Таким образом, цвет в национальном костюме является знаком невербальной коммуникации, он связан с культурными традициями, образом жизни, религиозными концепциями представителями того или иного этноса.

Литература

1. Калыбекова А.А. Теоретические и прикладные основы народной педагогики казахов. – Алматы: БАУР, 2005. – 200 с.
2. Каминская Н.М. История костюма. – М.: Легкая индустрия. – 1986. – 264 с.
3. Нарожная В.Д. Невербальные средства общения: аспекты межкультурной коммуникации. Монография. – Шымкент: ШИ МКТУ, 2010. – 214 с.
4. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Под общ. ред. В.Л. Телицына. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. – 608 с.

ЯЗЫКОВАЯ НОРМА В ОБЛАСТИ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА (НА ПРИМЕРЕ РЕЧИ СТУДЕНТОВ г. АСТАНЫ)

Немцева А.

alenushka1902@mail.ru

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Журавлева Е.А.

zhuravleva_ea@enu.kz

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

Казахстан, г. Астана

В процессе коммуникации важное место отводится речевому этикету, который характеризуется особыми словесными формами выражения вежливых отношений. Они тесно связаны с определёнными моментами ситуации и обусловлены культурным уровнем, полом, возрастом, степенью родства, знакомства участников коммуникации. Плохо зная особенности этикета, принятого коллективом, в котором нам приходится действовать, постоянно будем ставить себя и других в трудное положение, вызывать конфликты даже при самом добром отношении к людям. [1: 42]. Поэтому важно рассматривать речевой этикет с точки зрения языковой нормы, которая являет собой совокупность традиционных правил, отобранных и закреплённых в процессе общественной коммуникации - общепринятые нормы устной и письменной речи для данной эпохи.

Представление о правильной, культурной, нормированной речи включает в себя и определённые представления о норме в области речевого этикета. Само употребление или неупотребление единиц речевого этикета также может быть предметом нормализации [2]. Например, формулы приветствия уместно использовать только при встрече с собеседником, но никак не при расставании. Помимо этого как одно из нарушений норм речевого этикета может рассматриваться нарушение правил литературного языка.

Для рационального представления понятия нормы речевого этикета, важно знать, в каких сферах общения используются те или иные речевые формулы вежливости. В лингвистике по-разному представлено понятие «сферы функционирования» и принципы их выделения, причем учеными признается невозможность создания универсального понятия, поскольку «набор областей и сфер неодинаков в разных обществах и социальных общностях» [3: 32].

Мы обратились к классификации В.Ю.Михальченко [4], которая предлагает выделить две группы сфер:

1. Аморфные, то есть не обладающие специфическими функциональными стилями, например, обслуживание, торговля, транспорт, сельское хозяйство и т.д. Проанализировав этикетно-речевые формы приветствий и прощаний, которые используют студенты Астаны, отметили, что наиболее часто в данной сфере употребляются такие формы приветствий как «привет», «салам», «хай», «хаюшки» и прощания «поки», «покедова», «бай», «до свидос», и другие.

2. Дифференцированные, то есть сферы, обладающие специфическими функциональными стилями: наука, делопроизводство, массовая коммуникация [4, с. 15]. В этой сфере употребляются другие формы речевого этикета. Так, при встрече с преподавателями в университете студенты используют такие формы речевого этикета как «Здравствуйте», «Саламатсыз ба», «Гуд монин», на научных конференциях «Добрый день», «Здравствуйте» и т.д.

Употребление тех или иных единиц речевого этикета связывается в первую очередь с социальными ролями участников коммуникации. Большую роль играют социальные роли, а также их соотносительное положение в общественной иерархии. Многие специализированные единицы и общие проявления речевого этикета различаются по их устойчивой прикреплённости к тем или иным социальным группам носителей языка. Эти группы могут быть выделены по следующим критериям:

– **Возраст:** формулы речевого этикета, связываемые с молодежным жаргоном («привки», «салютик», «поки», «покатик», «до свидос»). При общении в дружеской среде студенты используют формы речевого этикета, имеющие яркую экспрессивную окраску. Однако при «деловых» отношениях между студентами употребляются нейтральные формы приветствий и прощаний (например, «здравствуй», «привет», «приветствую»). Наблюдается использование специфических форм вежливости из разных языков при общении с людьми старшего поколения («здравствуйте», «саламалейкум», «гуд монин», «джень добры» и т.д.);

– **Образование и воспитание:** более образованные и воспитанные люди тяготеют к более аккуратному употреблению единиц речевого этикета, более широко употребляют Вы-формы и пр. («доброго времени суток», «приветствую», «добрый вечер» и т.д.).

Особенно ярко выражается использование форм приветствий из разных языков при общении как между ровесниками, так и с преподавателями. Нацеленность казахстанцев изучать языки отражается в речи студентов: здесь встречаются формы речевого этикета из русского, казахского, английского и других языков. Встречая преподавателя иностранного языка или иностранного гражданина, студент приветствует его на родном языке. Например, при встрече с преподавателем польского языка студенты филологического факультета говорят «джень добры» вместо «здравствуйте», что является специфической особенностью речевого портрета казахстанского студента и отличает уровень речевого воспитания студентов.

– **Пол:** женщины в среднем тяготеют к более вежливой речи, более щепетильны в выборе тем. Формы речевого этикета, которые употребляют студенты женского пола, отличаются также словообразовательными особенностями. Так, при образовании форм приветствий и прощаний нередко используются уменьшительно-ласкательные суффиксы -ик- («приветик», «покатик», «салюттик» и др.), -ушк- (хаюшки). В то же время студенты мужского пола употребляют более грубые формы приветствий и прощаний: «салам», «здорова», «покедова» и т.д.

– Принадлежность к **специфическим профессиональным группам.**

Таким образом, понятие о культурной речи включает в себя определенные представления о норме в области речевого этикета. Особенность речевого портрета студента Астаны составляет использование форм речевого этикета из разных языков, что подчеркивает ментальность казахстанской молодежи. Студенты стремятся к изучению разных языков и активно применяют формы речевой вежливости в повседневной языковой практике. Употребление форм приветствий и прощаний из разных языков закрепились в сознании и стало нормой для казахстанской молодежи.

Литература

1. Гольдин В.Е. Речь и этикет. Книга для внеклассного чтения учащихся 7-8 классов. М: Просвещение, 1983.
2. Энциклопедия «Кругосвет». Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия. Речевой этикет. Электронный ресурс. [Режим доступа]:

http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/RECHEVO_ETIKET.html?page=0,2

3. Журавлева Е.А. Концептосфера русского языка в полиэтническом обществе Казахстана: Учебное пособие. - Кокшетау, 2009. – 160 с.
4. Михальченко В.Ю. Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков. – Вильнюс, 1984.

ФЛЕШМОБ КАК ЯЗЫКОВОЙ ПРОТЕСТ

Паршанина Н.С.

parshnadya@yandex.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Демченков С. А.

DemchenkovSA@omsu.ru

Омский государственный университет

им. Ф.М. Достоевского

Россия, г. Омск

Явление, известное под названием флешмоб, впервые вошло в социальную повседневность нашей страны всего лишь десять лет назад, но уже сейчас этим термином обозначают не меньше трёх современных форм краткосрочных общественных взаимодействий.

В 2004 году в онлайн-версии Оксфордского словаря появляется следующее, на наш взгляд, наиболее точное из всех определение флешмоба: «Организованное через Интернет или посредством мобильной связи публичное собрание совершенно незнакомых людей, которые выполняют бессмысленное действие и затем снова расходятся» [3] (перевод и подчеркивание наши. – Н.П.).

В данном исследовании мы рассмотрим флешмоб как особый язык социальной коммуникации. Изначально это язык предельно маргинальный, «странный», провоцирующий ситуацию коммуникативного краха, объясняемого несочетаемостью способов социального взаимодействия, используемых участниками акции, с теми, что привычны ее случайным зрителям.

Рассматривая флешмоб в его отношении к социальной повседневности, мы обращаемся к труду Г. Гарфинкеля «Исследования по этнометодологии». В концепции ученого «увидеть «смысл» того, что говорится, значит предоставить тому, что было сказано, статус «правила» (подчеркивание наше. – Н.П.) [1:41],

следовательно, под отсутствием содержания одновременно понимается и нарушение общепринятой нормы.

Флешмоб *встраивается* в процесс социальной коммуникации, частично *расстраивая* его. Если плодотворное, созидательное общение (как межличностное, так и осуществляемое в системе «автор-произведение-реципиент») подразумевает осмысление реплик собеседника, и зачастую их несовпадение с ожиданиями адресата, то диалог, *выстраивающийся* в процессе повседневных социальных коммуникаций, напротив, складывается по преимуществу из ряда совершенно предсказуемых поведенческих и речевых шаблонов. Стандартные социальные контакты абсолютно автоматизированы: для каждого действия заранее predetermined соответствующая реакция на него, следовательно, исчезает необходимость включения в этот уже отшлифованный процесс процессов мыслительных. Обыденная экономия творческих сил оборачивается их «обмелением».

Организатором ряда опытов по «прерыванию» такой бесконечной циркуляции неосознаваемых будничных поведенческо-речевых импульсов выступил американский социолог, основоположник этнометодологии Г. Гарфинкель. Он продемонстрировал, насколько сложно нарушить стабильность этой системы. К примеру, когда в смоделированных им ситуациях экспериментаторы «...просили собеседников пояснить смысл их тривиальных высказываний, без приглашения присоединялись к группе беседующих незнакомых людей или во время ординарного разговора время от времени «случайно» бросали взгляд на разные предметы в помещении» [1:83] и т.д., испытуемые, на некоторое время приходя в замешательство, старались «...благодаря приписыванию партнеру какого-то типичного мотива...» [2:106] находить всему *повседневное* обоснование. Неадекватное поведение, по мнению многих «жертв» коммуникативного конфликта, объяснялось состоянием/настроением «странного» человека или же неким потаенным смыслом, который тот «хотел» донести, то есть очевидно полное высказывание так или иначе наполнялось содержанием; нечто, выходящее за пределы понимания стягивалось в «правильные» рамки. Таким образом, «...ситуация «нормализовывалась», снова становилась ситуацией повседневности...» [2: 106], «...исключалась из разряда непонятных и бессмысленных» [2: 106].

Флешмоб интуитивно нащупывает пути противодействия защитным механизмам повседневности и не дает «нечаянным» зрителям ни времени на так называемое «*переопределение* ситуации» [2: 106] (классическая акция длится не дольше пяти минут), ни возможности доказать, что их поведение приоритетно как выбор большинства (число участников наиболее успешных флешмобов часто не меньше числа их свидетелей, причем первые не подают признаков сговора).

Нонконформизм флешмоба заключается не в том, чтобы разрушить машинальный язык социальных отношений, а в том, чтобы, продемонстрировав его несостоятельность, некоммуникабельность, вызвать в нём кратковременный сбой и тем самым подтолкнуть к раскрепощающей автодеструкции.

Однако флешмоб в чистом виде просуществовал весьма недолго. Подобно тому, как разговорно-просторечные грамматические формы и лексические единицы, получая массовое распространение, постепенно утрачивают экспрессию и со временем нередко приобретают нормативный статус, флешмоб проходит своеобразный процесс социализации. Сделавшись явлением достаточно узнаваемым, привычным, флешмоб сам в некотором роде становится поведенческим паттерном.

Так, на втором этапе своей эволюции флешмоб превращается в инструмент создания и скрепления социальных связей и собирает людей либо прежде знакомых, либо желающих обрести новые контакты. Сейчас флешмобом все чаще называют традиционное культурно-массовое рекламное или политическое мероприятие, имеющее вполне конкретную цель, но проведенное в нетрадиционном для мероприятий такого типа флешмоб-формате.

Третья ступень флешмоб-развития – это постепенная легализация некогда «ненормативного» «протестного» социального языка. Проведение таких мероприятий, как «Всероссийская интернет-премия «ФлешМобия», официально поддерживаемых государственными учреждениями (Правительство Санкт-Петербурга и др.), свидетельствует о признании флешмоба языком общественно легитимным, нормативным отклонением, а не отклонением от нормы.

Литература

1. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. – СПб.: Питер, 2007. – 335 с.

2. Ионин Л.Г. Социология культуры: учеб. пособие для вузов. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 427с.
3. Shifted meanings: flash mob // OxfordWords blog. Электронный ресурс [Режим доступа, дата обращения: 15.12.2013]: <http://blog.oxforddictionaries.com/2011/08/shifted-meanings-flash-mob/>

УЧЕБНЫЙ ТЕКСТ КАК ЕДИНИЦА ОБУЧЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Сапронова А.

alena1992.18@mail.ru

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Агманова А.Е.

agmanova@mail.ru

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

Казахстан, г. Астана

В настоящее время все больше и больше встают вопросы о взаимодействии, взаимовлиянии народов и культур друг на друга. Люди сталкиваются с разнообразием культурного окружения, с иной системой ценностей, что приводит либо к адаптации к данной среде, либо к ее отрицанию и неприятию. Поэтому сейчас в контексте полиязычного образования остро встает вопрос о том, как работать над формированием этнокультурной компетенции уже в школе, так как учебники русского языка являются для учеников порой основным источником получения не только сведений об изучаемом языке, но и информации об этнокультурных особенностях страны изучаемого языка.

При изучении учебного текста мы сразу сталкиваемся с проблемой определения этого термина. Несмотря на частотность и распространенность понятия в педагогической и научной литературе, до сих пор нет его общепринятой дефиниции.

А.Э. Бабайлова, изучая текст вообще и учебный текст в частности, пишет: «Учебный текст – это единица обучения текстовой деятельности, учебной текстовой коммуникации» [1: 130].

Особую обучающую роль текстов отмечает Т.М. Дридзе: «Через тексты обучаемый приобщается к знаниям, социальным ценностям и нормам, к разнообразным сведениям, накопленным людьми в ходе практической и теоретической деятельности, что важно ему для участия в социальной жизни, для совместной с другими людьми

социальной деятельности» [2: 240]. Но в данной работе нас интересует не просто текст, а учебный текст с этнокультурной составляющей, которая помогает формированию поликультурной личности.

Для проверки наших предположений мы проанализировали ряд учебных пособий по русскому языку как в школах с русским, так и нерусским языком обучения и пришли к выводу, что современные пособия активно используют учебный текст и внедряют в него этнокультурные компоненты.

Например, в казахстанском учебнике по русскому языку для 9 класса с русским языком обучения учебные тексты наполнены этнокультурными компонентами, которые выполняет две функции: показывают значимость и богатства родного языка и бережное отношение к русскому языку: *«Я люблю русский язык, но так же люблю и свой родной балкарский, на котором я впервые сказал «мама», «хлеб», «дерево», «снег», «дождь», «звезды (К. Кулиев)»* [3:5]. Ученик, который прочитает и вдумается в данный отрывок, еще раз должен убедиться в том, что изучая любой другой язык (в нашем случае русский), он «не предает» свой родной язык, а лишь обогащает его.

Следующий казахстанский учебник, но уже для школ с казахским языком обучения по этнокультурной наполняемости не уступает первому. Уже первый параграф учебника посвящен теме «Русский язык в диалоге культур», что с первых страниц настраивает учеников к восприятию этнокультурных компонентов [4: 10].

Все это позволяет девятикласснику, у которого в этом возрасте высокая степень абстракции и обобщения при обработке внешних фактов, воспринять учебный текст как источник информации.

Анализ украинского учебника для 8 класса на предмет представленности этнокультурных компонентов в учебных текстах показал, что учебные тексты, представленные в данном учебнике, недостаточно нацелены на формирование этнокультурной компетенции, поскольку носят познавательный характер общей информативной направленности. Ученик здесь не увидит сквозной культурологической темы, которая должна идти параллельно с изучением языковых единиц и овладением навыками устной и письменной речи.

Таким образом, важнейшей характеристикой учебного текста является наличие в нем этнокультурного потенциала. Именно

поэтому учебный текст должен содержать компоненты, обеспечивающие восприятие заключенной в нем информации этнокультурного характера.

На сегодняшний день формирование этнокультурной компетентности является одной из приоритетных задач современной школы, поскольку призвано научить людей жить вместе, помочь им преобразовать существующую взаимозависимость государств и этносов в сознательную солидарность.

Литература

1. Бабайлова А. Э. Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1987. – 130 с.
2. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии. – М.: Наука, 1984. – 240 с.
3. Шманова Н.Н. и др. Русская речь: Учебник для 9 классов общеобразовательных школ с казахским языком обучения/ Н.Н. Шманова, Н.Ж. Шаймерденова, А.Т. Кошерова. – Алматы: Издательство «Мектеп», 2005. – 272 с.
4. Сулейменова Э.Д., Сабитова З.К. Русский язык: Учеб. для 9 кл. общеобразоват. шк. – 2-е изд., перераб. – Алматы: Атамұра, 2009. – 304 с.
5. Рудякова А.Н., Фролова Т.Я. Русский язык: Учебн. для 8-го кл. общеобразоват. учебн. заведений с рус. яз. обучения. – Киев: Грамота, 2008. – 328 с.

ЗАСТОЛЬНЫЙ РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Чжан Айли

e.siaoke@yandex.ru

Научный руководитель: ст. преп. Чуваева К.М.

ksushona@bk.ru

Санкт-Петербургский государственный

политехнический университет

Россия, г. Санкт-Петербург

Обычаи стола – важнейшая часть быта, отражающая коллективный опыт многих поколений и уходящая корнями в глубокую древность. На основе обычаев питания формируется застольный этикет питания, являющийся важным элементом

национальной картины мира. Застольный речевой этикет также имеет ярко выраженные национальные особенности, обусловленные влиянием культурных традиций и языковых факторов.

В России этикетные правила поведения за столом тесно связаны, с одной стороны, с хозяйственным укладом и семейными отношениями в традиционной крестьянской семье, с другой стороны, формировались под влиянием европейской культуры. Особенно сильно влияние европейских традиций проявилось во времена реформ Петра I. Китайский застольный этикет берет начало от священных ритуалов глубокой древности и тесно связан с идеями конфуцианства. В культуре питания в Китае отчетливо проявляется конфуцианская идея гармонии «хэ» (和) [1: 143-144].

Рассмотрим некоторые особенности китайского и русского застольного речевого этикета, проявляющиеся на лингвокультурологическом уровне.

1. Самыми употребительными выражениями в русской застольной традиции, инициирующими процесс принятия пищи, являются фразы «*Приятного аппетита!*» и «*Кушай(те) на здоровье!*» В аналогичной ситуации китайцы выражают свое гостеприимство словами «*Чем больше ешь (едите), тем лучше!*» (吃饱吃好). В ситуации повседневного общения, когда хозяин предлагает гостю съесть дополнительную порцию или попробовать другие блюда, русские отказываются в том случае, если они действительно больше не чувствуют голода. Обычными за столом являются такие фразы, как «*Можно, пожалуйста, еще кусок хлеба!*», «*Передай(те), пожалуйста, салат!*» и т.п. Китайский застольный этикет требует от гостей пассивного и как можно более скромного поведения. Во всех случаях на предложения хозяина следует вежливо отвечать «*Спасибо, я уже полон (= сыт)!*» (謝謝, 我吃饱了), независимо от реального положения вещей. Однако данный ответ совсем не означает отказ, это просто проявление этикетного формализма. Хозяин, несмотря на отказ, будет добавлять в тарелки гостей новые порции приготовленных блюд. Важной особенностью китайского застольного речевого этикета является запрет на упоминание риса. Ни в коем случае не рекомендуется говорить «*Не хотите ли риса?*» (要不要饭?) или «*Я буду рис*» (要饭). Данные выражения имеют коннотативное значение попрошайничества или подаяния и унижают как просящего, так и предлагающего [2: 2-3].

2. Ведущим средством реализации ценностных доминант русского застолья является жанр «тост». Русские тосты весьма многочисленны, разнообразны и многословны. В русском языке существует устойчивая модель «*выпить за кого-либо/что-либо*». Предметом тоста может быть не только дружба, любовь, счастье, победа, мир и т.п., но и любой бытовой предмет (новая машина, квартира, успешно сданный экзамен и т.д.), например:

Поднимем же бокалы за любовь, поднимающую нас до небес!

Выпьем за наших женщин – матерей, хранящих очаг, давших нам свободу, жизнь, бессмертие!

За твой новый компьютер!

В китайской застольной коммуникации жанр тоста также представлен, однако существует определенный набор тостов-шаблонов. Эти краткие застольные фразы могут быть использованы во множестве ситуаций, например:

Я поднимаю бокал в вашу честь! (我敬您一杯!)

Давайте поднимем бокалы и выпьем до дна!
(让我们共同举杯，干杯!)

Тысяча бокалов вина не слишком много, когда встречаются друзья! (酒逢知己千杯少!) и др. [3]

3. Церемония окончания застолья играет важную роль в застольном этикете. Русские выражают благодарность за приглашение и уважение к хозяину предложением «*Спасибо за угощение! Все было очень вкусно!*» Данная фраза также применима в Китае. После принятия пищи китайским гостям непременно следует похвалить хозяина за кулинарное мастерство и выразить свою благодарность и удовлетворение фразой «*Я хорошо поел и полностью сыт!*» (我吃好了). Однако ни при каких обстоятельствах нельзя говорить «*Я закончил (еду)*» (我吃完了), так как слово «*заканчивать*» (完) имеет также значение «конец жизни».

Сравнивая застольный речевой этикет в китайском языке и русском языке, можно сделать вывод об особенностях русского менталитета: русский речевой этикет застолья отражает большую прямоту и индивидуализм русских людей в сравнении с китайцами. Последние в ситуации общения за столом проявляют себя подчеркнуто скромными и вежливыми людьми.

Знание застольного речевого этикета как особого языка общения дает возможность избежать коммуникативных ошибок, обеспечивает

достижение взаимопонимания и взаимоуважения при застольном общении представителей китайской и русской культур.

Литература

1. Байбурин А.К., Топорков А. Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. Л.: Изд-во «Наука», 1990. –165 с.
2. Ма Яньли. Застольный ритуал и концепт «Застолье» в китайской и русской лингвокультурах. Автореф. дис. ... канд.филол. наук. –Волгоград, 2005.–12 с.
3. Рысбеков Т. О некоторых особенностях речевого застольного поведения в китайской традиционной культуре. Электронный ресурс [Режим доступа]: http://www.rusnauka.com/34_VPEK_2012/Philosophia/4_121298.doc.htm

КИТАЙСКИЕ И РУССКИЕ ФОРМУЛЫ ПРИВЕТСТВИЯ В АСПЕКТЕ КОММУНИКАТИВНЫХ НЕУДАЧ

Ян Мэн

75241154@qq.com

Научный руководитель: ст. преп. Чуваева К.М.

ksushona@bk.ru

*Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет
Россия, г. Санкт-Петербург*

Представители любого этноса в процессе коммуникации при передаче информации и выражении эмоций основываются на национальных традициях и моделях мышления. В межкультурной коммуникации если адресант и адресат не могут взаимодействовать в рамках одного и того же культурного фона, возникает феномен коммуникативной неудачи.

Культурные традиции и обычаи русского и китайского народов значительно отличаются, поэтому при изучении русского языка китайскими студентами очень важно уделять большое внимание формированию у учащихся фоновых знаний.

Особо значимыми в культуре любого народа **являются этикетные формулы приветствия, обладающие яркой национальной спецификой.** Китайские и русские этикетные формулы повседневного приветствия имеют как сходства, так и различия. Приведем некоторые особенности китайских и русских формул приветствия, обусловленных культурными традициями и

обычаями, незнание которых может служить причиной коммуникативных неудач при общении представителей данных этносов.

1. *Невербальные формулы приветствия.* В китайской культуре приветствие следует сопровождать улыбкой, это позволяет коммуникантам выразить доброе отношение друг к другу. В повседневном общении, особенно в сфере обслуживания, улыбка пропагандируется и поощряется [1]. В русской культурной традиции не принято улыбаться незнакомым людям. На улице или в общественном транспорте улыбка не является существенным элементом проявления вежливости, иногда ее воспринимают негативно как легкомысленную, несерьезную, неискреннюю. Улыбка без причины высмеивается (у русских существует поговорка «Смех без причины – признак дурачины»).

Указанная особенность не означает, что русские негостеприимные, невежливые или холодные люди, это лишь проявление культурных различий, которые необходимо учитывать при общении, чтобы избежать недоразумений и конфликтов.

Большую роль в процессе коммуникации играют жесты, многие из которых носят ярко выраженный национальный характер. Жест рукопожатия является распространенной формой приветствия как в Китае, так и в России. Китайцы переняли рукопожатие из западной культуры, однако привнесли в него специфические черты. В Китае рукопожатие может длиться до 10 секунд. При этом китаец накрывает руку собеседника своей правой рукой, держа ее в левой и одновременно покачивая вверх-вниз. Чем дольше длится рукопожатие, тем большее уважение проявляет китайская сторона [1: 23; 2]. Такая форма рукопожатия в некоторых случаях вызывает недоумение у людей, незнакомых с особенностями китайской этикетной культуры. В России принято держать руки на одном уровне, рукопожатие не столь длительно, и вторая рука при этом не задействована.

2. *Вербальные формулы приветствия.* Самой распространенной формулой приветствия в Китае является выражение «*Ни Хао!*» (*Ты добрый!*) или «*Нин Хао!*» (*Вы добрый!*). Оно универсально и уместно в любых ситуациях. Адекватными переводами на русский язык могут являться русские слова «Привет!», «Здравствуй(те)!». Китайские студенты, не знающие особенностей русского речевого этикета, считают данные переводы взаимозаменяемыми и могут обратиться к

преподавателю, используя оба варианта. Однако слово «Привет!» в русской традиции можно использовать лишь при обращении к близким или хорошо знакомым людям (членам семьи, друзьям, одноклассникам и т.п.)

Приветствие в Китае также может отражать обеспокоенность говорящего здоровьем, жизнью или работой собеседника: «Куда ты идешь?», «Ты идешь на работу?», «Гуляешь?» и т.п. Данные выражения весьма распространены в китайском языке. Однако представителями другой (в том числе русской) культуры такие приветствия могут быть восприняты как вмешательство в личную жизнь человека. В русском языке приняты другие вербальные формы выражения заботы при приветствии: «Как дела/жизнь?», «Как (вы) живете?», «Как успехи?» и т.п. Эти выражения не нарушают личное пространство собеседника, но в то же время выражают участие и заинтересованность.

3. *Формулы обращения.* Часто китайские студенты обращаются к русским преподавателям при помощи формулы «Добрый учитель/преподаватель!» (*Лаоши хао!*). Русские преподаватели воспринимают данное обращение как фамильярность, фривольность. В действительности в китайской традиции данное обращение является проявлением уважения по признаку профессии или должности. Для китайского речевого этикета характерна следующая формула приветствия: фамилия + наименование должности/профессии + частица *хао* («добрый»). Например, «Ван директор!», «Ли учитель добрый!» и др.

Следует также отметить, что в Китае принято приветствовать преподавателя при встрече независимо от того, сколько раз в течение одного дня эта встреча повторяется. Это правило является отражением особого уважения к преподавателю и обязательно в китайской культуре, базирующейся на принципах конфуцианской морали.

Формулы приветствия в китайском и русском языках достаточно разнообразны, они зависят от коммуникативной ситуации и характеризуются национально-культурной спецификой. В связи с этим при обучении китайских студентов русскому речевому этикету необходимо рассматривать различные культурные коннотации, прогнозировать потенциальные коммуникативные неудачи, выбирать адекватные коммуникативные стратегии.

Литература

1. Азнабаева Т.С. Некоторые особенности невербального стиля общения китайских коммуникантов. Электронный ресурс [Режим доступа]: <http://www.bgpu.ru/site/content/kafs/kitae/russiaandchina/2010/philology%20of%20Modern%20Chinese%20Literature%20and%20Language/Aznabaeva%20T.S.pdf>
2. Чжоу Сяоцзюань. Современный китайский речевой этикет. Дис. ... канд. филол. наук. – Ухань, 2005. – 48 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА

ВЕРБАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «ЛОШАДЬ» В РУССКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ

Бисимбаева Г.

gauchar_96@mail.ru

Научный руководитель: д.ф.н., профессор Журавлёва Е.А.

zhuravleva_ea@enu.kz

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

Казахстан, г. Астана

В современный период язык все чаще рассматривается учеными через призму человеческого восприятия, в центре внимания исследователей оказываются такие проблемы, как связь языка и мышления, языка и культуры нации, в связи с этим в лексическом значении слова особую роль приобретает культурный фон.

С древности до настоящего времени лошадь – это неотъемлемая часть быта человека. Образ лошади присутствует в художественных и фольклорных текстах разных жанров, выражается в живописи и скульптуре, присутствует в символике многих стран. Концепт «лошадь» является функционально значимым понятием для культур многих народов, особое значение имеет этот концепт для русских и казахов.

Наше исследование посвящено исследованию концепта «лошадь» в русском и казахском языках. В первую очередь нам бы хотелось остановиться на анализе словарной дефиниции данного концепта, установить общность и разницу семантического поля в русском и казахском языках. Обращение к лексикографическим источникам обусловлено необходимостью соотнесения толкования слова лошадь в словарях разных временных периодов.

В **словарях русского языка** находим следующие толкования:

1. Лошадь – вообще конь; особ. не жеребец и не кобыла, мерин [1: 269-270].
2. Лошадь – домашнее животное, ходящее в упряжи или под седлом [2].
3. Лошадь – крупное домашнее однокопытное животное [3: 231].

В **словарях казахского языка** находим следующие толкования, связанные с «лошадью»:

1. Жылқы – непарнокопытное, одно из четырех видов крупного рогатого скота [4]
2. Ат – 1. конь, мерин, 2. средство передвижения; как транспорт [5].
3. Конь, запрягаемый в повозку и используемый для разных сельскохозяйственных работ [5].

В русском языке существует 133 синонима слова лошади: бурка, гнедко, жеребенок, жеребец, кляча, кобыла, лошаденка, мерин, мустанг. У казахов в зависимости от пола и возраста следующая номинативная лексика: кулын – жеребёнок, жабагы – полугодовалый жеребёнок, тай – годовалый жеребёнок, кунан – двухгодовалый жеребёнок, байтал – кобылица, сойтал – трёхгодовалая кобылица, кулык – кобылица, ожеребившаяся в первый раз, донен – самец-трёхлетка, бести – пятилетний самец, ат – кастрированный жеребец, саурик – молодой жеребец, впервые используемый как производитель, айгыр – жеребец.

Казахская лошадь связывается, прежде всего, с кочевым образом жизни. Быстрый конь символизировал свободу и мужество. В первую очередь лошадь – это предмет гордости джигита. С трёхлетнего возраста мальчика сажали на лошадь, обучали верховой езде. Вся жизнь народа проходила в кочевьях, поэтому с детства ребенку прививали навыки верховой езды и ухода за конем. Батыр считал своего коня верным другом, частью себя. Во время празднеств устраивались байга (скачки) и кокпар (спортивная игра на конях).

Общие и различные черты образа лошади показывают и фольклорные тексты (загадки, пословицы, поговорки, сказки, анекдоты) и фразеологизмы. Приведем некоторые характерные примеры пословиц.

Русские пословицы: У хорошего хозяина нет плохой лошади. Погоняй коня не кнутом, а овсом. Хорошая лошадь от еды согревается. Ретивому коню тот же корм, а работы вдвое. От хозяйского глаза и конь добрее.

Казахские пословицы: Конь под растяпой о собственные поводья спотыкается. Доброму коню достаточно одного удара, плохому и тысячи плетей мало. Повадки коня одному хозяину известны. Не хвались серебряной подковкой коня, хвались его резвостью. Конь познается под седлом, человек – в дружбе.

Примеры показывают, что у русского народа лошадь в основном – упряжная, тягловая сила, а у казахов – скакун, транспорт. Лошадь для казахов как корова для русского. Во-первых, это мерило

богатства. Богатые обладали табуном лошадей. Во-вторых, это источник питания. Лошадь дает кочевнику кумыс, равносильный молоку, и мясо.

Концепты, в отличие от лексического значения, сохраняют свою структуру, не теряя включенные в нее признаки на протяжении истории существования нации. Вместе с тем парадигма признаков концептов видоизменяется за счет продолжающегося познания мира: развитие общества, культурные и технические процессы дополняют и обогащают сведения о нем.

Совместное проживание казахского и русского народов на территории Казахстана оказывает влияние не только на взаимодействие языков, но и на взаимодействие двух культур. Для казахстанцев такие слова как «согым», «кокпар» и «казы» не требуют каких-либо дополнительных пояснений, но, тем не менее, иностранцам потребуются толкование вышеприведенных слов. Это говорит о наличии определенных фоновых знаний у представителей разных национальностей, проживающих на территории нашей страны.

Лошадь имеет разное значение в жизни двух народов. Это прослеживается в фольклоре, литературе и в современной жизни казахов и русских.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т.2. – М.: Русский язык – Медиа, 2006. – С. 269-270
2. Ушаков Д.Н. Толковый словарь // Электронный ресурс [режим доступа]: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Издательство Оникс, 2008. – С. 231.
4. Түсіндірме сөздік // Электронный ресурс [режим доступа]: <http://mtdi.kz/tusindirme-sozdik/>
5. Толковый словарь казахского языка // Под общ. ред. члена-корр. АН КазССР

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРАДИЦИЙ ЧАЕПИТИЯ В КИТАЕ И В РОССИИ

Ван Пань

915990904@qq.com

Научный руководитель: Чуваева К.М.

ksushona@bk.ru

*Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет
Россия, г. Санкт-Петербург*

Чайные церемонии занимают важное место в истории и культурных традициях многих народов. Первой страной, где начали использовать чайные листья в пищевых и лекарственных целях и производить чай, считается Китай. Первое документальное упоминание о чае в Китае появляется 4500 лет назад.

Распространение чая на Руси началось в XVII веке. Горький вкус чая был непривычен в сравнении с традиционными русскими напитками, сначала чай пили только богатые люди, долгое время его не пили женщины [2].

Традиции чаепития в Китае и в России имеют значительные отличия, обусловленные влиянием национальных культур. Китайцы пьют «пустой» чай, то есть не добавляют в него никаких других ингредиентов. Процесс приготовления чая в китайской культуре считается соединением пяти элементов (воды, земли, дерева, металла и огня), составляющих наш мир. В древности китайцы любили писать стихи, музыку и создавать картины за чаепитием. Чаепитие было неотделимо от конфуцианской философии, в которой творческая деятельность возможна только при достижении особого душевного состояния. Чаепитие позволяло творческим людям познать это состояние [1]. В повседневной жизни чай использовали как лекарственное средство и при его обработке старались максимально сохранить его полезные свойства. Существенной особенностью китайской чайной традиции является преобладание зеленого чая над другими видами независимо от сферы употребления (медицина, официальные церемонии, бытовые ситуации и др.)

Русские обычно пьют черный чай, добавляя в него сахар, молоко, лимон или другие ингредиенты. Принято пить чай со сладостями (медом, печеньем, пирогами и т.п.) Этим русское

чаепитие отличается от чаепития в Китае. Традиции чаепития, существовавшие в России, предполагали в первую очередь возможность выпить чая в приятной компании за душевным разговором, который может продолжаться несколько часов. Как и во многих европейских странах, чаепитие в России является распространенным занятием во время перерыва на работе или в учебных заведениях.

Китайский иероглиф «чай» (茶) включает в себе глубокий смысл. В его структуре выделяются три составляющих элемента: верхний иероглиф 艹 – «травы»; центральный элемент 人 – «человек», завершающий элемент 木 – «дерево». Таким образом, семантика данного иероглифа отражает тесные связи между человеком и природой.

В китайском языке существует множество словосочетаний с компонентом «чай», отражающих национальные культурные традиции и философию, например:

茶書 – «священная книга чая» (книга, которая рассматривает взаимосвязь между чаем и здоровьем);

茶礼 – «чайные подарки» (традиционные обручальные дары, которые преподносят друг другу жених и невеста как символ счастливой и многодетной супружеской жизни);

茶食 – «чайные продукты» (сладости, в составе которых содержится чай).

Также в китайском языке существует большое количество пословиц и поговорок о свойствах чая и его значении для человека, например:

宁可3日无言，不可一日无茶。(Можно прожить три дня без соли, но нельзя прожить ни дня без чая);

喝茶可以有更多体力。(Выпьешь чая – прибавятся силы);

1个杯茶可以瓦解藥劑師。(Каждая выпитая чашка чая разоряет аптекаря) и др.

Из этих поговорок видно, какое важное место занимает чай в повседневной жизни китайцев.

В русском языке концепт «чай» также находит свое отражение:

За чаем не скучаем – по семь чашек выпиваем;

Чай не пить, так на свете не жить;

Где есть чай – там под елью рай;

*Плох обед, когда чая нет;
Приходите к чаю – пирогами угощаю;
Чай пить – не дрова рубить* и др. [3: 3]

Если сравнивать лексическую сочетаемость слова «чай» в русском и китайском языках, можно выделить некоторые существенные отличия:

1. Для русского языка характерна модель «чай с чем» (с сахаром, с лимоном и т.п.) в то время как в китайском языке такая модель не распространена, так как в соответствии с китайской традицией чай употребляется в чистом виде.

2. По той же причине для китайского языка не актуальны такие модели, как «(добавить) в чай» или «(подать) к чаю».

3. В китайском языке в набор лексики, сочетающейся со словом «чай» входят слова, относящиеся к медицинской, философской, мифологической сферам, не характерным для русского словоупотребления. В русском языке функционируют многочисленные словосочетания, связанные с особенностями русского чайного стола, закусками и добавками к чаю.

Таким образом, в китайской и в русской культурах существуют свои особенные традиции чаепития, которые находят отражение в национальных языках. Знание особенностей словоупотребления лексемы «чай» в русском и китайском языках способствует формированию лингвокультурологической компетенции китайских студентов, изучающих русский язык, обогащает их культурный диапазон, расширяет границы межкультурного диалога.

Литература

1. Ван Лин. Китайское искусство чаепития. / Пер. с англ. Л.А. Калашниковой. – Москва: Центрполиграф, 2003. – 240 с.
2. Похлебкин В.В. Чай и водка в истории России. – Красноярск; Новосибирск: Красноярское книжное изд-во, 1995. – 464 с.
3. Смирнова Л.А. Языковая реализация концептов универсального характера («чаепитие» и «баня») в пословичной картине мира русского народа // Мат. междунар. заочной науч.-практ. конф. «Филология, искусствоведение и культурология: актуальные проблемы и тенденции развития», 27 июня 2001 г. – Электронный ресурс [Режим доступа]: http://sibac.info/files/2011_06_27_Phylology/Smirnova.doc

СЛЕНГ КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ В XXI ВЕКЕ

*Денисенко Е.А.
lena_23.97@list.ru*

Научный руководитель: Ледовских Р. Н.

ledovskih 1961@rambler.ru

АСШ №2

Казахстан, Акмолинская область, г. Акколь

Русский язык постоянно претерпевает изменения, каждое десятилетие, каждый год в язык входят новые слова, заимствованные из других языков, а также слова, которые были в языке, приобретают другое значение, другую стилистическую окраску. Например, слово *движение* в словаре Ожегова имеет 9 значений, 2 из них переносные. Возьмём самое распространенное значение: *езда, ходьба в разных направлениях*. В XXI веке появился омоним: *движение – встреча друзей, вечеринка*. Слово *мотор* по Ожегову означает - *двигатель*, а в речи школьников – это *автомобиль*. Слово *башня* по Ожегову имеет три значения, 1. высокое и узкое архитектурное сооружение, а в современной интерпретации означает *голова* [5]. Это говорит о том, что русский язык – живой, развивающийся язык.

Известно, что язык не просто средство коммуникации, но и отражение внутренней культуры, воспитания, образования и профессионального уровня. Проведенное нами исследование речи учащихся школы (г. Акколь, школа №2), позволило сделать выводы о том, что ученики активно употребляют молодежный сленг, общаясь со сверстниками на переменах, в автобусе, в местах активного отдыха, при общении с родителями и иногда в разговоре с учителями. Мы считаем, что употребление сленга не мешает развитию литературной речи учащихся, потому что во время урока, на различных конкурсах, олимпиадах, конференциях мы используем литературный язык. Учителя, слыша сленг, корректируют нашу речь, давая понять, что нужно знать, где его можно употреблять.

А что же такое сленг? В Википедии дано определение: **сленг** (от англ. s(special)lang(language)) – набор особых слов или новых значений уже существующих слов, употребляемых в различных человеческих объединениях [2]. Понятие «сленг» смешивается с такими понятиями, как «диалектизм», «жаргонизм», «вульгаризм», «разговорная речь», «просторечие». В «Большом энциклопедическом словаре» **сленг** (англ. slang) означает: 1. то же, что жаргон, преимущественно в англоязычных странах; 2. вариант разговорной речи [1]. Дж. Б. Гриноу и Дж. Л. Киттридж охарактеризовали сленг следующим образом: «сленг – язык-бродяга, который слоняется в

окрестностях литературной речи и постоянно старается пробить себе дорогу в самое изысканное общество». Российский лингвист С. Гиндин считает, что «сленг – стихия. А стихию ни запретить, ни уничтожить нельзя. Но их можно попытаться «вводить в берега», стараться ограничивать наносимый ими вред и, напротив, использовать их энергию во благо, на пользу человеческой культуре. Но чтобы управлять стихией, необходимо хорошо понимать управляющие ею закономерности и непрестанно следить за происходящими в ней изменениями» [3: 1].

Доктор филологических наук Р.И. Розина говорит, что «Получивший бурный толчок к развитию и употреблению с началом перестройки сленг продолжает развиваться и широко употребляться и сейчас. Сленг развивался и в промежутках между этими периодами, но менее бурно» [6: 1].

А почему же появляется сленг или, как его еще принято называть, «молодежное аргю»? Причина, на наш взгляд, в том, что в языке молодежи много сокращений, экономящих время и позволяющих, правда, иногда в ущерб ясности, одним словом передать несколько значений. Многие слова изобретаются для передачи переживаний, для выражения чувств, которых стесняются. Отсюда – ироничность сленга, нарочитая грубость, заимствование словечек из блатного лексикона, эмоциональная отстраненность от родителей (родителей называют *предками*, сверстников – *стариками*). В сленге немало слов и выражений, которые понятны лишь посвященным. Приведем примеры: *чел, чувак* – человек; *то бишь – то есть*; *кентубасы* – друзья; *мелкий* – младший, ребенок; *загул* – встреча друзей, вечеринка; *лаве, бабки, монета, мани, касса* – деньги; *рубиться* – играть в компьютер; *запара, сессия* – загруженность на работе, много дел; *качалка* – тренажерный зал; *мобила, аппарат, трубка, звондай* – телефон; *вытащить из компа* – извлечь информацию; *спартак* – спортивный костюм; *мастак* – мастер производственного обучения; *родичи* – родственники; *газява* – пепсикола, минералка; *вискарь* – виски; *сиги* – сигареты; *наркоша* – наркоман; *пельменник* – племянник; *замутить* – сделать; *хата* – квартира; *клава* – клавиатура; *комп* – компьютер; *лузер* – неудачник; *барагозить* – вести себя шумно; *безбашенный* – сумасшедший; *штукатурка* – косметика; *реально* – правда; *фиолетово, до лампочки, по барабану* – все равно; *грузиться* –

задумываться; чикса – девушка; завали – замолчи; квасить – употреблять алкогольные напитки.

Не только учащиеся нашей школы используют молодежный сленг, но и наши родители: *шарага – учебное заведение; валом – много; бабки – деньги; наркоша – наркоман; мотор – машина; откосить, отмазаться – уйти от ответственности; белочка – белая горячка; телек – телевизор; симка – симкарта; прикольно – непривычно; супер – отлично.*

Школьный сленг подобен его носителям: он резкий, громкий, дерзкий. Это результат своеобразного желания переиначить мир на свой манер, протест против существующих норм, а также и знак «я свой». Язык здесь отражает внутренние устремления молодых ярче и сильнее, чем одежда, прически, образ жизни. Таким образом, сленг становится способом самовыражения, необходимостью, такой же, как употребление пищи, и чтобы не казаться среди сверстников «белой вороной».

Литература

1. Большой энциклопедический словарь. – М., 1991
2. Википедия. Свободная энциклопедия.
3. Гиндин С. Язык и общество // газета «Русский язык». Издательский дом «Первое сентября», 2003, № 20
4. Кнутас Т.В. , Тунгат Б.И. Сленг в речи школьников. – Киев, 2007
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М., 1949
6. Розина Р.И. Состояние и тенденции развития общего русского сленга 2000-2003 гг.» // газета «Русский язык». Издательский дом «Первое сентября», 2003, № 20.

ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ

Ибраев Т.
Ibrayevtolebi@gmail.com
Научный руководитель: учитель Сагиева Б.Т.
bibivi@mail.ru
Казахско-турецкий лицей-интернат для одаренных юношей
Казахстан, г. Астана

Русский язык в Казахстане является вторым по числу носителей и первым по владению и уровню распространения, вместе с тем состояние русского языка в наши дни вызывает общую озабоченность общественности и интеллигенции. Упреки и претензии идут от писателей и журналистов, педагогов и актеров, общественных деятелей, специалистов-языковедов, любителей и ценителей классической русской речи [3: 107].

Речь наших современников стала своеобразной, если сравнивать её с языком классиков русской литературы. Ведь мы теперь имеем возможность гораздо больше, чем прежде, видеть и слышать, каким языком пишут и говорят окружающие нас носители языка, как они выражают свои мысли, как ведут дискуссии, как владеют литературными нормами и стандартом. Широко и обильно появляются в последние десятилетия новые слова и возрождаются старые, полузабытые: *акция, меценат и спонсор, приватизация, бартер, предприниматель, фермер, бизнес и бизнесмен, биржа, менеджер, коммерсант, маркетинг, инвестиции, гаджеты* и мн. др. Можно полагать, что в русском языке наших дней активно формируется новый функциональный стиль – бизнеса и коммерции, товарно-денежных отношений, компьютеризации, айфонизации. [2: 41]. И это тоже яркая речевая примета современности, которая, однако, уже стала привычной для слуха. Общественно-политическая деятельность уверенно «вселила» в нашу жизнь слова *парламент, консенсус, альтернатива, электорат*. Новые отношения с другими странами отражены в таких словах и выражениях, как *общеевропейский, межрегиональный, евразийский, политический диалог, мировое сообщество* и др.

С целью выявления уровня речевой культуры современных носителей языка нами было проведено анкетирование учащихся Казахско-турецкого лицея г. Астаны, взрослого населения города – всего было опрошено около 100 человек. Анализ полученных результатов позволяет сделать следующие выводы:

1. Все опрошенные респонденты (100%) отметили, что считают жаргонизацию речи неотъемлемой частью общения среди молодежи. Такие слова позволяют им самоутверждаться, поддерживать хорошие отношения с одноклассниками, обмениваться информацией, узнавать новое.

2. Выявление уровня жаргонизации речи школьников показало, что на первом месте у юношей занимает ненормативная лексика, употребление нецензурных слов; для девушек жаргон является, прежде всего, игрой слов, средством придания речи легкого юмористического характера.

3. Результаты нашего исследования показали высокий уровень жаргонизации в речи ведущих в теле- и радиопередачах, в публикациях газет и журналов. Своеобразные сленговые и инвективные элементы наблюдаются в заголовках газетных статей, в новостных программах на телевидении, радио, но особенно в Интернете, в социальных сетях и чатах которого меньше всего обращается внимание на языковую грамотность, нормированность многомиллионных пользователей.

4. Высокий уровень жаргонизации речи обусловлен изменившимися социальными условиями – приоритет материальных ценностей, социальное разделение общества (на богатых и бедных), изменение межличностных отношений и т.д. Молодежь все чаще сталкивается с безразличием, грубостью, злостью, что, в свою очередь, приводит к протесту, выражаемому в том числе повышенной жаргонизацией речи среди подростков.

5. Общение со сверстниками или ребятами старшего возраста продолжает быть значимым для испытуемых: респонденты отмечают, что хотят проводить с друзьями как можно больше времени – гулять, отдыхать, развлекаться, и в это время они общаются друг с другом на «своем» (жаргонном) языке. Воспроизводятся и широко распространяются не только различные неправильности произношения, словообразования, формообразования, словоупотребления, но и нарушения традиционных коммуникативных и этических норм.

Таким образом, полученные в ходе анкетирования данные подтверждают выдвинутую нами рабочую гипотезу о том, что наблюдается тенденция к возрастанию уровня жаргонизации речи среди подростков и учащихся старших классов. Основными причинами увеличения доли жаргонизации в речи современных

подростков и старшеклассников выступают не только общая тенденция падения речевой культуры, но и социальные факторы, значимость «своего» (жаргонного) языка для общения со сверстниками, желание подростка утвердиться, влияние СМИ (вербальная небрежность, снятие этических табу, различные проявления речевой агрессии, варваризация и вульгаризация, связанные с экспансией жаргонов) на общую речевую культуру носителей языка. Культура речи есть показатель культуры как отдельного человека, так и всего общества в целом, более того, – это важнейший фактор формирования культуры мышления, поскольку речь в значительной степени влияет на речемыслительную деятельность человека, формирует его индивидуальный умственный опыт, отношение к окружающему миру, языковой вкус.

Литература

1. Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Общие понятия стилистики. Разговорно-обиходный стиль речи. Изд. 2-е, стереотип. – М.: КомКнига, 2005. – 240 с.
2. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. – М.: Гардарики, 2005. – 287 с.
4. Русский язык и культура речи: учебник / Под ред. В.И. Максимова. – М.: Гардарики, 2005. – 316 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМА «СОЛНЦЕ – КҮН – SUN» КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДА

*Касымбаева Д.
ast_dana1@mail.ru*

*Научный руководитель: учитель Атанова А.А.,
atanova_59@mail.ru, гимназия № 5
Казахстан, г. Астана*

Языковая номинация объектов и явлений внешнего мира неразрывно связана с особенностями восприятия их человеком. Настоящая статья посвящена лингвокультурологическому анализу концепта «*солнце – күн – sun*» как уникального объекта, образ которого представлен в культуре разных народов. Исследования в области этой науки, направленные на познание культуры разных народов через его язык, позволяют вскрыть те механизмы, которые

отличают их национальное своеобразие и самобытность. В широком смысле концепт есть носитель национального языкового сознания, соединяющий в себе интеллектуальные, духовные качества национального характера, т.е. концепт – это своеобразное отражение менталитета народа.

Исследовательский интерес к проблеме значимости культа Солнца у разных народов обусловлен прежде всего высокой частотностью употребления данной лингвокультуемы, являющейся наиболее древним, архаичным символом мировосприятия человека. В первую очередь, Солнце связано с религиозными, мистическими верованиями, мифологическими представлениями древнего человека. Солнечная символика украшала головные уборы славян, выполняя функцию оберега. В славянской мифологии Солнце выступает как живой персонаж; Бог плодородия и Солнца – Дажьбог ассоциировался с образом Христа, а Христос напрямую соотносился с Солнцем, о чем свидетельствует пример из коротких проповедей Ч.Г. Сперджена: *«Солнце правды и исцеление в лучах его»* [2]. Образный слой концепта в русской мифологии составляют присущие народному сознанию эпитеты: *живое, красивое, яркое, любимый человек, ценное*.

Лексема *Солнце* находит широкое отражение в русской литературе, при этом авторы также ассоциируют это слово с живым существом. Приведем некоторые примеры названий художественных произведений, включающих в свой состав данное слово: *«Восходит солнце медленно и вяло»* (С. Заболоцкий); *«Кладовая солнца»* (М. Пришвин); *«Потомки солнца»*, *«Я вижу солнце»* (А. Платонов). Частотна лексема *солнце* и в поэтических текстах, например, К. Бальмонта: *«Солнце – символ жизни, живая природа. Я в этот мир пришел, чтобы видеть солнце, и синий кругозор. Я в этот мир пришел, чтобы видеть солнце, и выси гор»* [1]. В поэзии К. Бальмонта, одного из наиболее ярких представителей символизма, отражены следующие значения образа солнца: «жизнь», «природа», «новые возможности».

Култ Солнца существовал и у казахского народа, который вкладывал в него глубинный смысл. Солнце, имеющее форму круга (как известно, круг для казахов имеет большой сакральный смысл, строение казахской юрты, древний обычай *құдайнан*, форму казахского стола, старинный узоры в орнаменте, состоящем из кружочков с точкой в центре и мн. др.), занимает ключевое место в

жизни кочевого народа. Казахи обращались к Солнцу с почтением: *«Күн-ана біз қорғасын! Күніміз ашық болсын! Күнге табын – Жер ана»*; нарекали своих детей именами, включающими элемент *күн* как символ красоты, светлых качеств человека, его лучезарность: *Күнсұлу, Күнбыла, Күнбала, Күнжамал, Күнай*. Многие казахские поэты также не обходили стороной эту лингвокультуру, например, произведения Т. Жарокова *«Солнце заговорило»*, *«И смеется солнце золотое»*, *«Солнце за Тянь-Шанем»*; В. Шухова *«Облик солнца»*; Ш. Муртазаева *«Солнце разбросало по земле золотые лучи, словно спелые колосья»* [3]. Так, М. Шаханов в произведении *«Непонимание их – суть тьма и глухота!»* использует сравнение своего недопонимания с *«тьмой»*, *«глухотой»*, *«бедой»*, *«илом»*, *«предателем»*, *«убийцей»*, *«проклятием»*, *«палачом»*, *«он застит горизонт, он Солнце гасит днем»*, подразумевая под *Солнцем* великих личностей [4].

В английской литературе использование лингвокультуры *Солнце* встречается, к примеру, в текстах произведений *«Когда же солнце волн коснулось краем»* Дж. Г. Байрона, *«Остров на солнце»* А. Во, *«Сын солнца»*, *«Немного солнца в холодной воде»* Дж. Лондона.

Таким образом, проведенное нами исследование позволило выявить, с одной стороны, общие глубинные смыслы концепта «солнце – күн – sun»; с другой – показать различные словесные знаки, символы, образы, понятия, обусловленные национальными образами той или иной культуры. Каждый народ, в зависимости от уровня знаний, восприятия менталитета, географического расположения страны, особенностей климата и т.п., воспринимает концепт «солнце – күн – sun» по-разному. Язык – это способ формирования и существования знаний человека о мире. Изучение языка дает ключ к осмыслению самого человека.

Литература

1. Бальмонт К. Будем как солнце. Книга символов. М.: Изд-во «Эгмонт Россия Лтд», 2003. – 233 с.
2. Сперджен Ч. Солнце правды. – М.: Изд-во «Благовестник», 2008. – 336 с.
3. Муртазаев Ш. Сборник стихов. – Алматы: «Рауан», 1997. – 205 с.
4. Шаханов М. Плач охотника над пропастью. – Алматы: «Рауан», 1996. – 336 с.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА СО ЗНАЧЕНИЕМ «РИТУАЛЬНОЕ РОДСТВО»

*Ляпина С.
svetikl.00@mail.ru
Научный руководитель: к.ф.н., доцент Краева В. Ю.
kraevaveronika@mail.ru
Алтайская государственная педагогическая академия
Россия, г. Барнаул*

Язык отражает мир человека, передаёт культуру из поколения в поколение. Устойчивые выражения языка хранят систему ценностей, общественную мораль, отношение к миру, к людям. Фразеологизмы, пословицы и поговорки наглядно иллюстрируют образ жизни, историю и традиции народа, объединённого одной культурой.

Наиболее ярким фрагментом картины мира является понятие «родственные отношения». Под «родством», «родственными отношениями» традиционно понимается кровная связь между людьми, происходящими от одного общего предка, а также обусловленная брачными отношениями. Тем не менее, выделяются следующие типы родства: кровное родство, считающееся эталонным видом родства, молочное родство – это родственная связь между ребенком и его кормилицей и между детьми, вскормленными одной матерью, родство по брачным союзам – всё, что связано с иерархией семейных отношений и созданием семьи. Кроме того, у славян почитаемым считалось ритуальное, духовное родство (крестильное родство, кумовство). Также к ритуальному родству относится побратимство (посестримство) и усыновление [2:15]. Духовное родство было широко распространено на Руси, оно отразилось в языке в форме устойчивых выражений.

Устойчивые выражения русского языка со значением «родственные отношения» «накладываются» на выделенные виды родства, что позволяет нам сформировать соответствующие тематические группы. Мы предлагаем описание тематической группы устойчивых выражений со значением «ритуальное родство» с точки зрения семантических, стилистических и коммуникативных характеристик.

Наличие духовного родства налагает на крёстного отца или крёстную мать ответственность за судьбу своего крестника, который, в свою очередь, всю жизнь воспринимает своих крёстных родителей как самых главных и авторитетных родственников. Крёстными

родителями могут стать не только хорошие знакомые или друзья семьи, но и кровные родственники. Часто крёстными матерью и отцом становятся тётя, дядя ребёнка, его двоюродные братья и сёстры и т.п. После обряда крещения родственники по крови становятся ещё и духовными родственниками.

Духовные отношения родства проецируются на участников обряда крещения. Кум и кума (крёстные родители ребёнка) не могли вступать в брак, поэтому перед приглашением поучаствовать в таинстве крещения, было необходимо выяснить отношения людей между собой.

Ритуальное (духовное) родство означает не меньше, чем кровное. Более того, родство по крещению распространяется шире, объединяя «весь крещёный мир», исходя от места, времени, в которое происходило церковное таинство, связывая порой совершенно незнакомых и случайных людей [1: 96].

Группа выделенных нами фразеологизмов со значением, предполагающим ритуальное родство, включает 7 фразеологических единиц.

Фразеологизм «*названный брат (сестра)*» – тот (та), с которым (которой) побратались. Побратимство – это древний славянский обычай возведения дружбы между мужчинами (женщинами) до степени родства. Это связано с установлением христианского братства – все христиане называли друг друга «братьями» как дети одного Отца Небесного. Сфера употребления преимущественно разговорно-бытовая. «Коли парень ты румяный, *Братец будешь нам названный*» [Пушкин, Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях].

Фразеологизм «*крёстный отец (мать)*» – так говорят о человеке, принявшем участие в обряде крещения в роли духовного отца (матери). Он становится «вторым отцом (матерью)» ребёнку. Сфера употребления преимущественно разговорно-бытовая. «Теперь ты моя *крёстная мама*, да?» (Наташа, 7 лет).

Фразеологизм «*крёстный сын (дочь)*» – человек по отношению к людям, крестившим его. Так говорят о крестнике. Фразеологизм был широко распространён на Руси. Разговорно-бытовая сфера употребления. «Ты же мой *крёстный сын*, как я могу забыть о твоём Дне рождения?» (Денис, 32 года).

В значении каждой фразеологической единицы тематической группы «ритуальное родство» упоминается условность такого родства – «названный», «крёстный», «побратались». Фразеологизмы

анализируемой группы не имеют синонимов и антонимов, используются в современном русском языке реже, чем устойчивые выражения других тематических групп. Это связано с уменьшением значимости ритуального родства в России в последнее столетие. В XXI веке возродилась значимость крещения. Возможно, в скором времени устойчивые выражения со значением «ритуальное родство» снова получат широкое распространение, т. к. язык, хотя и с некоторой задержкой, отражает состояние общества.

В перспективе планируется сравнительный анализ языковых единиц, репрезентирующих «параллельные» обряды в разных культурах. Например, обряд «имянаречения» в исламской традиции. Мулла читает над ребёнком азан и икамат – особые исламские молитвы, а потом три раза шепчет младенцу на ухо выбранное для него имя.

Литература

1. Дубровина С. Ю. Родство по духу: культурно-языковая перспектива / Категория родства в языке и культуре. – М.: Индрик, 2009. – 312 с.
2. Толстая С. М. Категория родства в этнолингвистической перспективе / Категория родства в языке и культуре. – М.: Индрик, 2009. – 312 с.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОВЕДЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПСЕВДОНИМНОЙ НОМИНАЦИИ

Раимжанова М.Э.

maftunaa-92@list.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Кадеева М.И.

kadmi_ru@mail.ru

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

Казахстан, г. Астана

Антропонимика как один из главнейших разделов современной ономастической науки, исследующих именование человека, включает в себя личные имена, отчества, фамилии, прозвища, псевдонимы и т.д. Предметом нашего исследования является **псевдонимика** – наука о ложных, вымышленных именах (от греч. *pseudos* – «ложный» и *онуп* «имя»), составляющих большой пласт неофициальных именовании, который вызывает особый лингвистический интерес с точки зрения малоизученности самого факта культурологической и

прагматической ценности ономастической номинации, малой степени вовлечения в научный оборот онимических реалий как источника информации о духовной культуре, национально-исторических традициях народа-носителя языка. По мнению исследователей, в современном русском языке имеется свыше пятидесяти различных типов псевдонимов, многие из которых характеризуются прагматической значимостью, так как способны передавать разнообразные типы эмоциональных и интеллектуальных оценок [2].

Обычай двойного именования человека имеет длительную историю и уходит своими истоками в глубокую древность, когда развитие мышления было тесно связано с религиозными, мистическими и др. верованиями, мифологическими представлениями (табуирование имени с целью защиты от нечистой силы, ритуальное изменение собственных имен). Нередко литературными именами становились прозвища, которые присваивались индивиду независимо от воли его носителя. Так, древнейший индийский поэт, автор «Рамаяны» (V в. до н. э.), известен как *Вальмики*, что означает на санскрите «муравейник» (согласно легенде, в юности он занимался разбоем, а в старости, покаявшись и став отшельником, долгие годы сидел неподвижно, так что муравьи построили на нем свое жилище). До нашего времени дошло прозвище *Калидаса* (раб Кали, богини, олицетворявшей рождение и смерть всего живого), древнеиндийского поэта, чья драма «Шакунтала» (о любви царя и простой девушки) обрела мировую славу. С внешним обликом автора связано прозвище первого древнеримского поэта *Аппий Клавдий Слепой*. Знаменитый римский оратор *Марк Туллий* получил прозвище *Цицерон* за бородавку (от *cicero* – «горошинка»), такие же третьи имена получили поэты Овидий и Гораций по особенностям внешности: *Назон* (носатый) и *Флакк* (лопоухий). Порой прозвище подчеркивало какую-нибудь черту в характере автора, его жизни или творчестве, например, римский баснописец, впервые введший в литературу жанр сатиры, где под видом животных изображались люди, был прозван *Федром*, что переводится с греческого как «веселый». Знаменитый ученый XI-XII вв. вошел в историю как *Ибн-Сина*, т. е. «сын Сины».

Такого рода неофициальные имена отражают не желательные, предпочтительные, а реальные свойства и качества его носителя, его происхождение, образ жизни и фиксируют в данном искусственном имени особый смысл, который приобретали эти свойства и качества

для окружающих [1: 37]. Людям прозвища могли даваться в разные периоды их жизни, во многих случаях они были известны довольно ограниченному кругу людей. Нередко появление у многих народов прозвищ, порожденных системой табу, ср., например, обычай казахов *ат тергеу*, связанный с выражением почтительного отношения *келін* (снохи) к аулу мужа в общении с окружающими: невестка не может называть родственников мужа по имени и придумывает им имена (*Абеке, Каке, Ереке, Жаке*), прозвища, отражающие особенности их характера, внешность и т.п. (*сұңғақ бойлы, пысық қайным*).

Прозвища, в отличие от имени, присваиваются людям в соответствии с наиболее характерными признаками личности, ср. примеры из узбекского языка, указывающие прежде всего на ярко выраженные внешние признаки индивида: 1) внешние черты человека, его физические недостатки: *дўнкалла* (выпуклая голова), *кўзқисар* (моргающие глаза), *дурбинкўз* (большеглазый), *тўрткўз* (четыреглазый), *башар кичкина* (узколицый), *чўлоқ* (хромой), *қоринбой* (пузатый как мешок), *чапақай* (левша), *мўйлов* (усатый), *сўпоқ* (неуклюжий); 2) особенности речи человека: *шах-шах*, *шақилдоқ* (громкоговорящий), *соқов* (немой), *манқа* (говорящий в нос), *чийилдоқ* (писклявый); 3) положительные/отрицательные качества человека: *билогон* (умник), *варайим* (ловкач), *зукко* (находчивый), *сулув* (нежный), *катта оғиз* (хвастун), *алдоқчи* (обманщик), *айёр* (хитрый), *бетга чопар* (прямолинейный) и др.

Таким образом, рассмотренные нами исконно древние антропонимические образования, характеризующиеся неофициальностью, факультативностью, вторичностью номинации, известны во всех языках и выводятся из ономастической и функциональной специфики именования. Псевдоним, в отличие от других антропонимических единиц, выступает как единица с ограниченной сферой употребления, выполняющей специфические функции и представляющей собой результат исключительно искусственного, целенаправленного самоименования автора. Национально-культурная специфика псевдонимов и прозвищ проявляется на экстралингвистическом уровне в его функционально-прагматических особенностях. Являясь словами искусственной номинации, псевдонимы функционально детерминированы и связаны с экстралингвистической реальностью, в которой происходит общение языковых личностей: стремлением избежать преследований, желанием мистифицировать адресата, неуверенностью в успехе,

неблагозвучием собственной фамилии, модой, коммерческими причинами и др.

Литература

1. Дмитриев В.Г. Скрывшие свое имя. (Из истории анонимов и псевдонимов). – М.: Наука, 1980. – 313 с.
2. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М.: Р. Валент, 2001. – 200 с.

НАУЧНЫЕ ГИПОТЕЗЫ И ЛЕГЕНДЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ ТОПОНИМОВ ПРИИШИМЬЯ

Рахметов О.Э.

rahmetov.orazbai@yandex.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Огородникова Л.А.

lidiao@mail.ru

Ишимский государственный

педагогический институт им. П.П. Еришова

Россия, г. Ишим

Приишимье – это огромная территория, расположенная вдоль реки Ишим, которая начинает свой путь в Казахстане, а заканчивает в Омской области. В Тюменской области Приишимье занимает 34% территории. Возникновение первых русских поселений на ней относится ко второй половине XVII в.

Цель данной статьи – привести сведения о происхождении некоторых топонимов Приишимья для выяснения того, какие древнейшие языковые слои имеют место в географических наименованиях названной территории.

Приишимье – территория неоднородная по национальному составу населения, поэтому закономерно, что в названиях рек и населённых пунктов отразилось влияние языков разных народов, как родственных, так и неродственных.

До сих пор нет единого мнения о происхождении названия реки Ишим. Народные предания рассказывают, что река получила своё название от имени сына татарского хана Кучума *Ишимака*, который утонул в безымянной реке, названной позднее *Ишимом*.

С именем хана Кучума связано название мыса, находящегося в двадцати пяти верстах от города на сорока семиметровой высоте, –

Кучум-гора. Он образован с западной стороны коренной террасой правого берега реки Ишим, а с северо-восточной – глубоким оврагом. По-видимому, это место было одной из постоянных резиденций Кучума.

Авторами Сибирской советской энциклопедии слово *Ишим* толкуется как состоящее из двух слов – Иш и Мухаммед – хан киргизский Кайсацкий, властвовавший в конце XVI столетия и в первой половине XVII столетия в городе Туркестане [3].

Н.М. Шанский писал, что «название реки представляет собой, как правило, слово, указывающее на какой-то её признак: в одном случае характер течения, в другом случае – цвет или вкус воды, в третьем – размер, в четвёртом – особенности дна, в пятом – местность, где она течёт, или береговая растительность и т.д.» [4:149]. О разрушительном характере реки Ишим свидетельствуют некоторые исторические документы, в частности «Журнал министерства внутренних дел» за 1848 год, Тобольские губернские ведомости № 8 за 1957 год. Наличие данного природного признака в названии реки подтверждает и подлинно научная, на наш взгляд, версия происхождения гидронима *Ишим* профессора И.С. Карабулатовой: правильнее выводить название *Ишим* не из тюркских языков, а из финно-угорских. Большинство названий, оканчивающихся на *-ым*, *-им*, в этих языках являются сложными словами, вторая часть которых означает *земля*. И.С. Карабулатова заключает: «То, что индоевропейское толкование гидронима **иш** «течение, поток» + **шим** «лить, кипеть, жечь» (**ишим** – «льющийся поток») согласуется с финно-угорской интерпретацией (**ишим** – «водная земля») ... косвенно подтверждает идею археологов о Приишимье как зоне взаимодействия индо-иранцев и древних угров» [2: 9].

Есть ещё одно интересное предположение. А.К. Шарц, директор Центральной научно-технической библиотеки г. Перми, полагает, что слово *Ишим* произошло от тюркского названия реки Исель, Эсель [5]. Река берёт начало в Казахстане, где она именуется Есиль, Исель. В древнетюркском языке есть похожее слово «йешель», означающее «голубой».

Территорию г. Ишима от того места, где раньше был понтонный мост, до улицы Московской старые жители часто называют Киселёвкой. Первоначальное наименование – *Киселёвский мыс*. С трёх сторон он был окружён рекой. Можно предположить, что

название мыса, выходящего к реке, происходит от названия нашей реки в прошлом – *Исель*.

Ойконим Лариха Ишимского района является вторичным по отношению к соответствующему гидрониму. Профессор И.С. Карабулатова полагает, что переселившиеся в Сибирь русские старообрядцы переделали на свой лад тюркское по происхождению название «лар» (расходиться, разбредаться). Местность вокруг реки весной заливалась водой. Было много мелких речушек, ручьёв, стариц, которые летом в основном пересыхали. Каждую весну река «расходилась» на множество мелких рукавов. Это явление и послужило поводом назвать её Лар [1]. Предположительно, вся территория между реками Ишим и Лариха носила название «Лар». В.Н. Курилов считает, что есть основания просматривать за топонимами на -иха/-уха районы вселения выходцев из Костромского Поволжья или с Вятки с последующим сдвигом части этого населения вверх по реке Ишим [2].

Итак, на прилегающей к реке Ишим территории, как выяснилось, встречаются топонимы тюркского и финно-угорского происхождения. Основу именований составили природные признаки географических объектов, как, например, название реки Ишим, и антропонимы (Кучум-гора). Представленные в статье ойконимы относятся к самому распространённому типу наименований – по реке, на которой стоит населённый пункт.

Литература

1. Карабулатова И.С. Гидронимы российского Приишимья: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.С. Карабулатова. – Екатеринбург, 1996.
2. Курилов В.Н. Русский субэтнос Западной Сибири в середине XIX в.: расселение и топонимия: дис. ... канд. ист. наук / В.Н. Курилов. – Новосибирск, 2002.
3. Сибирская советская энциклопедия: в 4 т. Т. 2: 3-К. – М., 1931.
4. Шанский Н.М. В мире слов: пособие для учителей. – М.: Просвещение, 1971. – 255 с.
5. Шарц А.К. Ишиму 325 лет. – Ишимская правда. – 1976. – № 23.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ ЦВЕТА (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ)

Харитонова И.С.

harit22ir1@mail.ru

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Литвиненко Ю.Ю.

Цвет имеет огромное значение в жизни человека. Исследовав десятки языков, лингвисты пришли к выводу, что существует ряд универсальных черт в цветовой картине мира. При этом специфическое отношение народа к тому или иному оттенку, связанные с ним ассоциации и оценки отражаются в образных выражениях, идиомах и поговорках, аккумулирующих социально-историческую, интеллектуальную, эмоциональную информацию национального характера. Целью нашей работы является исследование русских и французских фразеологизмов с компонентом - цветообозначением. Мы понимаем фразеологизм в широком смысле как устойчивое сочетание слов, которое выражает целостное значение и по функции соотносится с отдельным словом. Приведем некоторые наиболее яркие примеры.

Голубой цвет и в русской, и во французской фразеологии символизирует нечто высокое (происхождение, помыслы). Сравним: рус. *голубая кровь* и фр. *sangbleu* («голубая кровь»), рус. *голубая мечта* и фр. *rêvebleu* («голубая мечта»). Однако стоит отметить, что французская лексема *bleu* по значению соотносится с двумя русскими - *синий* и *голубой*. В русском языке голубой цвет (небесный), как правило, является компонентом положительных характеристик (*голубой, как василёк; голубой, как лён*), а синий – отрицательных (*синий, как мертвец; посинеть от холода*). Французские идиомы с компонентом *bleu* чаще выражают отрицательную семантику, например: *peurbleue* («жуткий страх»), *colèrebleue* («гнев, ярость»), *basbleu* («скучный, необщительный человек»).

Лексема, обозначающая **зелёный цвет** во французском языке (*vert*), так же как и в русском, входит в сочетания, связанные с живой природой, экологией: рус. *зелёные лёгкие города, озеленить район* – фр. *espace vert* («зелёное пространство, сквер»); *révolution verte* («зелёная революция»). В обоих языках данный цвет может иметь отрицательные коннотации, вызванные, однако, разными идеями: фр. *temps vert* («сырая дождливая погода»), *être vert de froid* («позеленеть от холода») – рус. *зелёный змий, зеленеть от злости*.

Жёлтый цвет у русских и французов ассоциируется либо с вычурностью: рус. *жёлтый, как попугай* – фр. *les gants jaunes*

(«щеголи»); либо с болезненностью: рус. *жёлтый, как померанец* («о нездоровом цвете лица человека») – фр. *être jaune comme du safran* («страдать желтухой»). В русской культуре жёлтый цвет может быть признаком молодости, неопытности (*птенец желторотый*), а во французской фразеологии жёлтый цвет (*jaune*) нередко усиливает отрицательную оценочность семантики: *colère jaune* («яростный гнев, сильное раздражение»).

Красный цвет в обеих лингвокультурах используется при описании внешности и внутреннего состояния человека: рус. *покраснеть от стыда* – фр. *rouge comme une écrivisse* («красный, как рак»); ассоциируется с кровью и огнём: рус. *красное знамя, пустить красного петуха* – фр. *chapeau rouge* («обезглавленный»), *porter le fer rouge sur une (dans la) plaie* («выжечь калёным железом»); Если французские выражения актуализируют негативную семантику (*compte en rouge* – «пассивный счёт», *être en rouge* – «быть в затруднительном положении»), то русские – позитивную, связанную с чем-то важным, значительным: *проходить красной нитью, красная строка, красный угол*; красивым, приятным: *красная девица, красно солнышко*.

Белый цвет во французских идиомах (*blanc/blanche*) является самым популярным и отражает широкий спектр характеристик, как положительных, например: *blanche main* («заботливая рука»), *boule blanche* («хорошая отметка на экзамене»); *fil de la poule blanche* («счастливчик»); так и отрицательных: *sourire blanc* («натянута улыбка»), *peur blanche* («ужас»), *chou blanc* («полная неудача»), *aigle blanc* («главарь воровской шайки»). В русских фразеологизмах белый цвет связан с идеями простоты, ясности: *чёрным по белому, шито белыми нитками*; исключительности человека: *белая кость, белая ворона*; свободы: *белые крестьяне, белый билет, белый свет*.

Негативная семантика **чёрного цвета** в сравниваемых языках совпадает: фр. *bilenoire, mélancolienoire* («чёрная меланхолия»), *humour noir* («чёрный юмор»), *papillons noirs* («чёрные мысли») – рус. *чёрная зависть, чёрная кошка, чёрная полоса*.

Итак, русские и французские фразеологизмы с компонентом-цветообозначением, обнаруживая универсальные черты, имеют преимущественные области номинации: во французском языке – это характеристика человеческой натуры и отношений между людьми, а в русском – выражение чувств и состояний человека. Отметим и различие, в частотности, употребления цветовых лексем (по

убыванию): фр. – *blanc* («белый») – *noir* («чёрный») – *bleu* («синий, голубой») – *rouge* («красный») – *vert* («зелёный») – *jaune* («жёлтый»); рус. *синий* – *белый* – *красный* – *зелёный* – *чёрный* – *жёлтый*. Всё это свидетельствует о том, что в семантике изучаемых фразеологизмов, их образной основе, выборе компонентов-цветообозначений проявляется национальная специфика языка того или иного народа.

Литература

1. Гак В.Г, Новый большой французско-русский фразеологический словарь. – М.: Рус. яз., Медиа, 2006. – 1624с.
2. Молотков А.И., Жост М.-Л. Учебный русско-французский фразеологический словарь. – М.: ООО «Изд-во Астрель», ООО «Изд-во АСТ», 2001. – 336с.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово/ Slovo, 2000. – 262с.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Худайбердина Д.

Dinavirgo@mail.ru

Научный руководитель: к.п.н., доцент Юсупова Л.Г.

lyalyax@bk.ru

Сибайский институт (филиал)

Башкирского государственного университета

Россия, г. Сибай

При более детальном рассмотрении пословиц и поговорок в качестве фразеологических единиц, прежде необходимо отметить, что в исследованиях немецких ученых не прослеживается четкого разделения ФЕ на пословицы и поговорки, а сам термин «пословица» в качестве обозначения как пословицы, так и поговорки соотносится лишь с термином «фразеологизм». У пословицы и фразеологизма немецкие исследователи выделяют ряд общих признаков: для пословиц характерен постоянный неизменный лексический состав, в большинстве случаев они имеют «метафорическое обобщенное значение», которое не соответствует сообщаемым непосредственно в предложении обстоятельствам: *Die Katze läßt das Mäusen nicht.* «Как волка ни корми, он все в лес смотрит»; *Wer sich zur Kuh macht, der wird gemolken.* «С волками жить – по волчьи выть».

В трудах немецких ученых отмечаются также значительные различия между пословицей и фразеологизмом. Так, Хойзерманн пишет: «Пословицы представляют собой собственно микротексты. При использовании их в речевом общении они не «воспроизводятся», как лексические единства, а «цитируются», как и другие микротексты, части текстов, стихотворения и т.д.». Пословицы, в отличие от фразеологизмов, не предоставляют «никакой формальной возможности связи с контекстом» [2: 113].

Г. Пойкес также отмечает в качестве «первого синтаксического признака» пословиц «отсутствие морфем, которые указывали бы на контекст или речевую ситуацию». Это означает также, что синтаксическая структура пословиц характеризуется предпочтением использования существительных, глаголов и прилагательных. Кроме того, рифма и ритм в пословице также играют значительную роль: *Besser Sperling in der Hand als die Taube auf dem Dach. Auf den Sack schlägt man, den Esel meint man.*

Между пословицами и фразеологизмами существуют различного вида связи. Так, например, из пословицы может возникнуть фразеологизм: *jmdm. eine Grube graben* «пытаться кому-либо тайно навредить» из пословицы *Wer andern eine Grube gräbt, fällt selbst hinein* – «Не рой яму другому, сам в нее попадешь». Следующее различие между пословицей и фразеологизмом состоит в том, что пословица исторически зафиксирована в ее устоявшейся форме. Фразеологизмы же, напротив, в этом отношении не ограничены историческими рамками. Они представляют собой общее языковое явление, и постоянно возникают новые фразеологизмы, в то время как старые выходят из употребления, что свойственно лексическим единствам.

Грамматическая комплексность клише поговорочного типа варьируется в зависимости от их степени и характера; некоторые из этих образований выступают как простые, другие, напротив, в качестве комплексных предложений: *den Bock zum Gärtner machen* – пустить козла в огород; *Lehre den Wolf das Paternoster, er sagt doch «Lamm».* – Как волка ни корми, он все в лес смотрит.

Г.Л. Пермяков среди комплексных предложений различает, в свою очередь, сложносочиненные, сложноподчиненные предложения и бессоюзные связки: *Auch dem geschicktesten Weber reißt einmal der Faden* (букв.: И у искусного ткача рвется нить). – Конь о четырех ногах, да и тот спотыкается; *Die Katze weiß, wo sie genascht hat* (букв.:

Кошка знает, где она полакомилась). – Знает кошка, чье мясо съела; *Auf den Sack schlägt man, den Esel meint man* (букв.: Бьют по мешку, но имеют ввиду осла). – На языке одно, на уме другое.

Клише поговорочного типа Г.Л. Пермяков различает также по степени их обобщенности. В одних выражаются регулярные отношения, как, например, в следующей пословице: *Jedem Vogel gefällt sein Nest* (букв.: Каждой птице нравится свое гнездо). – Каждый кулик свое болото хвалит. Другие, напротив, сообщают только о единовременном событии в конкретной ситуации: *Wer keine Kuh hat, muß die Katze melken* (букв.: Неимеющий коровы вынужден доить кошку). – На безрыбье и рак рыба. Среди названных клише встречаются повествовательные предложения: *Ein alter Rabe krächzt nicht ohne Grund*. – Старый ворон не каркнет даром; повелительные предложения: *Lehre nicht die Fische schwimmen und die Tauben fliegen* (букв.: Не учи рыб плавать, а голубей летать). – Не учи ученого!; вопросительные предложения: *Ist das Futteral mehr wert als die Geige darin?* (букв.: Дороже ли футляр скрипки, что в нем?) – Стоит ли овчинка выделки?

Таким образом, Г.Л. Пермяков выделяет множество признаков, на основе которых отличаются формы изречений. Наиболее важными для классификации клише, вошедших в пословицу или поговорку, он считает следующие признаки: замкнутость/незамкнутость изречений; различие изречений в соответствии с их образной/необразной мотивацией; наличие/отсутствие мотивации целостного значения изречения.

Литература

1. Лейн К. Большой немецко-русский словарь. – 11-е изд., стереотип.- М.: Русский язык - Медиа, 2004.- 1040 с.
2. Пермяков Г.Л. 300 общеупотребительных русских пословиц и поговорок (для говорящих на немецком языке). – М.: Русский язык, 1985.
3. Häusermann, I. Phraseologie. Hauptprobleme der deutschen Phraseologie auf der Basis sowjetischer Forschungsergebnisse. 1977.
4. Peukes, G. Untersuchungen zum Sprichwort im Deutschen. Semantik, Syntax, Typen. Berlin, 1977.

ОЦЕНКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ ЖЕНЩИНЫ В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Чжу М.
kafrus@mail.ru
Научный руководитель: к.ф.н., доцент Виданов Е.Ю.
vidanovv@yandex.ru
Омский государственный педагогический университет
Россия, г. Омск

Общеизвестно, что исследование фразеологического фонда выступает действенным инструментом моделирования языковой картины мира. Фразеологизмы отражают в языке национальную культуру, являясь, по меткому замечанию В.Г. Гака, «одним из наиболее ярких проявлений национально-культурной специфики языка» [1: 55]. Рассмотрение фразеологизмов в контрастивном, сопоставительном, аспекте позволяет вскрыть универсальные и специфические характеристики, лежащие в основе лингвокультурологического осмысления конкретного феномена. В качестве объекта своего исследования нами были выбраны фразеологические единицы русского и китайского языков, репрезентирующие такой фрагмент действительности, как интеллектуальные качества (ум) женщины. По нашему мнению, восприятие внутренних качеств человека «со стороны» другими субъектами определяется, прежде всего, культурными и – шире – ментальными доминантами носителей конкретного языка.

Материалом исследования послужили 10 русских и 20 китайских фразеологических единиц с семантической доминантой «ум женщины». Указанные единицы извлекались методом сплошной выборки из фразеологических словарей русского и китайского языков. Обращает внимание на себя количественное различие в материале исследования. Попробуем объяснить это расхождение непосредственно языковым анализом.

В китайских ченьюй описание интеллектуальных свойств женщины сопровождается в большинстве случаев высокой оценкой: 百伶百俐 (у женщины ловкость и смекалка измеряются сотнями); 冰雪聪明 (у женщины ледяной и снежный ум); 聪明伶俐 (женщина умно-смекалая); 秀外慧中 (у женщины внешность красива, внутренность мудра); 聪明睿智 (женщина умно-

интеллектуальная); 慧心妙舌 (у женщины мудрое сердце, замечательный язык); 慧心巧思 (у женщины мудрое сердце, ловкое мышление); 七窍玲珑 (у женщины ловкое сердце); 玲珑剔透 (женщина ловко-ажурная); 伶牙俐齿, 口齿伶俐 (у женщины смысленные зубы); 机灵古怪, 古灵精怪 (женщина сообразительно-чудесная); 福慧双修 (у женщины имеются счастье и ум); 巧妇难为无米之炊 (умная женщина ничего не может делать без риса).

Лишь единичные фразеологические единицы китайского языка приписывают женскому уму отрицательные характеристики: 卖乖弄俏, 抓乖弄俏 (женщина любит притворяться умом); 头发长, 见识短 (у женщины волос длинный, а ум короткий); 胸大无脑 (у женщины грудь большая, а ум короткий).

Как видим, в китайской лингвокультуре ум женщины оценивается преимущественно положительно, что, возможно, связано с матриархальными установками, идущими из глубины веков. Женщина как глава рода должна олицетворять собой ум, рассудительность, что находит отражение как в количестве, так и в семантическом наполнении проанализированных фразеологизмов.

Прямой противоположностью выступает русский язык, где женщине приписывается неумение хранить тайны и дружить, алогичность и иррациональность поступков, банальная глупость: *Бабе дорога от печи до порога; Бабы умы разоряют дома; У бабы волос длинный, а ум короткий; Между женским «да» и «нет» иголки не просунешь; Бабий ум – бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца; Женские умы – что татарские сумы; Лучшие камень долбить, чем бабу уму учить; Собака умней бабы: на хозяина не лает; Бабий ум – перекасти поле* и т.д.

Анализ русских фразеологических единиц, содержащих оценку интеллектуальных свойств женщины, показывает, что в подавляющем большинстве случаев эта оценка негативная. Полагаем, что во многом это связано с социальным статусом, ролью женщины в русском обществе. Не секрет, что неравнозначность мужчин и женщин в русском общественно-политическом и социокультурном

пространствах породила в том числе точки зрения на русский язык как на язык «маскулинный» (ориентированный в гендерном отношении на мужчин). Отсюда, видимо, хорошо известные пары «врач – *врачиха*», «доктор – *докторша*», где вторые члены, как правило, содержат сему «*плохой*». В любом случае наши наблюдения могут стать отправной точкой исследованию, посвященному вербализации категории «феминность» (женскость) в разноструктурных языках и конкретных лингвокультурах.

Литература

1. Гак В.Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) // Вопросы языкознания. – 1997. – №5. – С. 55.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Журавлёва Е.А.</i> Вступительное слово.....	3
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ ЕГО РАЗВИТИЯ	
<i>Айдарова Н.</i> Ошибки в конструировании словосочетаний.....	6
<i>Акказенов Д., Адильбаев Д.</i> Особенности юридических терминов	8
<i>Алпамысова П.</i> К вопросу о классификации топонимов.....	11
<i>Бегалинова А.Е., Бакытжанова А.Ж.</i> Языковая игра и шутка в эпиграммах А.С. Пушкина.....	13
<i>Вэнь Пэн.</i> Состояние и перспективы преподавания русского языка в вузах китайской народной республики.....	16
<i>Дорош А., Крутьева Е.</i> Как избежать псевдопонимания при обучении русскому языку?.....	18
<i>Довгаль М.Н.</i> Концепт времени (на материале рассказа к. мэнсфилд «чашка чая» и его перевода на русский язык).....	21
<i>Ефимкина А.В.</i> Семантические компоненты значения намерения конструкций с частицей <i>не...ли</i> в современном русском языке...	23
<i>Калдыкоз Н.</i> Проблемы освоения синтаксиса сложного предложения в школе.....	26
<i>Кобнаева А.</i> К вопросу о «гидрологическом» фразеографировании.....	29
<i>Мищан С.</i> Специфика языковых средств в произведениях русского фольклора.....	31
<i>Муханова А.</i> К вопросу о стандартизации географических названий	34
<i>Садиева Д.</i> Аббревиация как средство наименования создаваемых реалий.....	37
<i>Саменова С.Т.</i> Современные заимствования в русском языке.....	39
<i>Ступичева Н.</i> Особенности употребления парцеллированных и присоединительных конструкций в цикле рассказов А.П. Чехова «Маленькая трилогия».....	42
<i>Сундеткалиева Ф.А.</i> Метафора в биологической термино-	

системе.....	44
Таипова Д. Графика как текстообразующий фактор художественной речи.....	47
Хасанова А. М. Отражение правописной нормы в специальной лексике.....	50
Шайгазинова А., Ыбышева Д. Характерные особенности терминов родства русского языка.....	53
Швецова А. Словообразовательная структура имён существительных, называющих музыкантов.....	55
Эртиме С.В. Слова, образованные от имен собственных в современном русском языке: динамика состава.....	57
Эшанкулова Ш. Работа над текстами-описаниями на школьном уроке.....	60

ЯЗЫК СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Адилъхан Ж.А. Листая «черновики истории...» язык средств массовой информации	63
Балахметова Д. Интертекстуальные проявления аллюзии в заголовочных конструкциях газет г. Астаны.....	65
Бикбаева Г.Д., Губайдуллина Э.Ф. Актуальные проблемы терминологии юридических понятий в средстве массовой информации.....	68
Егоров А.Л. Язык средств массовой информации.....	70
Зяткова К.А. Создание образа птицы в тексте сказки О. Уайльда «счастливый принц» и ее переводах.....	73
Маратова Ж. Рекламный текст как отражение жизни города.....	75
Псянчин А. Законодательство российской федерации о языке средств массовой информации	78
Серженко Г.В. Статус терминологизации на материале негативных слов.....	80
Чернова Е. И. Двусмысленность как одна из доминант современного языка рекламы.....	83

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И КУЛЬТУРА ОБЩЕНИЯ

Амен А. Проблемы речевой культуры в современном обществе...	86
Балабаева З. Упрощение орфографии как исток проблемы речевой культуры.....	88
Быкова О.Д. Семантизация негации на материале фразеологических единиц английского и русского дискурсов.....	90
Васильева А. Семантико-структурный модус пословиц с негативным маркером.....	93
Вахитова Р.Р., Исхакова Г.К. Формы приветствия и прощания в разных языках мира.....	95
Донцова М. Способы перевода димензиональной лексики.....	98
Дорош А. Семасиологический тип языковой способности на примере текстов В.С. Высоцкого.....	100
Жакабай Н. Симптоматические жесты в казахской культуре.....	103
Ибрай А. Особенности языковой личности старшеклассников.....	106
Коробко А.О. Репрезентация категории негации на грамматическом уровне английского языка.....	109
Кравец Л. Лексические маркеры оязыковлени негации.....	111
Кудрявцева Т. А. Особенности современных универбов	113
Литюга Ю. Интерпретация в русле лингвокогнитивного анализа концепта непонимания в русском языке.....	116
Медведь Е.Н. Негация как философская и лингвистическая категория.....	118
Муриенко А. Этнознаковые функции цвета в костюме как элементы невербальной коммуникации.....	121
Немцева А. Языковая норма в области речевого этикета (на примере речи студентов г. Астаны).....	124
Паршанина Н.С. Флешмоб как языковой протест.....	127
Сапронова А. Учебный текст как единица обучения и формирования этнокультурной компетенции	130
Чжан Айли. Застольный речевой этикет в китайском и русском	

языках.....	132
Ян Мэн. Китайские и русские формулы приветствия в аспекте коммуникативных неудач.....	135

ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА

Бисимбаева Г. Вербальное представление концепта «лошадь» в русском и казахском языках.....	139
Ван Пань. Сравнительный анализ традиций чаепития в Китае и в России.....	142
Денисенко Е.А. Сленг как средство общения в XXI веке.....	145
Ибраев Т. Об интеллектуально-речевой культуре современных школьников.....	148
Касымбаева Д. Лингвокультурема «солнце – күн – sun» как отражение духовной культуры народа.....	150
Ляпина С. Тематическая группа фразеологических единиц русского языка со значением «ритуальное родство».....	153
Раимжанова М.Э. Лингвокультуроведческий потенциал псевдонимной номинации.....	155
Рахметов О.Э. Научные гипотезы и легенды о происхождении некоторых топонимов Приишимья.....	158
Харитонова И.С. Лингвокультурологическая специфика восприятия цвета (на примере русских и французских фразеологизмов).....	161
Худайбердина Д. Пословицы и поговорки как объект изучения фразеологизмов.....	163
Чжу М. Оценка интеллектуальных качеств женщины в русских и китайских фразеологизмах.....	166

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Айдарова Н.....6
Акказенов Д.....8
Адилъбаев Д.....8
Алпамысова П.....9
Адилъхан Ж.....63
Амен А.....86

Б

Бегалинова А.....13
Бакытжанова А.....13
Балахметова Д.....65
Балабаева З.....88
Быкова О.....90
Бисимбаева Г.....139

В

Вэнь Пэн.....16
Васильева А.....93
Вахитова Р.....95
Ван Пань.....142

Г

Губайдуллина Э.....68

Д

Дорош А.....18, 100
Донцова М.....98
Довгаль М.....21
Денисенко Е.....145

Е

Ефимкина А.....23
Егоров А.....70

Ж

Жакабай Н.....103

З

Зяткова К.....73

И

Ибрай А.....106
Ибраев Т.....148

К

Калдыкоз Н.....26
Кобпаева А.....29
Коробко А.....109
Кравец Л.....111
Крутьева Е.....18
Кудрявцева Т.....113
Касымбаева Д.....150

Л

Литюга Ю.....116
Ляпина С.....153

М

Мицан С.....31
Муханова А.....34
Маратова Ж.....75
Медведь Е.....118
Муриенко А.....121

Н

Немцева А.....124

П

Паршанина Н.....127
Псянчин А.....78

Р

Раимжанова М.....155
Рахметов О.....158

С

Садиева Д.....	37
Саменова С.....	39
Сундеткалиева Ф.....	44
Серженко Г.....	80

Т

Таипова Д.....	47
----------------	----

Х

Хасанова А.....	50
Харитоновна И.....	161
Худайбердина Д.....	163

Ч

Чжу М.....	166
Чжан Айли.....	132
Чернова Е.....	83

Сапронова А.....	130
Ступичева Н.....	42

Ш

Шайгазинова А.....	53
Швецова А.....	55

Ы

Ыбышева Д.....	53
----------------	----

Э

Эртинэ С.....	57
Эшанкулова Ш.....	60

Я

Ян Мэн.....	135
-------------	-----

Научное издание

**Русский язык в XXI веке:
исследования молодых
Материалы I международной научной
студенческой конференции**

*Ответственный редактор – Е.А. Журавлёва
Технический редактор – А.К. Ешекенева*

Статьи публикуются в авторской редакции

Подписано в печать 08.01.2014. Тираж 100 экз.
Формат 60х84/16 Усл 10,94 п.л. Бумага офсетная
Шрифт «Times New Roman»
Заказ № 29

Типография ЕНУ им. Л.Н. Гумилева
Астана, ул. Кажымукана, 13